

63.3(2Г4Р)

об 51

Н. ФИЛАТОВ

НИЖЕГОРОДСКИЕ МАСТЕРА

Рецензент и автор вступительной статьи
член-корреспондент АН УССР А. Н. Боголюбов

Филатов Н. Ф.

Ф 51 Нижегородские мастера.— Горький: Волго-Вятское кн. изд-во. 1988.— 192 с.

45 коп.

Настоящая книга — одна из первых попыток представить для старшеклассников творческие биографии прославленных земляков — каменщиков, плотников, зодчих, живописцев. В рассказах названы имена реальных людей, в беллетризованной форме описаны события, имевшие место в действительности.

Ф 4803010102—040 42—88
М140(03)—88

ISBN5-7420-0057-X

84p7—4

Среди древнерусских городов Нижний Новгород занимал особое место, закрывая с начала XIII столетия врагам путь из волжского Понизовья и «Дикого поля» в центральные районы страны. Памятником многовековой боевой службы нижегородцев при защите Отечества высится над кручами береговых обрывов Волги и Почаинского оврага каменный кремль — важный элемент общерусской системы обороны рубежа XV и XVI вв.

Только после присоединения ханств Поволжья к России и включения Волги на всем ее протяжении в орбиту интенсивных торгово-экономических и культурных связей внутри единого централизованного государства и особенно после Смуты начала XVII в. и изгнания ополчением К. Минина и Д. Пожарского польско-литовских интервентов Нижегородский край получил благоприятные условия для своего развития. Тому способствовало и его выгодное географическое положение в центре русских земель на главных водно-транспортных и сухопутных путях из Москвы в страны Ближнего Востока и Средней Азии, в Индию и Сибирь, и удаленность от порубежья с постоянно развертывавшимися там разорительными войнами, и наличие в Нижегородском крае практически неограниченных природных ресурсов: строевого и поделочного леса, кричного железа и плавких глин, а также действие под стенами Макарьев-Желтоводского монастыря крупнейшей в России XVII в. летней ярмарки, собиравшей ежегодно русских и иностранных купцов.

XVII в. стал для Нижегородского Поволжья временем бурного торгово-промышленного и культурного развития, временем особо интенсивного освоения обширных районов по обоим берегам Оки, Волги и впадающих в них многочисленных рек-притоков. В городах, посадах и селах Нижегородского края в XVII в. появились многочисленные рудознатцы и кузнецы, плотники-корабелы и иконописцы, каменщики и зодчие, сметка, природная одаренность и мастерство которых получили признание всей страны.

Они были выходцами из народа, жили среди него и, оставаясь, как правило, «безымянными», были истинными создателями всех материальных и духовных национальных ценностей. Но что значило в феодальном обществе имя простого посадского или кре-

стьянина в сравнении с громким прозванием «пресветлого» боярина или «высокославного» монастыря? И помнились лишь ктиторы-казчики на произведения искусства или строения, а не истинные их творцы. Поэтому воссоздание биографий мастеров из народа остается патриотическим долгом советских историков-ученых и писателей. Одни добывают факты, другие их интерпретируют и, излагая в доступной форме, делают известными не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

В данном случае автор книги совмещает в себе и историка-исследователя и рассказчика. Не один десяток лет преподаватель Горьковского госуниверситета Н. Ф. Филатов проработал в архивах нашей страны, разыскивая и систематизируя факты из жизни древних нижегородских мастеров. Требовалось просмотреть не одну тысячу документов, чтоб найти нужный материал порой всего в одну-две строки. Но и это почиталось большой удачей!

С годами выросло «здание» знаний о деяниях давно забытых мастеров. Далее требовалось разыскать все возможные сохранившиеся следы их творчества: произведения живописи и кузнечного мастерства, отдельные постройки и целые архитектурные ансамбли.

Но как рассказать обо всем этом живыми голосами людей давно минувших времен? Древнерусский язык не всегда понятен читателю, излагать же историческое повествование современной речью не годится. Требуется особое мастерство автора-рассказчика, чтоб сделать изложение и понятным, и чтоб оно вводило в мир прошлого.

«Сказы» посвящены рудознанию и изографу, кузнецам, каменных дел подмастерьям и плотникам. Каждый раз Н. Ф. Филатову пришлось раскрывать особенности мастерства людей различных специальностей, рассказывать о древних технологиях производств самого высокого качества материалов, показывать процесс творчества мастеров. Автор справился и с этой весьма сложной задачей. Многосторонность знаний исследователя, владение им подлинными актами-наставлениями для древнерусских мастеров помогли Н. Ф. Филатову в этом.

В книге воссоздана жизнь и творчество лишь нескольких древнерусских мастеров. А сколько «житий» еще не прочтено, не исследовано?! Тысячи одетых в кожу древних фолиантов и отдельных столбцов-склеи лежат на стеллажах государственных архивов и еще только ждут своих исследователей!

Ознакомившись с книгой Н. Ф. Филатова, читатель узнает много интересного и важного, глубже познает историю одаренного русского народа, еще больше полюбит свой Нижегородско-Горьковский край. Это и станет заслугой автора!

*Член-корреспондент АН УССР
Алексей Николаевич Боголюбов*

НИЖЕГОРОДСКИЕ МАСТЕРА

В сокровищницу русской национальной культуры нижегородские мастера давно минувших лет: зодчие, каменщики, живописцы, плотники, резчики по дереву и камню, корабелы и кузнецы, — внесли заметный вклад. Но далеко не все их имена известны. Крайне мало сведений сохранилось о жизни даже самых прославленных творцов. Древние акты и рукописные фолианты лишь иногда, и то вскользь, упоминают отдельные имена тех, чьи творения остаются века гордостью нашего трудолюбивого и талантливого русского народа.

Тем не менее из отдельных упоминаний порой удается «собрать» творческие биографии совершенно забытых, но в свое время пользовавшихся широким признанием за талант и сметку мастеров. Сохранилось и значительное количество созданных ими памятников. Так, в Русском музее Ленинграда и в Третьяковской галерее Москвы как особо художественно ценные произведения древнерусской живописи хранятся работы изографа Никиты Павловца, родом из Павлова-на-Оке. Единственно известным в истории России первой половины XVII века мастером шатрового храмового типа, являющегося наивысшим достижением национального зодчества, остается каменных дел подмастерье Антип Константинов, начавший свой творческий путь с возведения на территории Нижегородского кремля Михайло-Архангельского

собора, посвященного покровителю русского воинства, а затем строившего в Вязьме, Москве, Владимире и вновь — в Нижнем Новгороде.

Плотники-градодельцы полководца Дмитрия Михайловича Пожарского создали для него в начале XVII века недалеко от Балахны, в приволжском селе Вершилове, редкий по своим архитектурно-художественным качествам усадебный комплекс жилых и храмовых зданий. Опись ансамбля тех лет позволяет представить его рубленые строения во всех основных частях и формах, высоко оценить тонкий вкус и чутье художественно одаренного полководца и дипломата Пожарского, инженерную смелость его нижегородских плотников-мастеров, в трудные для Отечества годы польско-литовской интервенции защитивших с оружием в руках родную землю.

Наиболее ярким представителем «узорочья» в национальном зодчестве середины XVII века остается крестьянин-каменщик приволжского села Кадницы Павел Сидоров сын Потехин, выдающиеся произведения которого стоят, уже века вызывая удивление и восторг, как в Москве и Подмосковье, так и на древней Нижегородской земле.

С XVII века железо прочно вошло во все области жизни и трудовой деятельности русских людей. Из него ковалось оружие, сошники и подковы, замки

и тележные оси, оконные решетки и связи, просекались подзорины и сложных рисунков фигурные кресты храмов, накладными металлическими полосами украшались подголовники-сундуки, коробки для клади и двери, скобами и гвоздями крепились борта торговых и военных судов.

Возросший спрос на деловое железо был удовлетворен местными рудознателями, наладившими промышленную выварку железа и стали-уклада из болотных руд. Еще в середине XVII века начал выплавку железа в лесном Заволжье кузнец-лысковчанин Федор, по прозвищу Бобер.

В книге нередко будет рассказываться о строителях и зодчих. Объясняется это тем, что архитектура во все времена и у всех народов наиболее ярко отражала уровень развития техники и производства материалов, но прежде всего — художественные вкусы сразу многих творцов из народа: каменщиков, кузнецов, плотников, резчиков по дереву и камнесечцев, живописцев и золотильщиков, керамистов-изразечников и златокузнецов. Каждый из них вносил в общее дело частицу своего художественного дарования и таланта. Созданное ими высоко ценилось многими поколениями русских людей, оно свято и для нас, ибо истинное произведение народного искусства служило славе Отечества во все времена. Беречь памятники истории и культуры — цель и задача каждого из нас, читатель!

Героями повествования являются простые люди из самых отдаленных селений Нижегородско-Горьковского края: плотники из Вершилова, каменщики с Бора, зодчий из Кадниц, изог-

раф из Павлова, рудознатец из Лыскова. Тем самым нам хотелось показать, что нет непримечательных мест, но есть города, села и деревни, история которых пока не изучена. Она может стать объектом творческого поиска юных исследователей, истинных патриотов родных мест.

Рассказы охватывают в основном события XVII века, и это не случайно! Именно тогда особо активно создавалась широким фронтом единая русская национальная культура. Это отчетливо видно на многочисленных примерах работы местных мастеров в Москве и Вязьме, в Архангельске, Астрахани и Владимире, и наоборот — на работах москвичей и суздальцев в Нижнем Новгороде и Макарье.

Но, обращаясь к столь отдаленным временам, мы были вынуждены вкладывать в уста героев речь-слова их времени. Понимая, что это создаст некоторые трудности восприятия текста, мы уверены тем не менее в полной его доступности. К тому же только так удастся читателю услышать голоса наших предков, говор давно минувших времен.

Итак, приглашаем тебя, читатель, в мир творчества нижегородских древних мастеров, в путешествие по городам и весям нашей Родины. В рассказах будут названы подлинные имена некогда живших людей и описаны имевшие место события, воссозданные по архивным документам. Автору же осталось облечь изложение событий в форму научно-художественного повествования, присочинив некоторые, недостающие для всестороннего охвата явлений, детали.

От автора

ВЕРШИЛОВСКИЕ МАСТЕРА

На пути от Балахны к современному Чкаловску лежит древнее село Вершилово. Мало кто знает, что оно едва ли не ровесник самой Балахны, что его история тесно связана с жизнью выдающегося полководца России начала XVII века Дмитрия Михайловича Пожарского. Им был построен здесь деревянный дворец и редкий по красоте и архитектурно-художественному своеобразию ансамбль из двух многошатровых храмов.

Д. М. Пожарский лично участвовал в разработке художественного образа своей усадьбы, но истинными создателями ее были все же простые плотники, кузнецы и изразечники. Даже спустя почти два столетия после этого Вершилово славилось по всей стране своими строителями. Именно из местных крестьян набирал великий русский зодчий В. И. Баженов в свою артель мастеров, которые нередко и сами подряжались возводить монументальные каменные здания в самых отдаленных уголках страны. Но истоки тому следует искать в начале XVII столетия...

Дмитрий Михайлович Пожарский переживал свой позор тяжело. Карета в окружении конников мчалась по старой Владимирской дороге в сторону Нижнего Новгорода. Ее мерные покачивания навевали мрачные думы.

Как быстро забыл царский двор его заслуги перед Отечеством! И года не прошло — выдали на унижение и глум Салтыковым головою. Да кому? Салтыковым — недавним вора-предателям. «Боярской думой приговорили» — так и записали в Разрядную книгу *.

А что дума? что бояре? — те же предатели-переметчики! Кто, бывало, поманит куском пожирнее, вотчин пообещает — тем и служить готовы. Что таким Россия? Святая земля предков? Сколько раз видели московских бояр то в окружении Гришки-Лжедмитрия, то у тушинского вора * на услужении, а то и в стане поляков-захватчиков. Искали — кто больше даст.

Взять тех же Салтыковых! Сколько бед-несчастий принесли они людям русским. В 1610 году Михайло Глебович Салтыков настоял на боярском Совете отдать шапку Мономаха * иноземцу Владиславу, а когда услышал от патриарха Гермогена твердое «Нет!» — лаял его непотребными словами, даже мечом заманивался! По его злому навету был схвачен Гермоген и уморен голодом в темнице Чудова монастыря, мучеником-страдальцем скончался старец.

Вместе с предателем Федькой Андроновым все тот же Михайло Салтыков государеву казну грабили, пустошили кремлевские сокровищницы, а затем уговаривали смолян сдать полякам на милость, тайком ввели иноземные войска в Москву, от всех крепостных ворот стольно-

го города, от пороховых погребов и пушечного наряда самоchinно сдали ключи гетману Станиславу Жолкевскому. Сколько зла от того русской земле соделалось?!

Даже сына своего Ивана не пожалел Михайло Салтыков, когда задумал ирод оставить Москву без гарнизона на позор и грабеж полякам — указал ему увести столичные полки в Великий Новгород, якобы защищать его от шведов. Новгородцы же, разгадав предательский замысел, посадили Ивашку Салтыкова за предательство отца и в наказание другим на кол. Так позорно и сгиб Ивашка.

Поджечь посады столицы и прежде всего деревянный Скородом во время попытки рязанского ополчения Прокопия Ляпунова очистить Москву от захватчиков весной 1611 года тот же Михайло Салтыков подсказал полякам. Сколько тысяч жизней сгинуло тогда в огне

* Разрядная книга — составлялась по указу царя и Боярской думы, включала записи о назначении бояр и дворян на высшие государственные должности, а также их провинностях перед двором и мерах наказания «ослушникам».

* Тушинский вор — Лжедмитрий II, стоявший станом близ Москвы в Тушине.

* Шапка Мономаха — головной убор, символ великокняжеской и царской власти в Древней Руси.

* Скипетр — жезл, символ царской власти.

* Держава-яблоко — небольшой, украшенный драгоценными камнями и увенчанный алмазным крестом шар — символ царской власти.

Царь в одежде парадного выхода и с символами власти

Боярин

пожарищ?! Все это на совести Салтыковых! «Мне ли оказывать высшую честь роду предателей?» — горестно размышлял Пожарский.

С воцарением Михаила Федоровича многие бояре, которые и на людях-то за свои тяжелые грехи перед Отечеством показываться опасались, явились незванные в Грановитую палату кремля и заняли все лавки. Теперь их оттуда не выгонишь! Древностью родов кичатся, о правах своих исконных кричат. Опорой государства самовеличаются!

Молод новый царь-государь. Страна в разрухе, враги на рубежах для новых походов на Русь полки копят — совет нужен мудрый в государственном устройстве. А советники-то... Лишь бы под себя грести. Что им за дело до России-матушки! А совсем недавно смиренные были. В памяти полководца еще живы воспоминания того времени, что наступило после смутного лихолетья...

11 июня 1613 года состоялось венчание Михаила Федоровича на царство: торжественно, пышно, многолюдно. Шапку Мономаха в Успенский собор кремля внес Иван Никитич Романов, скипетр * — боярин Дмитрий Петрович Трубецкой, а яблоко-державу * доверили спасителю Отечества. Так тогда называли все его, Дмитрия Михайловича Пожарского. В тот же день, во время торжественного застолья в кремлевских теремах, думный дворянин Гаврила Григорьевич Пушкин сказал Пожарскому

боярство и зачитал государев указ о пожаловании ему в Нижегородском уезде в вотчину древнего погоста Вершилова с деревнями и пустошами. То была награда за ратный многолетний труд, за раны, за верность русской земле. Только скоро все изменилось.

Наветы, козни чинят теперь против него бояре. Славе его среди народа завидуют, нашептывают Романовым, якобы сам он не прочь на царский престол сесть. Ложь, явная ложь, а не докажешь! Злой слух живуч. Вот уж многие его пересказывают. Пуще же всех в том преуспели Салтыковы — Михаил да сын его Бориска.

Еще в начале 1612 года в Ярославле, куда привели они с Кузьмой Мининым из Нижнего Новгорода ополчение, в прозванном «Советом всей земли» временном правительстве прознали о связях Михаила Салтыкова с польским королем Жигамонтом, о том, что сын его Борис подбивает бояр и казаков к присяге на верность полякам. Пытались еще тогда схватить их, да кто-то предупредил изменщиков, сбежали в Смоленск. С обозом Яна Ходкевича Салтыковы вновь оказались под Москвой, а когда разбили поляков, переметнулись к запорожским казакам и где-то схоронились в окрестностях Москвы.

Во время же венчания на царство Салтыковы, отец и сын, в золотных кафтанах явились прямо на торжества в Кремль.

Какие уж тут были счета?!

Всем мир и прощение обещаны были! Только с тех пор Салтыковы не отходили от молодого царя, лестью и мелкими услугами пробились в число его ближайших советчиков. Потому и решил Михаил Федорович отметить их — за «верную службу» пожаловал Бориса боярским чином, а чтобы сгладить старые вины, велел указ о том зачитать Пожарскому. Сначала сказал это Михаил Федорович во время застолья как-то вскользь, шутя почти. Нахмурился тогда полководец, но молодой царь как и не заметил того. Только на следующий день как решенное дело подтвердил это разрядный дьяк Сыродавный-Васильев.

— Что за шутка злая? Чтобы я роду предателя Отечества высшую честь оказал? Не быть тому! — возмутился Пожарский и тотчас поехал во дворец.

Михаил Федорович выслушал горячие слова возмущения, головой покивал в знак согласия, но в конце затянувшейся беседы повторил Пожарскому прежний указ, как и не было их долгого разговора.

— Мир меж нас надобен! Зачем прошлое ворошить? Что было — то было. Ведомо нам про Салтыковых. Ныне ж они верные слуги. Вот и посольство в Польшу думаем Михаилу Салтыкову доверить.

— Как? Изменнику?! Тому, кто годами предавал Русь тем же полякам?! — Мир, казалось, померк в глазах полководца. Понял он, что опоздал с разговором, что все продумано и решено

заранее, а слова его звучат наветом.

На следующий день Дмитрий Михайлович сказался больным и в кремль не пошел. Минула неделя-другая, а он и не думал являться в Думу, хотя Михаил Федорович уже дважды посылал стольников проводить здоровье своего ближнего боярина-советника, спасителя Отечества. Так и сказали, как прежде: спасителя Отечества!

Но ответ полководца был краток: болен.

Салтыковы всполошились. Слух об отказе Пожарского зачитать царский указ о пожаловании Борису боярского чина из кремлевских теремов шагнул на московские площади, пересказывался вслух служилым дворянством и посадским людом, еще помнившим недавнее предательство Салтыковых. Стольный град вновь заговорил о подвиге русского полководца, о честности его и верности Отечеству.

— Мыслимое ли дело Пожарскому предателя прощать? Прав он, хоть и царский указ повелевает исполнить это. Салтыковы клятвопреступниками были, предателями и остались, хоть и пробрались в царские терема. Не было б оттого беды и самому царю-государю?

15 сентября 1613 года в Боярской думе Михаил Салтыков бил царю челом на Дмитрия Михайловича Пожарского, нажимая все на послушание государева указа и требуя суда-приговора, «что сыну его Борису не хочет сказать боярство».

— Гордыня одолела новозванного боярина! К черни льнет, славные княжеские роды позорит. Мыслимое ли дело государева указа не почитать? — заголосили в разных углах Грановитой палаты сторонники Салтыковых и завистники народной славы полководца. Другие отмалчивались. Какое им дело до розни двух супротивников? Сами недавно с Салтыковыми при поляках состояли, да и власть былую Пожарского помнят. Сколько обид и страха от него да нижегородского гонимого Куземки Минина перетерпели!

Молодой царь не знал что и делать. Оскорбить Пожарского, благодаря которому страна совсем недавно была спасена от польско-литовских врагов, а он лично получил трон Московского государства, — можно ль? Только и то сказать: явно загордился боярин, раз именного царского указа ослушался. Какой пример другим подает?

А Дума шумела, распалялась в страстях. Криком заходилась Салтыков, гулко стучал тяжелым посохом о каменный пол палаты, в который уж раз напоминал о непослушании царю-государю строптивого Пожарского.

Видя замешательство Михаила Федоровича в решении нежданно возникшего щекотливого вопроса, из-за низменного стола, где думные дьяки записывали царские приговоры и решения Боярской думы, поднялся хранитель Большой государ-

ственной печати Иван Тарасович Грамотин. Низко склонившись над ухом царя, зашептал:

— Можно мирно дело решить. Пусть скажет боярство Борису Салтыкову от имени Пожарского разрядный дьяк и запишет в свои книги. Дело будет сделано и чести Пожарского лишать не придется. Такое бывало не раз, а грамоту о том я уж составил. Укажи зачитать, государь-царь.

Лицо Михаила Федоровича просветлело, и, ударив посохом о мраморную ступень возвышения, на котором стоял царский трон, он ломающимся, почти детским голосом, но жестко и властно произнес:

— К чему столько пустых слов слушать от мужей-советников наших?! Болен князь-боярин Пожарский. Велел от имени своего разрядному дьяку честь Борису Салтыкову сказать. Хранитель Большой государственной печати напомнил нам, что такое бывало и ранее. Читай, дьяк!

Из-за стола поднялся Сыродавный-Васильев и громко проговорил на затихшем Совете указ, закончив припиской Грамотина, что «сказывал боярство Борису князь Дмитрий Пожарской». Столь простое и скорое решение ошеломило присутствующих. Голос дьяка звучал в полной тишине. Только Михаил Салтыков, еще не успокоившийся, раскрасневшийся от натужного крика, решил от своего не отступать и вновь бить челом Михаилу Федоровичу

на боярина князя Пожарского в обидах. Но на сей раз Дума не поддержала притязаний Салтыкова, а царь лишь рукой махнул, так что боярин сконфуженно сел на лавку, то напяливая на вспотевший лоб горлатную высокую шапку*, то разминая ее на коленях руками.

Через три дня в кремлевских теремах состоялось застолье. Как ближайшие ко двору люди были званы и Салтыковы. Много ели-пили тогда гости, зашумело в головах у многих от хмельного. Салтыковы же все жужжали над ухом Михаила Федоровича о гордеце-боярине Пожарском, не пожелавшем явиться даже на званный царский пир. Говорилось и о другом — все более наветом, чего и не было. Только вино взбудоражило молодой царский ум, и в разгар застолья он махнул рукой, чтоб звали разрядного дьяка.

Сыродавный-Васильев явился тотчас, словно ждал вызова за дверь. Заплетающимся языком Михаил Федорович проговорил указ: «Царь-государь и великий князь всеа Руси Михаил Федорович указал, и бояре приговорили, велели боярина князя Дмитрея Михайловича Пожарского вывести в город и велели за бесчестье боярина Бориса Михайловича Салтыкова выдать Борису головой»*.

Утром следующего дня на двор Пожарских на Сретенке пришли стольник* Перфилий Иванович Секирин и стрелец Константин Чернышев с царским указом о выдаче Дмитрия

Михайловича головой боярину Борису Салтыкову.

Усадебные ворота Салтыковых при приближении странной процессии распахнулись настежь, словно за ними уже поджидали ее. Однако навстречу никто не вышел. Парадное красное крыльцо боярских хором оставалось безлюдным.

Дмитрий Михайлович Пожарский без шапки и опояски стоял посреди двора меж снующих по хозяйственным нуждам слуг несколько часов. Помутилось от горечи и обид в глазах. Мелкий морозящий дождь мочил непокрытую голову, струйками сбегал по окладистой бороде, меховому ожерелку длиннополой шубы, обжигающими каплями проникал за воротник. Ничего не замечая, стоял посреди двора Дмитрий Михайлович. Холод пронизал его тело до костей, предательски стучали зубы, государева неправота оглушила его.

С жареной лебединой ножкой в руках на верхней площадке крыльца появился наконец Бо-

рис Салтыков. Медленно прожевывая мясо и обглодав сладкую косточку, бросил ее вниз, под ноги полководцу и, насмотревшись вдосталь на его унижение, махнул рукой, чтоб шел домой.

Со двора Салтыковых Дмитрий Михайловича под руки уводил Перфилий Секирин. За воротами его ждал возок и люди полководца во главе со спальником* Андреем, верным слугой-оруженосцем, прошедшим с ним все дороги войны и сражений последних грозных лет. Подхватив Пожарского на руки, слуги уложили его в возок, быстро переодели в сухое, дали большую стопу подогретого вина. Дмитрий Михайлович казался бесчувственным. Только на подъезде к усадьбе, будто очнувшись, приказал тотчас заложить карету в дальний путь.

— Куда едем-то, господин мой батюшка? Когда? — спросил было Андрей, но осекся, пораженный видом и отсутствующим взглядом полководца. Такого Дмитрия Михайловича ему видеть еще не доводилось.

К вечеру, до перекрытия улиц Москвы стрелецкими дозорами и рогатками, до закрытия крепостных ворот окольного Скородома, карета Пожарского выкатил за город и, переправившись по недавно наведенному у Спас-Андропова монастыря через Язу деревянному мосту, понеслась в сторону Нижнего Новгорода.

...Села и деревни вдоль дороги стояли выжженные, безлюдные. Лишь кое-где среди обуглен-

* Горлатная шапка — высокая парадная меховая шапка, сшитая из горловины бобровых или лисьих шкурок.

* Выдать головой — отдать на позор одному из конфликтующих бояр, заставить стоять без шапки посреди двора признанного правым.

* Стольник — придворный высокого ранга, изначально — слуга, обслуживающий царское застолье.

* Спальник — особо доверенный слуга, охраняющий покой крупного феодала (царя) во время его сна.

ных изб в небо поднимались жидкие струйки дыма костров, но людей возле них не было. Завидев вооруженных всадников, они прятались и наблюдали за ними из-за укрытий, не желая показываться на глаза.— Кто знает, зачем приехали обвешанные оружием люди?

Останавливались на отдых в лесу, меняли лошадей на тех, что на ременных поводьях без седел вели следом. Всего с Пожарским отправилось в путь двадцать пять хорошо вооруженных слуг, способных дать бой и более многочисленному отряду. На дорогах Московии тогда еще нередко встречались тушинцы и казаки, мародерствующие шведы и поляки. Создаваемые в стольном граде из участников Нижегородского ополчения стрелецкие полки уже приступили к очистке от них центральных районов России. Но еще много разбойничьих шаек шаталось по окраинным лесам, и спальник Андрей самочинно распорядился собрать в дорогу наиболее надежных и опытных в боевых делах слуг Пожарского, многие из которых участвовали в боях за Москву. Их вооружили не только копьями, саблями и саадаками *, но и ручными пищальюми *.

Закутавшись в шубу, Дмитрий Михайлович проспал весь следующий день. Только на подъезде к Гороховцу он, проснувшись, приказал переправляться через Клязьму-реку и двигаться лесами в сторону Балахны. Андрей понял, что

Московский щеголь

Состоятельный горожанин в нарядном кафтане

целью поездки было недавно пожалованное полководцу в вотчину Вершилово, в котором Дмитрий Михайлович еще не бывал и где вряд ли его настигнет злоба и завистливый наговор московских бояр. Не желал более полководец терпеть обиды от этой своры своекорыстников.

К Вершилову подъехали на исходе дня. Небо хмурилось, несколько раз накрапывало осенним дождем. Но к вечеру прояснилось, и заходящее солнце окрасило вытянутые у горизонта полосы темных туч сполохами зарниц, менявшими цвет прямо на глазах.

Сначала увидели с холма в долине главку храма, а когда дорога вынырнула из-под полога леса к жнивью полей, предстало и само село. Крестьянских, опутанных высокими плетнями изб было много, но всё каких-то черных, безглазых и безлюдных. Лишь возле заплоты пруда, у клетской церковки *, встретили дьячка, который сначала испугался многолюдства воору-

* Саада́к — лук в налучии и колчан с боевыми стрелами.

* Ручная пища́ль — ружье.

* Кле́тская церковь — простейший тип храма из трех-четырех пристроенных друг к другу срубов-клетей, крытых каждый особой кровлей на два ската и с главкой на коньке.

* Церковная па́перть — крытая площадка перед входом в храм.

* Фе́рязь и кафтан — длиннополая верхняя распахивающаяся одежда со множеством застежек-«схватцев» на груди, с расшитым стоячим воротником.

Клетская церковь

женных людей, но когда узнал о приезде вотчинника и славного воителя, ударил в колокола радостным пасхальным перезвоном.

Люди бежали со всех сторон. Некоторые держали в руках, видимо прихваченные на всякий случай, рогатины и топоры. Через десять—пятнадцать минут возле храма собралась сотня мужиков и множество женщин с детишками, враз стихшими, когда на церковную паперть * вышел Дмитрий Михайлович Пожарский. Стоял он без шапки, в золотной ферязи *, с широкой саблей на чеканном поясе.

— Дети мои! — начал нежданно тепло и проникновенно полководец.— Миновали дни лихолетий и унижения! Прогнаны вóроги-иноземцы со святой русской земли! Мир и спокойствие вернулись в родные места. Час испытаний и горьких утрат миновал. Но поруганной, омы-

Русское село. С рис. XVII в.

той кровью и слезами лежит великая Московия. Суд правый и оборону принес я вам. Знайте это и идите с миром по домам. Завтра ж строиться начнем. Труд каждого общему делу нужен! Мастера-то — плотники и кузнецы — среди вас найдутся? Пусть все приходят поутру. Совет ваш надобен!

— Чудно, — зашептались между собой вершиловцы. Еще никогда не говорили с ним, черным людом-пахарем, так просто и ясно о самом главном — о мире и мирном труде. Бывало, придет управитель, кричать начнет, денег и съестных припасов требовать, плетью грозить и железами. А этот, хоть и боярин, совета народного ждет. Строиться, говорит, желает. Мастеров-искусников ищет. Чудно... а хорошо!

Расходиться от храма не спешили. Нашлись среди мужиков и бывшие нижегородские ополченцы. Те с восторгом отзывались о хитроумии и смелости полководца, вспоминали о друге-сподвижнике Пожарского, о Кузьме Минине. Тот был свой, из простых. Как-то он там, в столице, средь бояр? Жив ли?

Дмитрий Михайлович со спальником Андреем ночевали в поповском доме, большинство же его людей — в ближних крестьянских избах. После заутрени * приказчик собрал около двадцати вершиловцев в трапезной * храма, где обычно проходили все мирские сходы.

— Что можете делать? Сами скажете, аль управитель наряжать станет? — спросил полководец мужиков, оглядев собравшихся испытующим взглядом.

— Управитель пусть говорит. Знает он нас, ему доверимся, — закричали нестройно крестьяне.

— Бобыль Осипка Иванов у нас плотник-искусник. Одним, почитай, топором кружева плетет. Все село его резными ложками да блюдами пользуется, плотничьего же хитроумия ему у других не занимать! По всей округе храмы ставит: и в Жарах, и в Белогородье! — заговорил степенно приказчик.

Осипка покраснел от обильных похвал, не зная, куда девать длинные сильные руки, смешно засовывая их под полу сермяжного грубого кафтана.

— Добро! С ним мы и наряжать работников станем, — усмехнулся Пожарский. — А кирпичники и кузнецы в селе найдутся?

— Есть у нас кузнец Кирилка Савин: в Балахну для соляных цренов * поличное железо ковал... да и кирпичники есть, — ответ приказчика был не очень уверенным. — Только забыли, поди, рукомело-то свое? Разве до строительства было в смуту?

— Для доброго дела вспомним, не трудно! — заговорили собравшиеся, и Пожарский увидел, что его поняли правильно, что задуманное свершится. Обида, терзавшая душу последние дни, отступила, словно осталась там, на путях из Москвы. Стоявшие перед ним люди были просты, разумны и добры. Какое им дело до боярских распрей?!

Все может русский народ: и созидать, и биться на поле брани.

* После заутрени — после утренней храмовой службы.

* Трапезная палата — просторное помещение в монастыре (или при посадской церкви) для общих сходбищ, молитв и еды.

* Црен — огромный железный противень с высокими бортами, на котором из рассола выпаривалась под непрерывным огнем влага и получалась сероватого цвета соль.

* Венец сруба — один ряд скрепленных по углам бревен будущего деревянного здания.

* Стулья под углами сруба — дубовые толстые обрубки, ставившиеся для сохранения нижних венцов деревянных зданий от намокания и гниения.

ни, коль знает за что! А бояре их чернью, скотом-быдлом клеймят. Песчинки то русской матушки-земли, трудовые ее руки! — На душе Пожарского отлегло окончательно.

Осипка Иванов оказался действительно человеком знающим. Он сразу же указал на лучший к хорошему строению лес Красного раменья — по сторонам Хозницкого врага, где высились словно на подбор вековые лиственницы и красноствольные сосны-великаны. В два обхвата дубы для нижних венцов * и стульев под углы срубов * нашлись в верховьях речки Ненилки, вившейся по оврагам прямо к Вершилову. По ней и было решено доставлять на небольших плотах тяжелый дуб.

Уже выпал первый снег, заставший рано заглодалую землю белым покровом, когда на вершине холма у речной запруды приступили к рубке боярских хором. Дмитрий Михайлович сам вникал во все строительные дела, нередко указывал, где и что подобает рубить, но истинным создателем будущего дворца оставался все же Осипка, осмелевший и нередко возмущавший полководца. Между ними с самого начала установились необычные, почти дружеские отношения. Несогласия плотника не воспринимались дерзостью. Дмитрий Михайлович, вслушиваясь в доводы мастера, каждый раз дивился хитроумию и деловой предусмотрительности Осипки.

Сначала ввысь подняли трехэтажный сруб жилых, разделенных сенями, просторных горниц. К ним поочередно прирубали клетки кухонь, кладовых, комнат для слуг, мастерских, а чуть поодаль — бани, соединив все воедино крытыми переходами с житницами * и конюшнями.

Гридница для застолий *, а впару с ней жилая горница для полководца располагались на втором этаже. Снаружи они выделялись большими красными окнами со слюдяными, оплетенными причудливым рисунком свинцовых полос оконницами *. Внутри горницы была выложена печь с лежанкой, для обкладки которой муравленые изразцы * взялся изготовить горшечник-вершиловец Васька Фомин. Трижды ездил он в Балахну к известным своим звонким товаром изразечникам за готовыми формами-пролетками, чтоб в них оттиснуть всевозможных рисунков глиняные черепки. Только неуступчивы оказались те, держали в секрете свое искусство, в помощи горшечнику отказали. Тогда за изготовление деревянных изразцовых форм взялся сам Осипка.

Сложность работы заключалась в том, что нужно было вырезать заглубленный, обратный рисунок и по возможности со всеми самыми малыми деталями, чтоб с него потом получать изразцы с правильно читающимся изображением. Осипка промучился вечерами при лучине над первой формой больше

двух недель. Только толку из этого не вышло. Васька-горшечник часами наблюдал, как осторожно заглублял в тесницу рисунок резчик, но вот делали очередной глиняный оттиск, и он оказывался грубым, с несоразмерными пропорциями. Глина летела вновь в липовый ушат, а только что изготовленная форма под ударом топора разлеталась в щепки. Но однажды горшечника осенило:

— А ты, Осипка, режь рисунок выпукло, как и будет на изразце. Остальное — мое дело!

— Раз надумал что — объясни! Нечего томить, — огрызнулся измученный неудачами Осипка.

— Что ж тут объяснять? Ты делай, как указано, а я оттисну с рисунка глиняную фор-

* Житница — место хранения молотого и в зерне хлеба.

* Гридница — просторная палата для пиров и братчин во дворе богатого феодала.

* Слюдяные оконницы — при дороговизне стекла в XVII в. в большие «красные» окна горниц вставлялись рамы с прозрачными, нередко расцвеченными кусочками слюды. Для прочности их скрепляли свинцовыми оплетками, создававшими сложные живописные рисунки.

* Муравленые изразцы — покрытые зеленой поливой.

* Тесница — толстая доска, полученная путем расщепления бревна вдоль на 2—4 части с последующей подтеской топором.

* Повалуша — самая высокая часть хором, надрубленная над сенями с особой фигурной кровлей. Служила местом отдыха хозяев дома.

му, проволокой оплету ее и обожгу. Авось не рассыплется, пока с десятков-другой изразцов с нее получу?

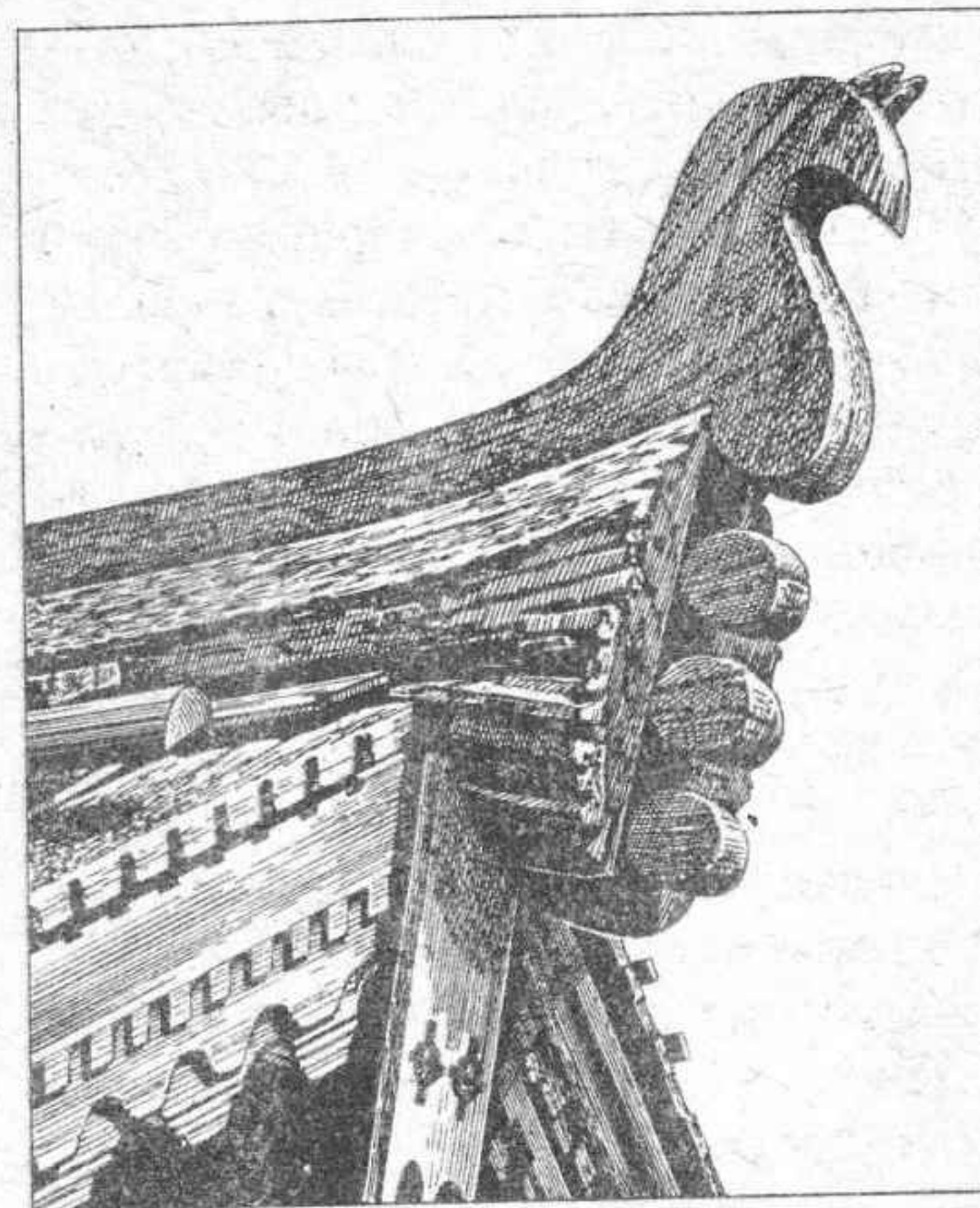
Осипка ухмыльнулся и, расправив до хруста в суставах плечи, дружески ударил открытой ладонью по спине горшечника так, что тот, охнув, осел на пол.

— Ты чего? Аль силушку девать некуда? — возмутился Василий, но, глядя на добродушно улыбающегося Осипку, сам рассмеялся.

Теперь дело шло спору. Минувла неделя, и Осипка вырезал на квадратных липовых тесницах * с десятков рисунков. А еще через неделю-две в избе Васьки Фомина по всем углам уже отблескивала зеленой поливой сотня изразцов с широкими ящичками-румпам на задней стороне и сквозными дырками для будущего крепления в кирпичной кладке. На одних изразцах изображались воины в полном боевом облачении, как память о недавних боях с польско-литовскими захватчиками, на других — сшибающиеся на полном скаку всадники, на третьих — райские дивные птицы, грозные единороги-обереги и забавные потешки-зверушки.

Посмотреть на изразцы был зван и сам барин. Повертев их в руках, Дмитрий Михайлович стал расспрашивать мастеров, что да почему изображено.

— Ты бы написал прямо на изразцах о том, — слушая рассказ, посоветовал Пожарский. — Глядишь, детишкам не только

Конек крыши

забавой изразцы бы были, но и «Букварем». Аль сам не грамотен? Так я помогу. Буквицы заглавные побольше делай, чтоб легче было учиться ребятам. Какая польза из того может выйти! Подумай-ка!

К декабрю основной сруб жилых палат покрыли высокой шатровой кровлей с остроконечными пиками полиц. Просечным узорчатым гребнем завершился конек крыши, а фигурными теремками — трубы-дымницы. Над кровлей поднялась повалуша * с площадкой для отдыха под небольшим шатром. Дивный вид открывался с нее на выющуюся по долине, уже одетую в ледяной панцирь речку Ненилку, на перепады убе-

гающих вдаль холмов, ленты чернеющих лесов и едва видимую Волгу.

На второй этаж палат со двора поднималось парадное крыльцо. Было оно на кубоватых столбах-опорах. Нижний отдых крыльца покрывала чешуйчатая бочка с полицами, верхние же площадки были отмечены шатриками. Осипка с плотниками обрабатывали столбы всевозможными порезками, в утоненных местах перехватывали их фигурными жгутами, бочку же и шатрики покрывали золотистым осиновым лемехом *.

Местный иконописец, вершиловский дьячок Никодим, глядя на поднимающееся над селом дивное диво, разохотился и предложил князю Пожарскому расписать крыльцо и наличники окон яркими красками. Желтая и красная глина-охра в изобилии находилась в береговых осыпях Волги, а голубец и зелень-цвет удалось прикупить у заезжего казанца в Балахне. Растертые в порошок краски замешали для долговечности на олифе и, подогревая их в глиняных горшочках на жаровнях, приступили под надзором Никодима к окраске.

В январе в центре Вершилова, над ледяным зеркалом пруда, поднялся дворец, радовавший глаз и теплой желтизной стен новых срубов, и смотревшимися на просвет кружевами, фигурными гребнями, подзори-нами, причелинами *, и теремками труб-дымниц, а также яр-

коцветием окраски парадного крыльца и окон. Еще повсюду землю покрывали стружки и пахнувшее смолой щепье, а из дымниц хором уже заструился дым.

Дмитрий Михайлович указал было приказчику тотчас рубить в селе и новую церковь. Старая совсем обветшала: кровля протекала всю осень, стулья-чурбаки под нижними венцами сруба от давности лет подгнили, алтарь * осел и уперся брусьями прямо в землю, по галереям-папертям * стало опасно ходить. Но Осипка возразил Пожарскому:

— Хоромы что! Их можно рубить и осенним лесом. Не век стоять. Будет пожелание пресветлого боярина, другие, еще краше и просторнее поставим. Для храма же надобен лес особый, выдержанный, чтоб его детям-внукам оставить! Не спеши, высокородный князь, дай сделать как душа велит! Грядущим

* Лёмех — городчатообразные, вырезанные из осины дощечки, служившие для покрытия криволинейных кровель. Закаленный солнцем, ветром и холодом, лемех был не только надежной защитой здания, но и важным элементом декоративного убранства его верха.

* Причелина — фигурно обработанная доска, прикрывающая торец двухскатной кровли.

* Алтарь — главная, недоступная для прихожан часть храма за иконостасом, где на особом возвышении хранился на престольный крест и евангелие.

* Галерея-паперть — утвержденная на бревнах-консолях нависающая, открытая в стороны, но под кровлей, часть храма.

Дворец в Коломенском. XVII в.

летом поставим. На века памятником трудам вашим останется. Да и подумать-поразмыслить следовало бы — достойно ли клетской церкви, как прежде, здесь стоять? Может, дивное сотворим — под стать дворцу?

Доводы были веские, и полководец согласился с мастером. Днями после этого восемь плотников-вершиловцев выехали на саях на речку Юг, где стояли стародавние боры. Целую неделю выбирали они по раменьям зрелые стройные деревья, помечая их стрелами-вырубками. Решающее слово при этом оставалось опять за Осипкой:

— Для долговременного стояния храм предпочтительнее рубить из лиственницы. Стойка

она к гнилости, да и не загорается долго при несчастном случае. Рубить дерево надобно зимой, январем-студнем. Движение сока остановилось еще осенью, мороз же подсушил ствол — тут и бери. Впредь же деловой лес не мочи! Плотами по реке гнать не гоже — скоро гнить будет. Бревна лошадьми волочить по снеговому насту должно, да еще и в клетки класть с проухами, чтоб ветер на вольготе меж ними погулял.

А вот дуб для нижних венцов сруба, наоборот, добывать следует летом, в полном движении сока. Мокрота такому нипочем, лишь твердость с годами в сырости приобретать будет. Для кровель же ель предпочтитель-

ней. Когда ель суха, ровные тесницы из нее получают и не корбящиеся под дождем-ветром. То особо важно — подтеков на стопе сруба не должно быть. Для надежности же на тесницы городчатый * осиновый лемех положить надобно. Осину-то для лемеха на возвышенных местах искать подобает, чтобы мелко-слоистой и плотной была. Тогда кровля надежной на многие годы будет, да и красоту строения придаст. А это не последнее!

Когда из дельного леса храм изготовится да добрым мастерством срубится — стоять ему века памятью о своих творцах, радовать глаз человека!

Дивились мудрословию Осипки старые вершиловские плотники. Все это они вроде бы отцов-дедов знали, да и делали так же, а вот, поди-ко, как ясно все разложил! Все на свои места поставил! Даже про плоты вспомнил. Что греха таить, разве думают они о долговременной жизни дерева в строении, когда спешное что рубят? Не зря почитают Осипку мастером! Достоин!

Строевой лес прямо на холм ко дворцу полководца привезли февралем-бокогреем. Чтоб не было под бревнами затеков в весеннюю пору, сложили их в стопу с продухами, как наказывал Осипка. Оставалось ждать лета.

Снег сошел апрелем. Май-травень отзвенел соловьиной трелью, отбушевал бело-розовой кипью вишнево-яблоневого садов. Сразу после черемуховых холодов вершиловцы засадили

огороды, а на Николу-вешнего * засеяли рожью и ячменем поля.

Накануне же Троицы * приступили к рубке храма, точнее — храмов. Осипка уговорил-таки Пожарского возвести сразу две отдельно стоящие церкви — теплую и холодную, и ту и другую многошатровыми, да еще рядом возмечтался поставить восьмистенную высотную колокольню. В замыслах на холме вместе с боярскими хоромами рисовался чудный, со множеством шатров-вышек дворец и погост *.

— Будет краше московских подворий! — похвалялся Осипка и от ожиданий, что скоро ему доведется возвести в Вершилове нечто необычное, радостно потирал мозолистые ладони. Увлеченный этим и Дмитрий Михайлович: целыми днями пропадавал на строительстве. Для скорого исполнения задуманного повелел он после завершения полевых работ собрать всех мало-мальски знающих плотниковое дело крестьян округи.

Теперь Осипка в руки топор не брал, а лишь указывал, где и как рубить. Он едва успевал следить за сложными угловыми врубками, за подъемом нового венца на стопу, за тем, как собираются на земле будущие главки храмов, которые, по его замыслу, потом предстояло на канатцах поднять вверх и осадить на шейки шатров готовыми, даже с лемеховым покрытием. Такого местные плотники еще не видывали и почти со страхом поглядывали на приготовления. Осипка на людях лишь

посмеивался над их страхом. Однако сомнение глодало и его душу.

Что как ошибся в размерах или в прочности шатров, и главы не сядут как надобно? Что будет, если не выдержат тяжести при подъеме глав канаты или шейки шатров, и главы, сокрушая кровли, всей массой рухнут на храм сверху?! А потому который уж раз поднимался Осипка на строительные леса, что-то измерял, простукивал топором.

Прошло еще почти два месяца, прежде чем храмы отделали полностью. Главы удалось-таки

* Горбчатый — острозубый, зубчатый.

* Никола вешний — церковный праздник в честь покровителя плавающих и торгующих Николы-чудотворца. Справлялся 6 декабря и 22 мая, поэтому последний праздник в обиходе именовался «вешним».

* Троица — один из важнейших православных праздников, справлявшийся на 50-й день после пасхи.

* Погост — административно-духовный сельский центр. В него входили церковь с домами причта и кладбище.

* Освящение храма — ритуал, после которого в новопостроенной или возобновленной церкви официально разрешались службы.

* Земский собор — высшее сословно-представительное собрание России XVI—XVII вв., рассматривавшее наиболее важные государственные вопросы (объявление войны, заключение мира, избрание на престол и сбор внеочередного чрезвычайного «пятинного» или «десятинного» оклада по стране).

* Антиминс — льняной плат с изображением евангельской сцены, дававшийся причту церкви при ее освящении.

поднять на канатах и точенонько опустить на шатры. Получив заметную нагрузку, их стропильные бревна чуть осели, но не покачнулись, а лишь плотнее соединились со стопой сруба, превратившись в монолит. После того как разобрали строительные леса, в пахнущие смоляем просторные трапезные из старой церкви перенесли для поновления иконы и облачения престолов.

Для освящения храмов *, как это по обычаю было заведено на Руси, Андрей-спальник отправился в Нижний Новгород за протопопом кремлевского Спасо-Преображенского собора Саввой Евфимьевым. В недавние годы Савва вместе с Кузьмой Мининым участвовал не только в сборе Нижегородского ополчения, но и в Земском соборе *, избравшем русским царем Михаила Федоровича. Тогда Савва во всех начинаниях поддерживал руководителей ополчения, высоко ценил полководческий дар Пожарского, мудрость его как дипломата в сложных, оказавшихся так тесно переплетенными с московскими делами международных отношениях. Поэтому антиминсы * на освящение престолов в усадьбу Пожарского протопоп решил привезти самолично.

Крытый толстой бычьей кожей возок с Саввой и Андреем-спальником переваливал с холма на холм. День стоял солнечный, морозный, а потому возница то и дело погонял кнутом лошадей. Миновав расступив-

шийся в стороны сосновый бор, въехали в Балахну. Город тянулся вдоль низменного правого волжского берега, изрезанного оврагами и долиной речки Железницы, охватывавшей вместе с Бабьим озером насыпные валы крепости.

Под снеговыми наносами едва угадывались берега речки, лишь средняя часть ее громоздилась ледяными торосами. Сюда, под крепость, весной-летом загонялись по Железнице с Волги плоты с дровами для соляных варниц* и кирпичных заводов, и тогда берега бурлили напряженной трудовой жизнью. А пока река спала долгим зимним сном под толстым покровом льда и снега.

В центре города были повсюду видны следы разрушений — результат последнего штурма города поляками в 1610 году. После него от некогда мощной и грозной крепости остались только две угловые башни да часть обуглившихся от пожара прясел стен. Правда, на берегах Бабьего озера уже громоздились горы заготовленного впрок строевого леса, а над речкой Железницей раздавался стук топоров.

Посадские дворы роились на возвышенных, не затоплявшихся весенними паводками местах. В центре среди таких строений возвышались неизменно шатры храмов и колоколен, а по окраинам ютились многочисленные рассолоподъемные* трубы с журавлями колодцев и прокопченными сараями варниц, а также

вечно окутанные дымами кирпичные сараи. Гарь стлалась по низинам, заползала удушливым чадом в возок, и путники заторопили возницу, неоднократно оглядывавшегося на Савву в надежде на отдых в Балахне. Уже тридцать верст отмахали от Нижнего Новгорода, да и впереди путь не близок. Но Савва как и не замечал его вопрошающих взглядов.

К вечеру возок, свернув со старой Ярославской дороги влево на накатанный санный путь, последний раз взобрался на вершину очередного холма и покаптал, набирая скорость, вниз, к открывшемуся в долине Вершилову.

Крестьянские избы лепились по обоим берегам речки Ненилки. Боярская же усадьба с храмом занимала центральную возвышенную часть села. В глаза сразу бросался вид устремленного ввысь мощного шатра колокольни, который как бы поддерживали еще пять меньших шатров храмов и множество остроконечных кровель и повалуш усадьбы.

Холодная Воскресенская церковь была трехшатровой. Еще несколько главок причуд-

* Соляная варница — сарай с цреном, двумя-тремя чанами (6×6 м каждый) для хранения рассола и дровяным кладischem.

* Рассолоподъемная труба — основная часть соледобывающего древнего комплекса в виде уходящего в землю на 50—60-метровую глубину колодца, предназначенного для подъема наверх рассола.

ливо рисовалось над покатою кровлей трапезной. Теплая двухшатровая Иоанно-Предтечинская церковь меньших размеров стояла рядом. С запада в ее трапезную вело просторное трехмаршевое под боочной кровлей крыльцо, сразу привлекавшее взгляд прекрасно найденными пропорциями, обилием художественной резьбы и яркочветием раскраски.

Савва аж ахнул, увидев вблизи развернувшееся перед ним чудо. Пока возок пересчитывал окованными полозьями бревна настила плотины и поднимался на холм, прямо к воротам усадьбы Пожарского, протопоп все дивился, восхищенно хлопая себя ладонями по коленям.

— И это все за год возвели?!

— Всем миром строили для отца-батюшки Дмитрия Михайловича, для славы рода Пожарских! — самодовольно отвечал ему Андрей, словно все это построено было им самим.

Савва привез в Вершилово не только благословение на освящение вновь возведенных храмов, но и тревожные вести: под Москвой появились отряды казаков под предводительством Захария Заруцкого. Как и в недавние годы из поволжских городов под защиту Нижегородского каменного кремля начали сбегаться людишки аж из-под самого Ярославля! В стольном граде, во дворце, только и разговору — где спаситель Отечества Пожарский? Пронесся слух, что пресветлый князь боярин выехал на излечение

в Калугу. Только посыльные от царя там и следов его не нашли. Прибывали посыльные и в Нижний Новгород.

«Беда пришла к воротам — вот и вспомнили!» — горестно думал Пожарский, слушая протопопа. Старая обида занозой сидела в сердце.

— Аль оскудел государев двор на бояр-воевод, что без меня обойтись не могут, — зло выговорил он Савве.

— Воеводы-то есть. Да народ тебя над собой поставить в столь грозный час требует! — как мог ласковее возразил ему протопоп. — Настаивают на том и бояре. Случись, возьмут для защиты Москвы посадские оружие в руки, так прежде их, родовитых бояр, перебьют. Злоба в народе на них накопилась. Вот и опасается царь-государь без надежной узды народ оставить.

Пожарский задумался, но о чем-то своем, а протопоп, не получив ответа, загрустил, не зная, о чем далее говорить ему.

Савва отбыл в Нижний Новгород вскоре после устроенного в его честь обильного застолья, а полководец тотчас призвал к себе Андрея-спальника.

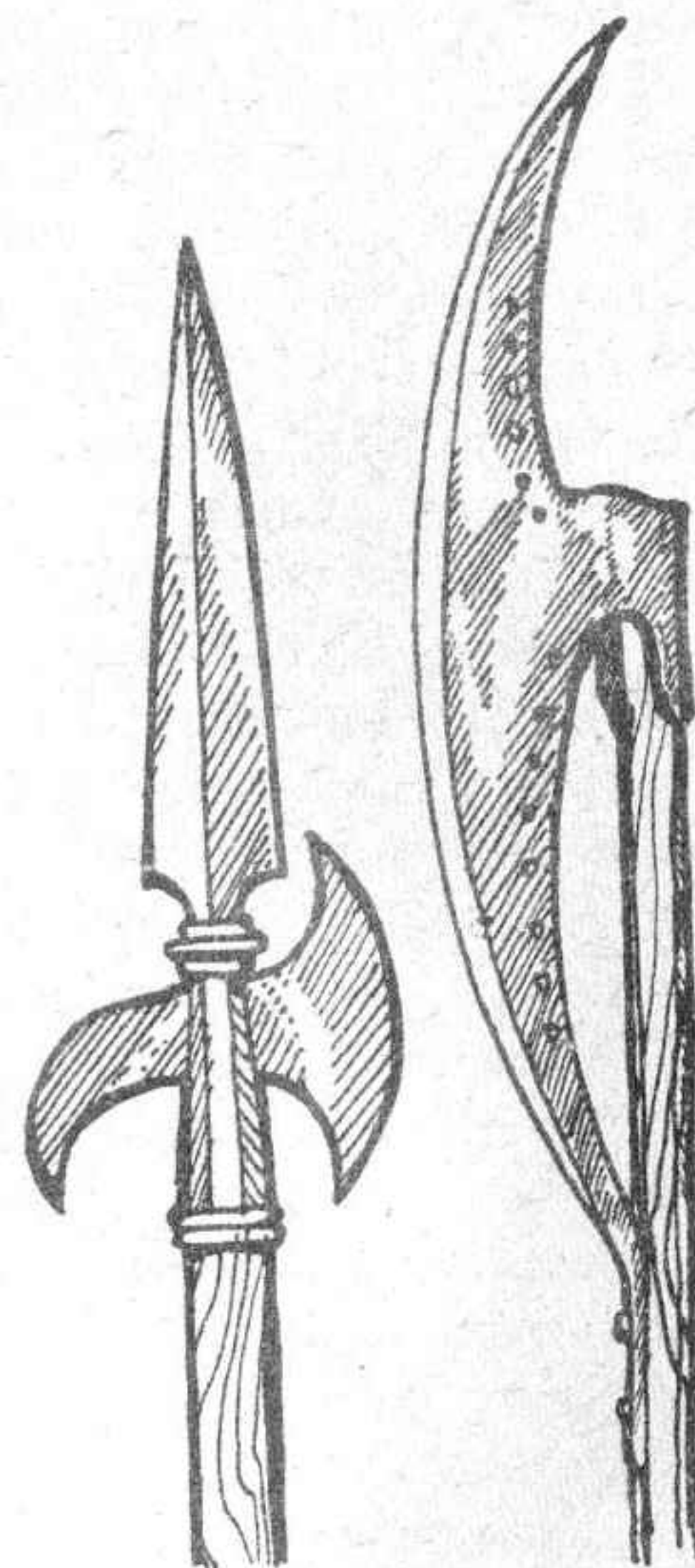
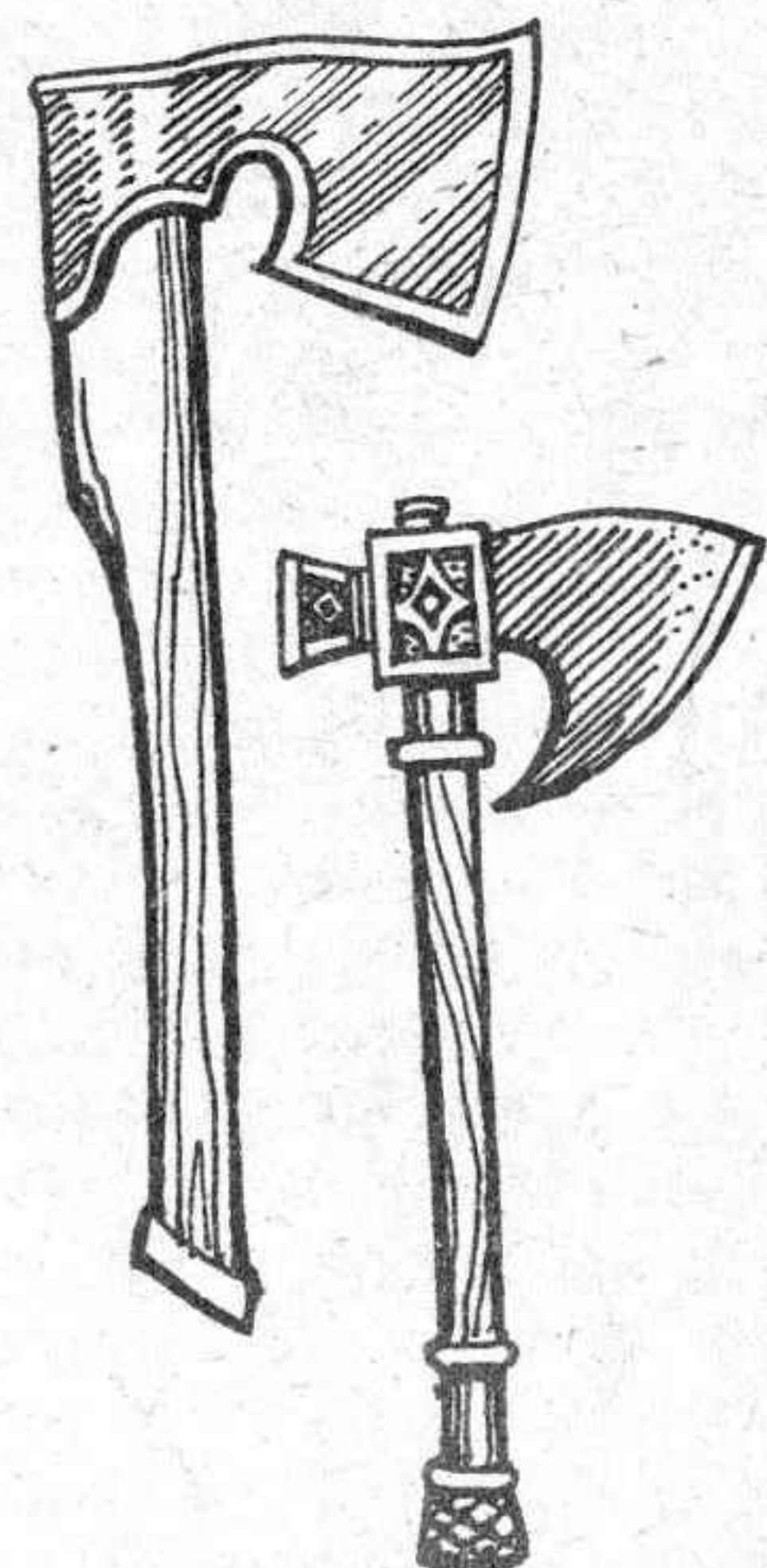
— Собери-ка людей, да и мужиков-работничков всех до единого! Беда на нас идет! Кузнец Кирилку Савина особо кличь — дело для него спешное есть, — распорядился Пожарский, приказав слугам снести в усадьбе оружие. Было здесь двадцать ручных пищалей, а са-

бель и боевых топориков, бердышей и рогатин набралось человек на пятьдесят. Вот когда сказались заботы Андрея-спальника об оружии при отъезде из Москвы!

К людям на двор Дмитрий Михайлович вышел в полном боевом облачении: в панцире * с золоченым зеркалом на груди, в кованых наручах, с саблей и двумя пистолетами за поясом. Остроконечный шлем-шишак * с бармицей * он держал в руке. Рядом с полководцем в кольчужной рубашке-юшмане * и в шлеме-ерихонке * встал с княжеским стягом его боевой оруженосец Андрей. Алое квадратное полотнище стяга реяло вверху длинного древка, одним своим видом призывая на бой.

— Вновь беда пришла на русскую землю! Казаки хозяйничают под Москвой, села жгут, людей высекают, на волжские города зарятся! — без обиняков начал полководец. — Балахна без крепости стоит, да и гарнизона там надежного нет. Туда вороги и идут, надеясь на легкую поживу. Только прежде они к нам заглянут. Что будем делать? Головы ль склоним под меч жестокий, жен и детей отдадим на поругание? Аль смерть примем на поле брани, защищая свой дом и землю предков от вора?

Помрачневшие было люди ответили криком:

Оружие русского воина XVI—XVII вв.
Топор, чекан
Бердыш, алебарда

Конные воины. XVII в.

— Жизни не пожалеем, защитим дом свой! Веди на бой, воевода-батюшка! Веди... — понеслось над селом.

— Так тому и быть! — твердо сказал Пожарский. — Другого не мыслил услышать. А потому с сего дня почитайте село военным лагерем, а себя — солдатами. Молодых учить воинскому делу и огненному бою будем, а кто поопытнее — дозоры нести должен. По дальним деревням их разошлем! Кузнецу Кирилке осмотреть все оружие, изготовить его к воинским потехам. А буде не хватит на всех — новое ковать надобно. Сможешь ли, аль со стороны мастеров звать?

— Управимся! — отозвалось в толпе, и все улыбнулись прозвучавшей в словах кузнеца обиде.

— Подбери помощников в кузню и за дело! — продолжил Пожарский. — Куй копья да рогатины! Воевать придется с ис-

* Пáнцирь — кованый нагрудник русского воина.

* Шлем-шишáк — остроконечный кованый шлем русского воина с еловцом-флажком, наносием и бармицей.

* Бáрмица — приклепанная к металлическому шлему кольчужная сетка для защиты шеи воина сзади и с боков.

* Юшмáн — кольчужная рубашка с вделанными на груди и спине широкими стальными пластинами.

* Ерихóнка — остроконечный парадный шлем с коваными наушами, затылочной бармицей и наносием в виде художественно обработанной стальной пластины для защиты лица от косого сабельного удара.

кусными конниками, а страшнее копья с крюком на длинном древке для них нет. На отдалении держать всадников таким оружием можно, колоть и стягивать наземь сподручней. Близкий сабельный бой для пешего гибелен.

— Андрею-спальнику, — называл далее полководец, — в головном дозоре стоять в Василевой слободе. Туда казаки наперед заглянут, на тебя, Андрей, и надежда будет — все знать, все слышать заранее должен!

Так налаженная было в Вершилове мирная жизнь отступила, вернулись тревоги недавнего смутного времени. Мужики выезжали за околицу только с рогатинами. Детские голоса не звенели боле на улицах. Под холмом возле усадьбы шли учения: с утра до вечера звенели сабли, изредка ухали пищальные выстрелы.

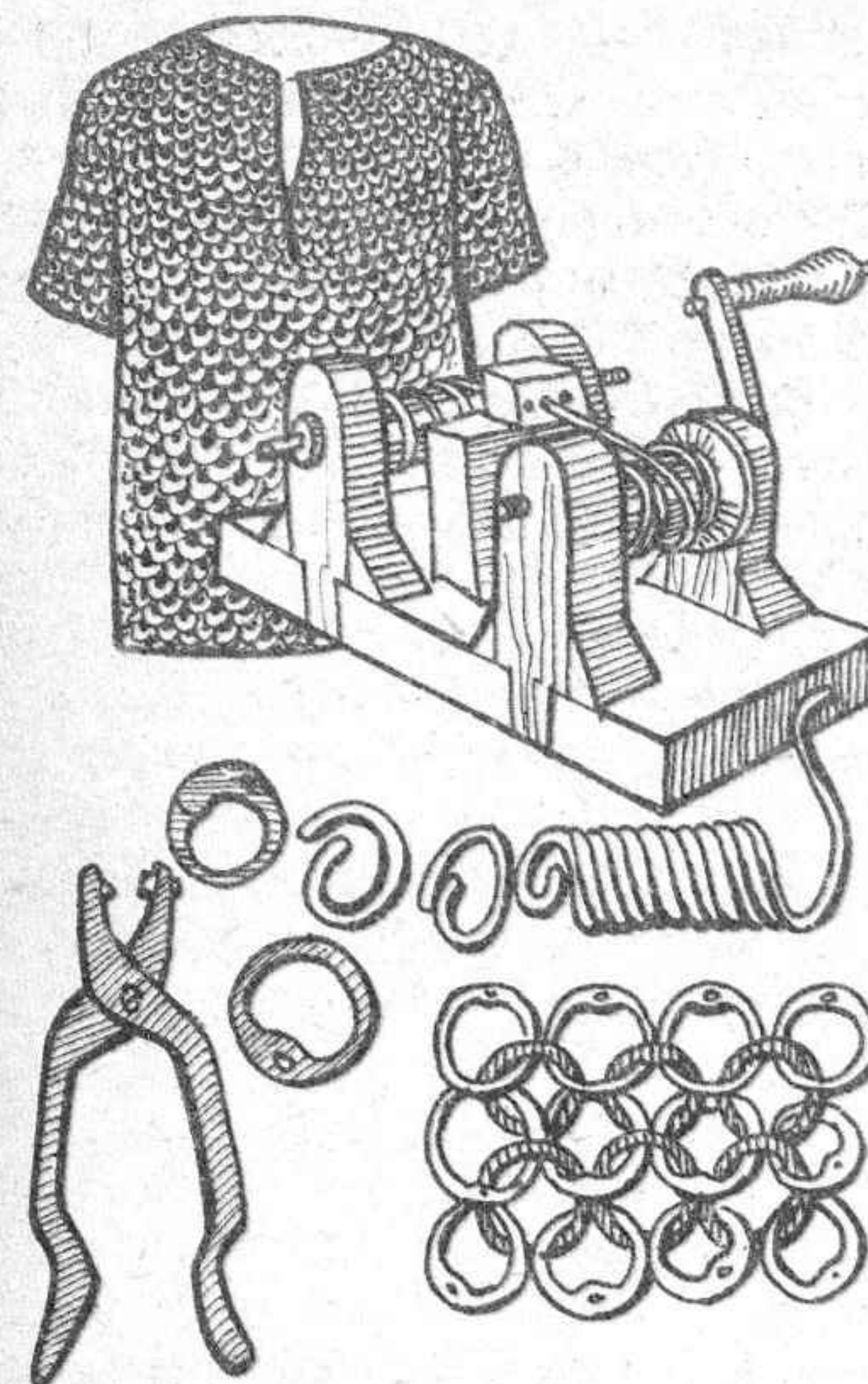
В последних числах декабря поток беженцев с верховий Волги усилился. По льду замерзшей реки впряженные в легкие сани люди тянули свой скудный скарб с детишками. Они несли с собой тревожные вести о выжженных казаками селах, о поголовно высеченных деревнях.

1 января 1615 года спальник Андрей прислал с нарочным из Василевой слободы грамотку, что объединившиеся воедино черкасы и казаки взяли штурмом Кинешму, выгнали Юрьевец Поволжский и хотят идти к Нижнему Новгороду. Просил спешно прислать подмогу.

В тот же день Дмитрий Михайлович отправил гонцов к балахнинскому воеводе Федору Сомову и нижегородскому князю Владимиру Ивановичу Бахтеярову-Ростовскому, требуя тотчас выслать навстречу казакам в Вершилово под его стяг отряды гарнизонов. Донесение

Русский воин в юшмане

Кольчуга. Схема изготовления

о вступлении неприятеля на Нижегородские земли от своего имени Пожарский отправил и в Москву, лично к Михаилу Федоровичу, просил вслед казакам отрядить конницу воеводы Бориса Михайловича Лыкова, чтоб взять в клещи и наголову разбить казаков, пока они не запустошили Поволжье.

Василева слобода раскинулась на горбинах двух холмов, обрывавшихся в сторону Волги крутыми осыпями, со стороны же ополья прикрывалась глубокими заснеженными оврагами. Чтоб выяснить возможность обороны слободы, Дмитрий Ми-

хайлович отправил во все стороны конных с наказом не сбиваться с пути и скакать строго к указанному ориентиру.

Через час восемь человек вернулись назад смущенные, ни с чем: кони увязали на дне оврагов, путались в кустах ивняка и орешника, так что пробиться за пределы слободы они не смогли. Лишь двое, посланные в стороны сая Сицкого и Бровниц, вернулись назад позднее всех и привезли вести о полном спокойствии на дорогах. Дмитрий Михайлович остался этим весьма довольным. Значит, еще было некоторое время для подготовки слободы к должной встрече неприятеля.

С каждым часом в Василево прибывали все новые и новые отряды кое-как вооруженных крестьян. Со своей строительной артелью пришел сюда и Осипка. Только теперь плотники пересадили свои топоры на длинные, окованные железными полосами древки, превратив их в грозное в умелых руках оружие.

Вслушиваясь в разговор Пожарского со спальником Андреем о защите слободы, Осипка подал свой голос и тут: — Можно перегородить подходы к слободе рядами бревен, а между ними вбить заостренные колья, да все и засыпать снегом. Ни одна лошадь не преодолет такого завала, а колья перескачет одно бревно, напорется на другое или ноги поколет на кольях. Вот потеха-то будет! Упавших пиками достанем! А для пищальников настил из

бревен с прорезями-бойницами можно устроить под самой слободой у дороги. Сверху ж опять снегом засыпать. Грозный подарок недругу будет!

— Молодец, Осипка! Вишь что надумал! — проговорил восхищенный Дмитрий Михайлович, приказав не мешкая разобрать ближайшие толстостенные амбары и тащить бревна за околицу.

— Только прорвутся вороги в слободу-то! Ясно, прорвутся. Такие ли города-крепости брали! Как быть тогда? Подожгут казаки село да в дыму-пламени и начнут сечь мечущихся людей. От всадника по снегу не убежишь! — вслух рассуждал Пожарский.

— И то не беда! — дерзко отвечал на то Осипка. — Укажи, пресветлый князь, изготовить на волжском берегу сани без лошадей. Коль беда случится и казаки ворвутся в слободу, пусть каждый садится на сани, да и вниз! Снега для саней нипочем, а коннику — преграда неодолимая. Удобные же спуски к реке вели, князь, девкам да бабам-слобожанкам поливать водой. Коль и похотят конники к Волге спуститься, тотчас попадают, ноги-шеи коням поломают, а мы внизу уж их подождем, примем на копья и пики.

— Ну, Осипка, ну голова! — только и смог подивиться Пожарский. — Сам придумал — сам и исполняй от моего имени! — приказал Дмитрий Михайлович плотнику.

Прошло три напряженных

Пищальник. XVII в.

дня. К вечеру в Василево прискакал гонец с известием, что полк рейтар* воеводы Лыкова уже на подходах к Гороховцу. Утром следующего дня на горизонте появились конные с реющими бунчуками*. Пожарский приказал ополченцам затаиться в ближайших избах и амбарах, а сам с пищальниками и копей-

* Рейтары — тяжеловооруженные конные воины.

* Бунчук — знак на высоком древке с пучком конских волос, служивший обозначением отдельных конных отрядов, а также места сбора во время перестроения по звуку трубы или литавр в сражении.

* Шлем с плюмажем — парадный головной убор польского рейтара, заканчивавшийся вверху втулкой, в которую вставлялись для украшения флажки (еловец) или перья редких птиц (плюмаж).

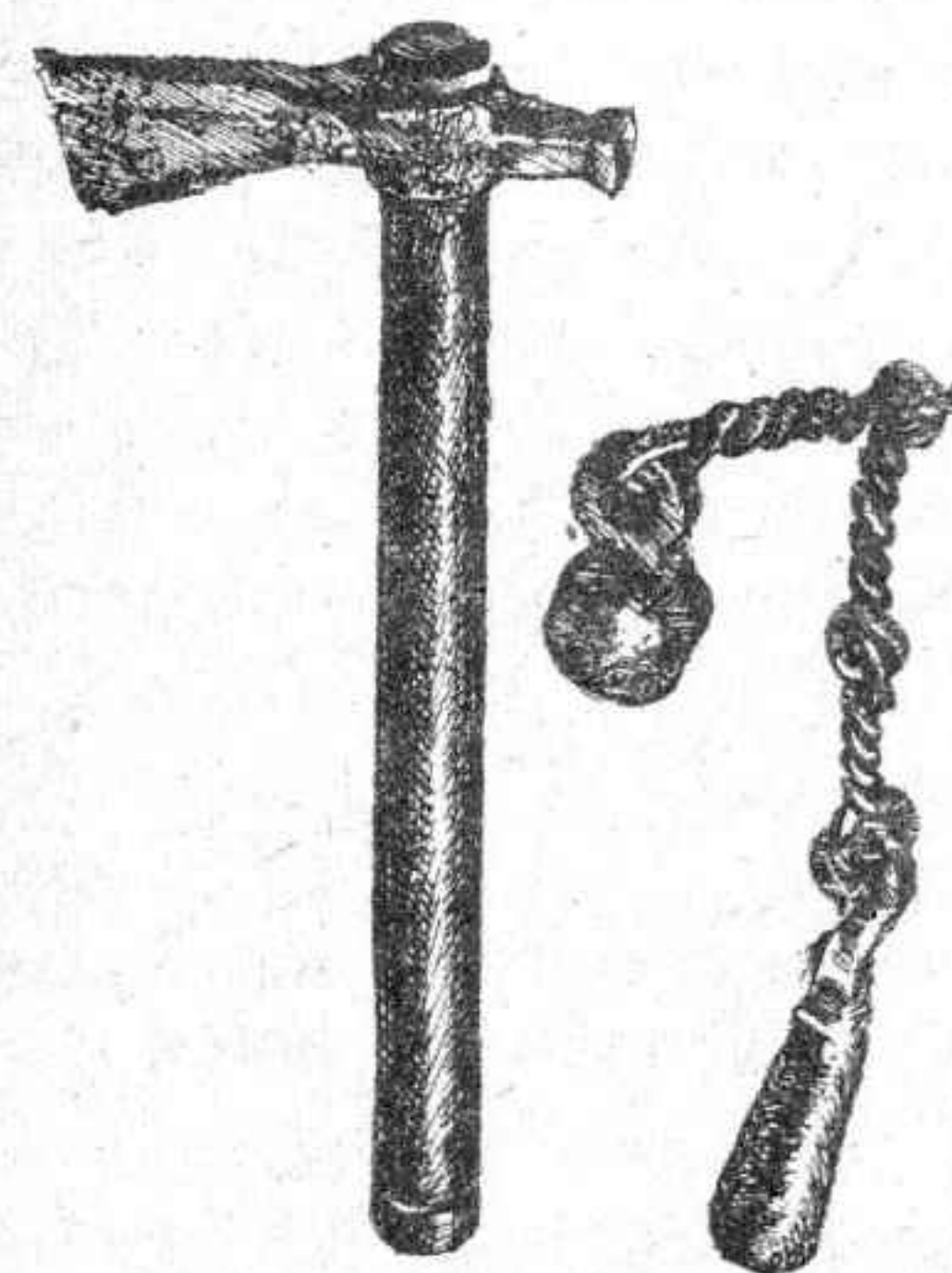
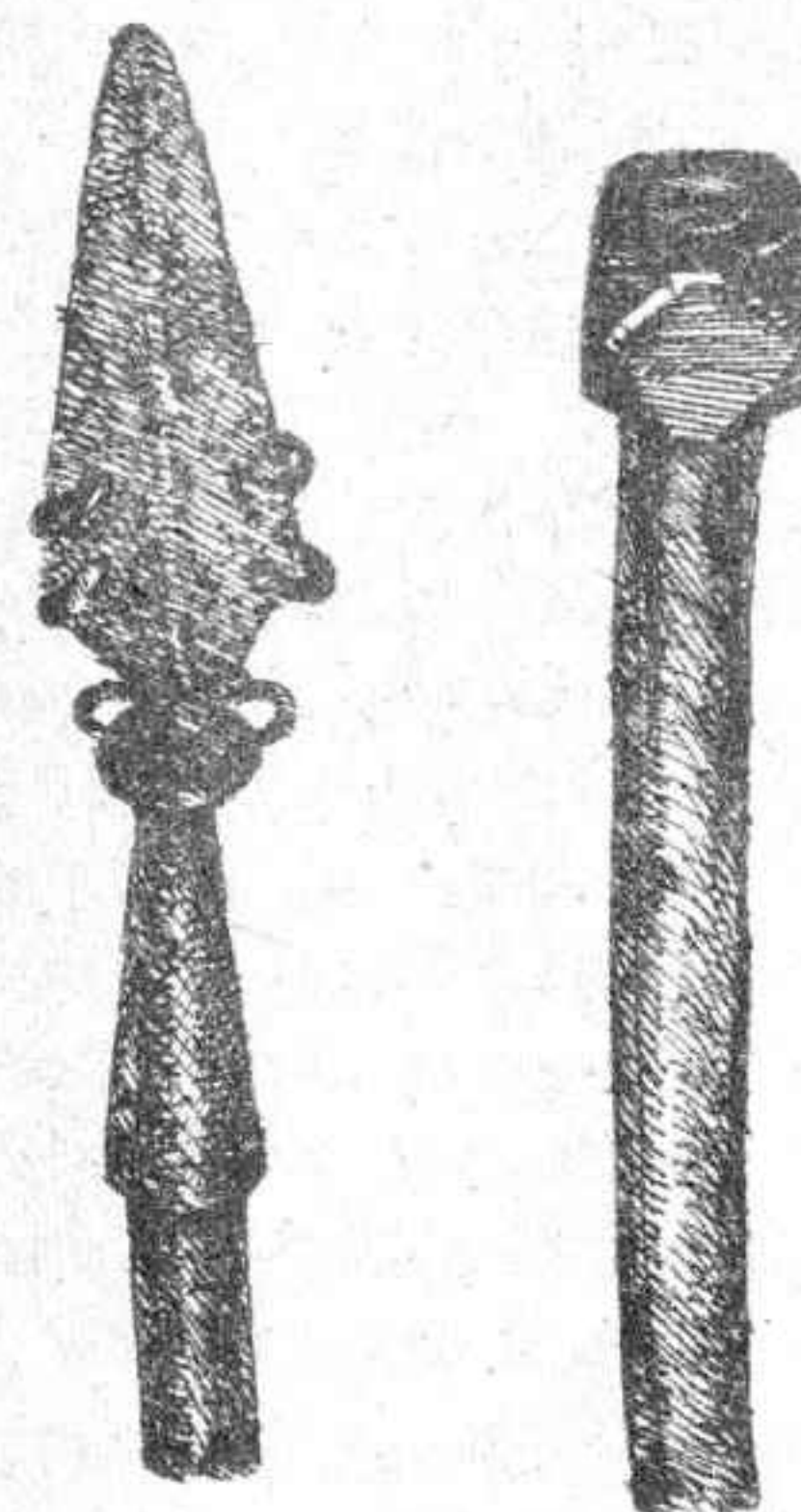
щиками остался у завала, пристально вглядываясь в маячивших вдаль на дороге людей. Конных было много, и приближались они к затаившейся слободе открыто, без опаски, явно не ожидая встретить отпор. Впереди на вороном коне скакал вы-

сокий всадник в золоченых латах и в шлеме с плюмажем*. За ним развевался стяг и бунчуки. Стало ясно — казаки.

По указу полководца тотчас зажгли фитили и прикрыли их шапками, чтобы не дымили и не выдали засады. Запалить пищали настрого наказывалось только по взмаху руки Пожарского и всем разом. Лежавшие на снегу возле пищальников добровольные помощники уже держали наизготове берестяные туесочки с порохом и резаным свинцом для новых зарядов.

До слободы оставалось не более пятидесяти шагов, когда всадники остановились, почуяв неладное, сбились в кучу и, указывая на наезженную дорогу, вдруг устремились вперед. Но тут произошло неожиданное. Передние лошади споткнулись о бревно под снегом, другие, перескочив их, окрашивая землю кровью, осели со страшным храпом на колья. В довершение всего ударил дружный огненный залп, после которого несколько всадников завалилось в стороны, перегородив путь скакавшим позади. Натыкаясь друг на друга, падали кони и люди, страшные крики о помощи и предсмертные вопли заполнили воздух. Второй залп внес еще большую сумятицу. Он оказался тем более ошеломляющим, что казаки еще не видели защитников слободы.

Конники кинулись врассыпную назад, давая своих же, менее расторопных. Теперь ополченцы уже не таились, а собрались у завала, выставив вперед пики и ро-

Вооружение народных ополченцев
Копье. Палица
Чекан. Кистень

гатины. Растерявшиеся поначалу казаки собрались в поле у бунчуков, а затем лавой ринулись на слободу. Под сотнями лошадиных копыт земля содрогнулась и загудела. Пожарский приказал пищальникам разделиться надвое и одним стрелять по казакам на подходе, а другим по вырвавшимся вперед у самого ошестинившегося острооточенным металлом завала. Ополченцы с обнаженными саблями и боевыми топорами стояли поодаль, готовые по первому указу полководца устремиться навстречу коннице. Но до рукопашной дело не дошло и на сей раз. Первым залпом был сбит с лошади предводитель казаков в золоченых латах, а посланный в сбившуюся кучу всадников второй залп нанес новый ощутимый урон, и казаки откатили назад, рассыпаясь по полю в поисках иного, более удобного подступа к слободе. Но повсюду они натывались на глубокие, занесенные снегом овраги.

К вечеру казаки предприняли новое наступление уже рассеянной лавой. Рукопашный бой закипел по всей слободской окраине. Дмитрий Михайлович бился вместе с вершиловцами у дороги, но, несмотря на стойкое сопротивление, ополченцам пришлось отступать к избам. Неизвестно, чем бы это кончилось, не появившись за спиной у казаков черной тучей надвигавшейся новой лавы конников.

Сначала Дмитрий Михайлович принял ее за новый отряд казаков, но впереди развевался

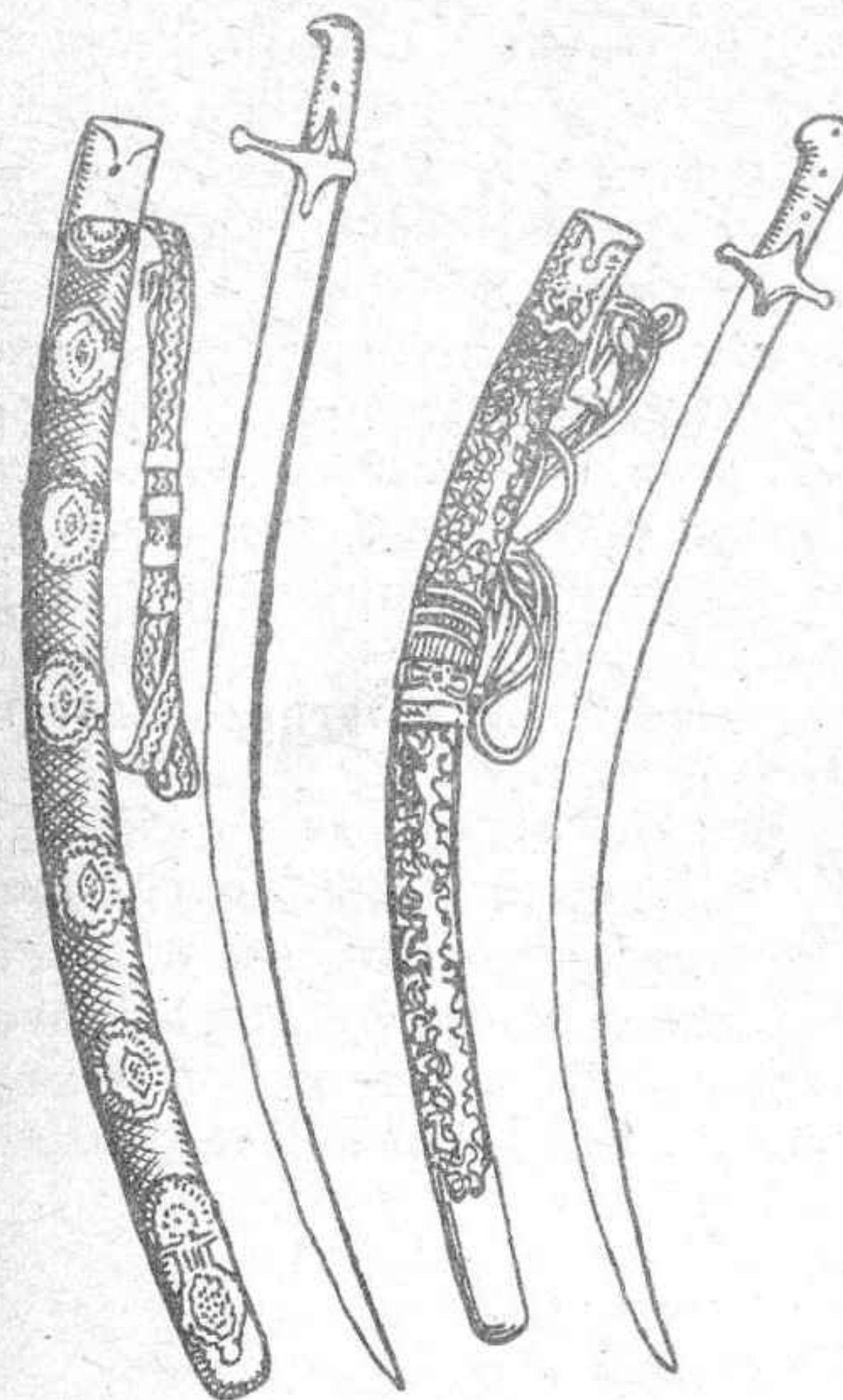
черно-золотой стяг московских рейтар, и, увидев это, заметались тогда наступавшие. Призывный звук трубы, к которой тотчас присоединилась другая, собрал казаков у околицы, и по взмаху руки нового предводителя, не вступая в бой, они ринулись сквозь слободу в сторону Волги. Казаки уходили из клещей, от неминуемой гибели.

Только на кромке горы их ждала новая беда. Вступив на крутой обледенелый спуск, всадники заскользили, стали падать и изломанной полуживой массой покатились вниз. Здесь вновь отличился Осипка. Со своими товарищами он направил тяжелые сани на дорогу, прямо на спускавшихся к реке казаков, с силой толкнул сани под гору и в последний миг вскочил на них с огромной оглоблей в руках. Сани набирали скорость, сшибая и давя людей.

Через несколько минут волжский берег представлял собой страшное месиво окровавленных тел. Оставшиеся в живых казаки даже не пытались сопротивляться, а только искали возможности избежать ударов ослопами* и топорами. Кто мог, ловил достигших волжского берега лошадей и гнал их за Волгу, подалее от бойни, подалее от бородатых русских мужиков, которые не только перехитрили их, но и наголову разбили в сече.

В руки ополченцев Пожарского и подоспевшего вовремя

* Ослоп — дубина.

Сабли Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского. Начало XVII в.

отряда конных рейтар Лыкова попало до двух сотен пленных, весь брошенный с награбленным имуществом обоз. Отряд Захария Заруцкого перестал существовать.

На волжском берегу еще продолжалось сражение, когда Борис Михайлович Лыков с необычайной расторопностью составил грамоту и тотчас отослал ее с нарочным в Москву:

«Государь-царь и великий князь всеа Руси Михаил Федорович!

Холоп твой князь-воевода Бориска Лыков челом бьет и яв-

ляет: с казаками и черкасами Захарья Заруцкого сошлись в Василевой слободе и тут их побиша и языки многия поймаша, а достальные немногие люди утекоша во украинные города».

Лыков даже не упомянул в своем послании, что основной ратный труд совершили ополченцы прославленного русского полководца Дмитрия Михайловича Пожарского.

А Дмитрий Михайлович, приказав собрать на поле брани павших и раненых, печально оглядел оставшихся вершиловцев. Среди них уже не было ни Осипки-плотника, ни кузнеца Кирилки, ни Андрея-спальника. Правда, Осипку Пожарский нашел перевязанным льняными тряпичами на готовых к отправке домой санях среди других покалеченных вершиловцев. После жаркой схватки он лежал бледный, неподвижный.

— Спасибо вам, други, за верность родной земле, за ратный труд и храбрость! В сердце сохраняю память о вас, заботами своими не оставляю! — горячо, с поклоном заговорил Пожарский. — Кому бог дарует здорье — тому жить-поживать по-прежнему. Кого ж немощ одолеет — поставлю близ Вершилова на Петряевской пустоши монастырь. Жить вам в нем без вклада на нашем полном издолье и во льготах по последнему смертному часу. Остальные ж идите с миром по домам, обрадуйте родных-близких, что живы, что мир и спокойствие вернулись в родные края!

Пусть страха не ведают ваши дети! — сказал прощальные слова Пожарский и махнул рукой, чтоб обоз трогался.

На следующий день Лыков и Пожарский из-под Василевой слободы двинулись всем воинством к Балахне, а оттуда — по древнему тракту на Гороховец и Москву. Уговорил-таки Лыков Пожарского ехать с ним. Сгустились в который уж раз над Отечеством грозные тучи бед, и полководец после сражения и пролитой его земляками крови забыл о нанесенной ему двором обиде. Перед общей бедой она казалась Дмитрию Михайловичу мелочной и ничтожной.

Воевода Лыков поведал, что поляки и шведы не согласились

с решением Земского собора 1613 года об избрании на русский престол Михаила Федоровича, вновь грозят нашествием и новыми бедами истощенной и обескровленной русской земле.

Возвращавшийся с победой, с пленными и захваченным у казаков обозом полк балахнинцы встречали с радостными криками, с хоругвями * приходских храмов. Слава обогнала победителей. Народ уже знал имя истинного организатора победы у Василевой слободы. Он провозглашал здравицу в честь прославленного русского полководца и народного любимца Дмитрия Михайловича Пожарского.

* Хоругвь — знамя.

ГОСУДАРЕВЫ КАМЕНЩИКИ

Стоят на русской земле неприступные крепости, дивной красоты храмы и причудливых форм древние палаты. Возводили их простые, остающиеся в истории безымянными многие поколения каменщиков, кузнецов, плотников и керамистов. Свое представление о красоте и функциональной целесообразности, природную инженерную сметку и талант «здателей» вложили они в возведенные архитектурные ансамбли. При этом сами они были столь же бесправны, как и весь остальной трудовой люд.

«Велено вам нижегородских недосыльных каменщиков и кирпичиков и горшешников, и которые наши старые каменщики и кирпичики живут за Иваном Грамотиным, сыскав, за поруками выслать к Москве для нашего Вяземского городского каменного дела...»

(Из грамоты приказа Каменных дел 1631 года в Нижний Новгород)

Дьяка Третьяка Копнина выступил на лбу пот, когда он пробежал глазами доставленную ночью из Москвы царскую грамоту. То ли изрядно натопил служба печи в съезжей избе *, то ли новая шуба вдруг стала тесной, только дьяку показалось в горнице настолько душно, что, сбросив на пол шапку

Русское посольство. В центре фигура дьяка. Следом сопровождающие с дарами.
Рис. конца XVI в.

и рванув на груди петли-схватцы, так что сканные пуговицы * посыпались на пол, он почти бегом устремился в сенцы и на крыльцо, хватая большими глотками морозный утренний воздух.

Из мглы выплывали припорошенные снегом купы деревьев, контуры хором боярских осадных дворов возле Спасо-Преображенского собора и избиц работных в полугоре кремлевского съезда на Нижний посад. Вдали едва угадывались сбегавшие от Часовой башни к Волге крепостные стены, громадой высилась внизу Ивановская башня. Сама же река тонула в белесом сумраке. Город еще спал чутким утренним сном...

Разгоряченное тело быстро остыло. Плечи дьяка стали мелко подрагивать, но он, казалось, не замечал этого. Мысль лихорадочно искала выход. На чем свет стоит клял себя дьяк и за лишне выпитое, и за те сорок золотых ефимков * и медвежью шубу, что

подарил ему печерский архимандрит Рафаил, и за грамотку, что подsunул подписать в конце их затянувшейся трапезы.

Еще вчера дело казалось совсем простым. Рафаил просил к строительству собора в Печерском монастыре всего-навсего пятерых каменщиков, которые жили за Волгой в Никольско-Боровской слободе, записанной за думным дьяком Иваном Тарасовичем Грамотиным. Думный дьяк никогда не бывал в своей дальней нижегородской вотчине и знать не знал, что живут там каменщики. Копнин сам возил грамотинского приказчика для досмотра по заволжским деревням прошлой весной и нарочно умолчал о каменщиках-мастерах, надеясь при случае прибыльно уступать их к начинавшимся по всему городу каменным работам. Прошлой осенью, как закладывали в Печерах подцерковье собора, только за один месяц получил он с влас-

тей монастыря 10 рублей, а ныне...

— Откуда прознали в Москве о них? Быть беде, коль дойдет до воеводы Ивана Прохоровича Воейкова.

Только тут дьяк сообразил, что стоит на крыльце без шапки и в расстегнутой шубе. С соборной площади на него с удивлением, смешно разинув рты, смотрели два сторожевых стрельца, — не случилось еще такого, чтоб с раннего утра перепивал государев дьяк. Цыкнув на стрельцов, дьяк исчез за грохнувшей замковыми цепями окованной дверью, а сторожа, опираясь на бердыши и ухмыляясь в бороды, продолжали тихо переговариваться, осторожно бросая взгляды на крыльцовсход съезжей избы.

Спустив прямо на пол шубу с плеч, дьяк грузно осел на лавку и привалился к резной ее спинке. Тусклый коптящий огонь жировой свечи освещал лишь стол,

крытый багрово-красным толстым сукном. По центру возвышались в медной ступке свежезаточенные гусиные перья, стопа серой бумаги, песочницы и склянницы для чернил. Царская грамота лежала тут же, тревожа дьячью душу угрозой неизбежной беды.

Из оцепенения дьяка вывели поскрипыванья половиц в сенцах и осторожный стук в дверь. По тому, как певуче запели тесницы пола, Третьяк Копнин понял, что это ранний проситель, а не воевода, узнававшийся им по гулкой чекани подбитых железом сапог. От сердца отхлынул волной накатившийся страх.

Дьяк успел прикрыть ладонью царскую грамоту, когда дверь приоткрылась и в щелку вместе с морозным воздухом просунулась сначала козлиная бородка, а потом и тщедушное, в потертом кафтанишке тело площадного подьячего, которого нижегородцы прозвали за длинный перебитый нос и редкую бороду Носан-козел.

Отбивая частые поклоны то на образ Спаса * в красном углу горницы, то в сторону дьяка, Носан-козел семенящими шажками подкатил к краю стола и вкрадчиво заговорил о челобитье кузнецов Верхнего посада. Мастера-оружейники просили разрешения не гасить горны до конца мая — де не смогут иначе выполнить к сроку государев заказ на боевые рогатины *.

Угодливость Носана вернула дьяку уверенность, и он, смяв в горсть подsunутую подьячим

* Съезжая (приказная) изба — место вершения дел воеводой и государевым дьяком в древнерусском городе.

* Сканные пуговицы — сплетенные из тончайшей золотой или серебряной проволоки шарики с вделанной стальной петлей для пришивания к одежде.

* Ефимок — золотая иностранная монета (талер), бывшая в обращении в России в XVII в. и приравненная к 50 коп.

* Образ Спаса — изображение Христа (Спасителя).

* Рогатина — четырехгранное обоюдоострое копьё на длинном древке-раतोвище. Применялось и при охоте на крупного зверя, и как боевое колющее оружие.

Письменные принадлежности. XVII в.
Песочница, чернильница, гусиное перо

грамотку с лежащей под ней полтиной, задумался о кузнецах. Целый месяц гремят молоты в кузнечной слободе над кремлевским рвом, но ломко заволжское кричное железо и много готовых рогатин после испытаний пришлось вернуть мастерам на перековку. А не выполнить государев наказ — по первым летним путям доставить в Москву 500 рогатин в добром железе и мастерстве — нельзя! Заслушание ему же первому придется лишиться чести*, а может быть, и головы. Вновь тревожно на западном порубежье Московии.

Смятую грамотку кузнецов дьяк сунул небрежно под сукно стола и, взвешивая оставшуюся на ладони полтину, не глядя на площадного подьячего, проговорил:

— Пусть жгут огонь кузнецы да поспешают с делом. Только настрого накажи им беречься пожарного зажигания. Стоят ли

лохани с водой и с метлами на крышах в кузнечной слободе? — Вперив острый взгляд в сразу сжавшегося Носана, повысив голос, продолжал: — По чину ли брал с кузнецов за написание челобитья? Не лихоимствуешь ли?

— По чину, по чину. Чай, знаем свое дело, — вкрадчиво вставил подьячий. — Что взял, то и принес кормильцу своему и защитнику Третьяку Даниловичу.

— Смотри! Не воруй! Грех тяжкий обижать бедных людей, — и, нахмурившись, дьяк перстом указал на дверь.

Подьячий не заставил себя просить дважды, с проворством кошки исчез за дверь.

* Лишиться чести — подвергнуться публичному наказанию.

* Корчма — запрещенная правительством частная торговля хмельными напитками при государственной монополии на их продажу.

* * *

«От царя-государя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в Нижегородский уезд, в слободку Везломскую и в Копытовскую на речке на Везломе, да в слободку Никольскую на Бору, что на озерке на Глухом, всем людям, которые в тех слободках ныне живут и впредь учнут жить: пожаловали есмя теми слободами думного дьяка нашего Ивана Тарасовича сына Грамотина в поместье со всеми угодьями...»

А в слободке Никольской 31 дворишко и келий да два двора каменщиков...»

*(Из Писцовой книги
Толоконцевской волости
начала XVII века)*

Весна 1631 года запаздывала, часто отступала перед холодами. Ледоход на Волге еще не начался, а вода уже прибывала с каждым днем, заливая низменные луговые ложки и выступая на ледью на берегах. Два дня уже никто не рисковал переходить посиневшую льдом реку после того, как на проторенной зимой тропе на глазах многих провалился мужик под лед, взмахнул руками да и был таков — плыть ему теперь до Казани. Но вот вышедшие к реке по воду бабы Везломской слободки увидели почти посреди Волги молодца в красной стрелецкой ферязи, длинным ослопом прощупывающего впереди себя лед. Под

бабы оханья стрелец выбрался на берег, и по вспотевшему от напряжения его молодому лицу расплзлась широкая улыбка:

— Не дадите ль чарки водки?! Вымок весь. Да кликните старостишку — пусть коня ведет для воеводского посыльщика.

Враз смолкли голоса. Все заозирались опасливо — уж не государев ли дозорщик? Знали, что строго-настрога запрещено варить про себя пиво и брагу, держать по домам корчмы*. Поэтому молча разошлись, оставив недоумевающего стрельца одного ждать старосту Везломской заволжской слободки.

В версте от берега располагалась другая — Никольская слобода, что на Бору, занимавшая песчаную береговую террасу с купами кондовых вековых красноствольных сосен над Везломой-рекой. Даже высокая паводковая вода не достигала сюда, хотя в разлив Волга и подступала под самый берег, подмывая корни деревьев. Вместе с оползающей в мутную воду землей тогда падали и сосны-великаны, звоном рвущихся стрункорней оповещая округу о своей гибели.

Поземные избицы роились по всему берегу, кольями изгородей отгораживаясь от всего света. Возвышались надо всем лишь обнесенные высоким частоколом двухжитийные хоромы старосты. Сюда и прискакал по раскисшей весенней хляби от Везломской слободы стрелец.

Завидев красную ферязь государева слуги, жители попря-

тались по избам. Никто не ждал добра от этого неожиданного приезда. Лишь собаки многоголосьем брехом облаивали похрапывающего коня, держась на всякий случай поодаль от него.

Стрелец трижды принимался бить сапогом в ворота, пока не стукнул о скобы засов и не послышался басовитый голос:

— Кого нечистый несет?

Ногой открыв дверь, гонец оказался с глазу на глаз со здоровенным детиной в распахнутом нагольном тулупе * и в треухе * на голове. Староста сразу сник. Увидев стрельца, вовремя проглотил злые слова, готовые было сорваться с губ.

— Возьми коня да веди сюда грамотинских каменщиков. Укажи им государев привез! Поспешай, холоп! — прикрикнул стрелец повелительно на опешившего старосту и по-хозяйски зашагал к крыльцу. Не прошло и получаса, как перед стрельцом, неловко переступая с ноги на ногу, стояли четверо каменщиков. Над ними на целую голову возвышался староста:

— Старшой-то, Никифор-каменщик, почитай уж три недели в хвори лежит. Веснуха трясет его. Плох! Доживет ли до конца снегогона — не ведомо. А достальные все здесь, налицо, — пробасил он.

Стрелец не спеша достал из-за отворота ферязи воеводский указ и, передавая его старосте, проговорил:

— Государев дьяк Третьяк Данилович Копнин указал быть вам без мотчания * на Антипа-

Русский стрелец. Рис. XVII в.

половода в Нижнем Нове городе в Печерской обители на соборном каменном строительстве.

— Как же так-то? — зашумели каменщики. — Весна пришла. Землица рук ждет. Как жить-вековать без хлеба будем? Глянь на нас. Сами от ветра падаем, а дети с голода встать с печи не могут. Обносились так, что и на люди показаться стыдно — одни порты да рубахи. Да и те, почитай, без перемен истлели!

— Указ строг! Быть в срок, чтоб порухи делу не учинить! Коль замешкаетесь — тотчас в железа закуют, силой увезут! Знайте о том! — прикрикнул стрелец.

* * *

«А есть им и пить монастырское:
на завтрак давать толокно,
а в обед и ужин шти
да кашу с маслом —
в скоромные дни
со скоромным маслом,
а в постные дни с конопляным...»

(Из подрядного договора
со строителями XVII века)

Ледоход прошел Волгой двумя днями, а до мая-травня оставалась еще неделя. Вода поднялась высоко, захлестнув луговые пожни-покосы * Заволжья. Усыпанные желто-зелеными барашками почек покрасневшие кусты ивняка да поросли дубняка на возвышенных местах, казалось, плыли островками по раздольной воде.

Утром с берега потянуло зябкой сыростью и медком осеребренного орешника. Каменщики

* Нагольный тулуп — распашная, кожей наружу и не покрытая тканью зимняя одежда русского человека.

* Треух — шапка, сшитая из трех составных, закрывающих лоб и уши.

* Без мотчания — без задержек.

* Пожни-покосы — частновладельческие участки лугов.

* Соковица — весенний ток березового сока из надреза.

* Деньга = 1/2 коп.

* Скуфейка — остроконечный монашеский головной убор.

* Яржный — чернорабочий.

* Грохот — мелкаячеистая сетка, вставленная в большую раму. Предназначался для просеивания речного песка.

спустились с крутой горы к берегу, чтобы умыться свежей водой после короткого сна. Они вглядывались тоскливо за Волгу, туда, где остались их близкие, где, бывало, об эту пору теплыню дурманила головы хлебосям пашня, пряным запахом соковицы * звала веселая березовая роща...

Опытных каменщиков в Печерском монастыре не было, потому архимандрит сам позаботился об устройстве заволжских мастеров по кельям, торопя с началом работ и обещая, кроме корма, давать поденно по десяти денег *. В Печерах звонко застучали топоры и полился дробный перезвон молотов о камень. Изосима, приставленный архимандритом для надзора за работами, пришелся по душе каменщикам. Он точно определял на глаз качество извести и кирпича, толково, без крика и ругани указывал, где и как вести кладку. Был Изосима невелик ростом, сухощав, смешно морщил лицо, когда оставался чем-либо недовольным. Его островерхая, измазанная известью скуфейка * и длиннополая ряса с заткнутыми за пояс лапами и засученными грязными рукавами мелькали то у известкового твора, то возле ярыжных *, просеивавших речной белый песок на грохоте *, то возле зазевавшихся монастырских служек, по двое приставленных к каждому каменщику. Казалось, не было на строительстве такого места, где не присутствовал бы враз соборный старец.

Успевал он и к общей трапезе, когда после удара в било * монастырский чашник приносил в плетеных корзинах на деревянном гнупе коромысле глиняные корчаги * с горячими щами и кашей. Тогда мастера, перекрестив лбы на рубленую шатровую Вознесенскую церковь, степенно усаживались на кирпичи и бревна вокруг большой деревянной чаши-скобкы *, доставая из-за онучей * резные ложки.

Белокаменные фундаменты будущего собора были заложены минувшим летом, поэтому заволжские каменщики по разметке Изосимы сразу же приступили к кладке стен. Начали с алтарных абсид *. Вниз уложили фигурно отесанные белокаменные квадраты * цоколя, а на них положили на известковый раствор ряды кирпича. После долгого зимнего перерыва дело шло медленно. Раз два пришлось даже разбирать пошедшую было на скос кладку. Но вскоре каменщики втянулись в работу, и ярыжные теперь едва успевали вовремя подтаскивать на подмости в тяжелых липовых ушатах известковый раствор и кирпич. Ворчавший в начале Изосима все чаще засматривался на мельканье рук мастеров, любовался выведенной точно по кружалам * чистой наружной кладкой полукруглой абсиды. Да и сами каменщики, подкормившись на жирной монастырской еде, работали уже наперегонки, с задорной веселой шуткой.

Начать-то строительство начали, только каким должен стать

Русские монахи. Рис. XVII в.

со временем собор — толком никто не знал. Изосима предлагал возвести пятикупольное высотное здание с глубокими подвалами подцерковья * и открытым обходом-гульбищем, на которое с трех сторон вели бы белокаменные ступени входов.

— Видел такой в подмосковной усадьбе царя Бориса Годунова в Вяземах, — убеждал на совете Изосима. — Дивной красоты стоит там собор, яко светоч негасимый несет в выси шелома глав. Стаей лебединой плывут они в облаках, вблизи же собор чарует утоненной узорчатостью, яркоцветием росписи.

Однако Рафаил настаивал на повторении в Печерах форм древнего собора, разрушенного некогда оползнем горы, все указывая на написанную во времена Ивана Грозного икону с изображением основателя монастыря Дионисия на фоне могучего пятиглавого собора.

— Что ж с того, что на новом месте строимся? Древен наш монастырь! Пусть и угадывается то в соборе.

Были и другие суждения, но архимандрит * данной ему властью настоял на своем.

Вначале камешники работали вчетвером, но в середине мая в Печеры прибыли еще пять каменщиков Ипатьевского костромского монастыря во главе с Ивашкой Кологривовым. Дело пошло скорее. Никифор все еще отлеживался в келейке возле хлебни — и его, закутанного

* **Било** — подвешенная за середину металлическая полоса, ударом песта по которой созывались иноки для внутри-монастырских сходбищ. (Иногда была заменяли колокольни бедных храмов.)

* **Корчага** — большой глиняный сосуд для пива или кваса.

* **Скобка** — большая резная деревянная чаша в виде утицы, лебедя или глухаря.

* **Онучи** — длинные ремни или вервицы, пришитые к лаптям и служащие для обмотки снизу накрест портянок и штанин портов.

* **Абсиды** — полукруглые (или граненые) выступы с восточной стороны храма, предназначенные для размещения в них алтаря, ризницы и дьяконника.

* **Белокаменные квадраты** — ровно опиленные блоки белого камня.

* **Кружала** — опалубка для выкладки кирпичом криволинейных архитектурных форм и сводов.

* **Подцерковье** — нижний, хозяйственного назначения этаж храма. Подцерковье придавало церкви высоту, выделяя композиционно из более низменной жилой окружающей застройки.

* **Архимандрит** — настоятель крупного монастыря.

в кошмы, привезли в монастырь с наступлением тепла.

Вторая половина мая выдалась на редкость жаркой. Солнце днями лило на подсыхающую землю горячие лучи. Утренние туманы выпаривали ее влагу. Раз два Никифор прибредал к собору и даже поднимался на строительные леса к сотоварищам. Но кирпич падал из его ослабевших рук, лоб покрывался холодной испариной, а от кружения головы приходилось надолго садиться на тесницы. Монастырские служки уводили его под руки обратно в келейку, отпаивали травяными настояями.

В полдень у места строительства обычно появлялся архимандрит Рафаил. Как все монашествующие, он носил в обиходе черную мантию, отличаясь от других лишь оправленным в серебро богатым крестом на груди и набранным из разных пород дерева посохом с резным в виде двух извивающихся змеек навершием. Смотрел он на работу каменщиков молча. Только потому, как начинал при нем суетиться и покрикивать на работников Изосима, можно было понять — строг и придиричив архимандрит.

Май пришел с яркой зеленью трав и пенным цветом яблонь в монастырском саду. Почти непрерывно вокруг щелкали соловьи.

— Соловей запекает, когда можно напиться росы с березового листа, — не раз повторял Изосима, глядя на лопающиеся почки липы, и не торопил камен-

щиков, вслушивавшихся в утреннюю тишину. Начinalи они работу с восходом солнца, а кончали, когда оно тонуло в отблескивающем золотом разливе Волги. Зарницами первых дальних гроз начинал полыхать горизонт.

* * *

*«Патриарх Филарет Никитич
московский и всеа Руси,
пожалуй нас, богомольцев своих,
благослови государь нас
на том основании
на подклетах храм воздвигнути
и прибавить вновь придел
поземной Покров...»*

*(Из челобитья властей
Нижегородского Печерского
монастыря в Москву 1631 года)*

Со строительством собора в Печерах произошла заминка. Каменщики, и боровские, и те, что прибыли из Костромы, две недели клали с великим поспешанием стены подцерковья. Но заготовленные с прошлого лета белый камень и кирпич неожиданно кончились, работы пришлось прекратить. Кормить-то мастеров кормили, а вот поденную плату келарь * выдавать отказался и даже прикрикнул на их просьбу о деньгах:

— За что? Аль дело справили? То-то! Благодарите Изосиму-старца, что корм давать вам настоял. Одни убытки от работников таких.

— Мы ль виноваты? Работать готовы, лишь дайте...

Но келарь сделал вид, что не расслышал ответа.

Теперь каменщики были вынуждены проводить дни в Старых Печерах, разбирая камень древних, поросших местами кустарником руин. Усаживаясь в перерывах на клетки очищенного камня, они вели неторопливые беседы. Словоохотливый, если не было вблизи монастырских, Изосима рассказывал:

— Когда-то здесь стоял белокаменный храм да высоченная колокольня, многожитийные рубленые настоятельские покои и кельи в городьбе с резными воротами. Но при архимандрите Трифоне, мир праху его, в 1597 году как-то в полдень раздался подземный гул-трясение. Все зашаталось и поползло вместе с деревьями косогора прямо в Волгу-матушку. Земля разверзлась, ломая липы-великаны и дубы побережья словно соломины, раскатывая по бревнышкам накрепко сплоченные толстостенные клетки-срубы.

Видеть мне это не довелось. Далече был отсюда. А вот слышал многожды, да и в монастырском летописце читал: «Людие же, видеша тому месту погибель, бежаху из монастыря и стояху на горах и видеша, яко церковь и келии и ограда и житницы и двор конюшенный и все погибоша». Страх да и только!

Отписали о беде неожиданной в Москву Федору Иоанновичу, а как того не стало — самому государю-царю Борису Федоровичу Годунову донесли. Прислал он в Нижний Нов град знатного подмастерья Федора, по прозванию Конь. Тогда и я

с сыном ему для посохи * прибыл. Долго осматривали мы гиблое место. А оно ключами изошло, слабо стало, глубокими трещинами покрылось. Какое уж каменное тут строить?! Ногой ступить было боязно!

Беда-то и пришла в одночасье. Занят я был с подмастерьем и не доглядел, как сынок-то мой единственный провалился в яму глубокую, отозвался глухим криком да и сгинул. Остался я один-одинешенек век вековать. Слез пролил... Дум передумал... Жить не хотел — простить себе до сих пор не могу, что оставил сына одного на гиблом месте, — с горечью продолжал Изосима, не скрывая старческих слез, бегущих по впалым щекам.

— Монастырь тогда ближе к городу переносили. Нужны были мастера-строители, вот я и остался в Нижнем Новгороде. Не мог покинуть место гибели сына своего, отпросился у Федора Савельича постричься в Печеры. С тех пор и живу здесь, понемногу отошел: печи починиваю, горны в кузне. Под конец-то жизни захотелось памятку о себе людям оставить — собор просторный возвести. А видите, дело-то как обернулось? Опять

* Келарь — главный монастырский хозяйственник, сборщик и хранитель казны. Второе лицо в монастыре после архимандрита.

* Для посохи — для помощи.

* Настоятель — глава монастыря.

* Бортник — собиратель из самодельных колод-бортей меда диких пчел по лесным окраинам — раменьям.

задержка. — Изосима, печально опустив голову, надолго замолчал, задумавшись о чем-то своем. Каменщики тоже почтительно помалкивали, сочувствуя горю старого мастера.

— Да, давно это было, — с усилием оторвался от своих тяжелых дум Изосима. — Слух прошел, что монастырь наказал господь за корыстолюбие и жадность тогдашнего архимандрита Трифона. Говорили, что в тяжкий 1597 год подпоил он настоятеля * Спасской Толоконцевской пустыньки, что основал батюшка царя Ивана Грозного Василий Иванович для пострижения безо вклада бортников * и лесовых деловцев Заузоля, да и подсунул пьяному подписать грамотку-челобитие о присоединении заволжской обители к Печерскому монастырю. Много богатств: лесов боровых и сенных пожен-покосов, бортных ухажьев да бобровых гонов — досталось тогда за Волгой Печерскому монастырю. Только впрок не пошло то богатство! Господь все видит — наказал нечестивцев... — зло заключил Изосима и тотчас испугался своих слов, опасливо стал озираться — не подслушивают ли монастырские? Ох, как дознается архимандрит о его мыслях — в поруб тюремный посадит на хлеб-воду. И не посмотрит, что без него окончательная остановка в деле будет. Лишь спустя некоторое время Изосима продолжил свой рассказ о давнем: — В смутную-то пору польско-литовского лихолетья было

не до каменного строительства. А как начали поновлять стены Нижегородского кремля и класть собор Архистратига Михаила, монастырские власти хлопотать начали и о своем деле. Что ж! Злато-серебро в казне есть, слава давняя, а вот вид у монастыря неказистый. Иной сельский погост краше! Не гоже то, не по чину!

Отправили в 1629 году к государю-патриарху Филарету Никитичу челобитчиков * с дарами, чтоб благословил на каменное соборное строительство. Прописали, что основание для него — место твердо, и запасов — старого камня и кирпича — достаточно. Благословить-то патриарх благословил, а мастеров, кому то каменное дело было бы за обычай, в монастыре не было. Что могу я один-то? Надежда на нижегородских и балахонских каменщиков напрасна, сначала поновляли кремлевские поруши *, затем возводили Михайло-Архангельский собор, а ныне, говорят, всех до единого вызывают в Вязьму для государевых спешных работ. Опять войной грозит Польша. Непокойно на западном порубежье России.

Ныне только б и строить, да без камня-кирпича можно ль? Вот и надобно добыть сколь возможно старого камня, — закончил Изосима и, поднявшись с места, по-стариковски засеменил со вздохами к развалу.

Вечером того же дня крестьяне Подновской монастырской слободы перевезли на подводах к месту строительства выбран-

ный и очищенный от старой извести кирпич и камень. На закате же под монастырем пристали сразу четыре долгожданных паузка * со строительными материалами из Балахны. На землю упали сумерки, когда работные закончили вкатывать по лежням * лычными канатами, с берега вверх, в гору, бочки с известью, в заплечных коробах поднимали по крутой тропе кирпич ярыжные. Утром следующего дня возле новостроящегося собора вновь засуетились люди.

Через неделю стены подцерковья поднялись на сажень *.

Но вот как-то в полдень из Москвы прибыл монастырский стряпчий *, и архимандрит Рафаил спешно созвал в свою палату келаря, казначея, Изосиму и всех соборных старцев, приказав прекратить работы.

— Беда неожиданная! Как быть, что делать — не ведаю! —

* Челобитчики — бьющие челом, просители.

* Порúши — повреждения.

* Паúзок — речное мелководное судно.

* Лёжни — две линии связанных бревен, по которым вверх в гору вкатывались бочки.

* Са́жень трехаршинная — 213 см.

* Стря́пчий — ходатай от имени крупного феодала перед правительственными органами, их представитель-посредник в хозяйственных делах.

* Приде́л — дополнительный, пристроенный к главному, храм. В зависимости от количества приделов, церкви в Древней Руси могли быть одно-, двух-, трех- и более престольные (посвященные сразу несколькими святым).

прямо, без обычных слов благословения начал Рафаил.

— Новую святейшего патриарха храмозданную грамоту привез стряпчий. Все не так каменное дело делаем, как в той грамоте указано! — гневно проговорил архимандрит, обратив негодующий взор на Изосиму. Тот, однако, смотрел на Рафаила прямо и открыто, не ведая за собой вины. Подрагивали только плечи его.

— Как указал ты, отец архимандрит, так и строим! В чем вина наша, укажи! — ответил Изосима и запнулся на смелом слове.

— Вина в том всех! Но лучше — твоя, Изосима, что не признал, не выяснил доподлинно, каков был ответ на последнее наше челобитье святейшему патриарху. Аль не знал о таковом?

— Знал. Как не знать? — ответил Изосима и смолк.

— Давно получили мы благословение на строительство собора двухпрестольным, — вновь заговорил Рафаил. — Потом вслед били челом патриарху пристроить к нему теплую трапезу с Покровским приделом *. Монастырь наш древен и знатен. Во всех обителях многие святые имеют свои посвящения, потому и стекаются к ним людишки, дары несут. Чем мы хуже?

Рафаил, едва сдерживая гнев, недобро оглядел всех и резко продолжал:

— Зимой просили нижайше Филарета Никитича, в который раз уж, переписать храмозданную грамоту, чтоб утвердить в

соборе пять престолов. Строим-то по старой грамоте, а благословение пришло на пять престолов. Где теперь в соборе разместить еще два алтаря, не утесняя пространства? Решай, Изосима, не доводи до греха! — голос архимандрита сорвался на крик, но он тотчас овладел собой. — Что скажете, отцы-братия? Какой совет дадите? — обратился Рафаил к собравшимся.

Все молчали, только ниже клонили головы, не поднимая глаз.

Лишь один кто-то чуть слышно вымолвил: «Не нашего ума это дело. Пусть Изосима ответствует. Ему поручалось...»

Вернулся Изосима к каменщикам в великой печали, долго и путано объяснял случившееся. Следующим утром, хоть и дождь моросил, а с Волги накатывал порывами холодный пронзительный ветер, мастера обошли строительство, примериваясь, где бы утвердить новые престолы? Только размещать их было негде. Покровский придел и так занял стенами почти пятую часть внутреннего пространства. Заглянули и в подцерковье, где под трапезой клал печи Ефрем, прозванный Босым, — смышленный длиннорукий монах, с прошлого года помогавший каменщикам в работе. Говорилось меж мастеров в тот день много, только ничего толком придумано не было.

Вечером к собравшимся внутри собора сотоварищам кое-как приплелся больной Никифор. Кашель сотрясал его исху-

давшее тело, но он, казалось, не замечал этого. Опустившись на брошенный кем-то на кирпич кафтан, сразу заговорил:

— Выход есть: престолы новые разместить следует на хорах, вверху. Так в древности делалось. Ничего не изменится, если на своды Покровского придела еще один придел утвердить, а другой — ему в пару. Лишь главы над ними придется класть для светлости большими. Собор же новыми приделами утеснен не будет.

Простота решения удивила не только каменщиков, но и архимандрита. Так и решилось это неожиданно возникшее осложнение.

* * *

«Ныне в Нижнем в Печерском монастыре делают каменное дело, и как вам ся наша грамота придет и вы-б по прежней и по сей нашей грамоте в Иванову вотчину Грамотина и в Печерский монастырь для сыску каменщиков и кирпичников и горшешников послали тотчас нарочного с приставом и велели всех недосыльных каменщиков и кирпичников и горшешников сыскав, за крепкими поруки и з записми выслали к нам к Москве с приставом, а по которых поруки не будет и тех скованных выслали к нам для Вяземского городского каменного дела...»

(Из царского указа нижегородскому воеводе 1631 года)

Дьяк и думать забыл о своих делах с печерским архимандритом. Не показал воеводе грамоту с наказом о высылке каменщиков Ивана Грамотина в Вязьму, а вместо них послал с нижегородскими и балахнинскими мастерами пятерых бездомных бродяг, что с зимы сидели за воровство в земляной тюрьме под Ивановской кремлевской башней. Те были рады-раदेशеньки любой работе, лишь бы не околевать в холоде и сырости в железах без куска хлеба.

Но вот вчерашний день из приказа Каменных дел пришла срочная грамота с извещением, что знают-де в Москве об укрывательстве мастеров в Нижнем Нове городе, грозят жестокой опалой за ослушание и, не приведи господи, если дознаются о мздоимстве* государева дьяка — быть тогда лишенным доходного места, а может быть, и головы.

— Но какой же сукин сын донес в Москву на него? — мучился неизвестностью дьяк, поджидая в съезжей избе воеводу. — Кто знал о той, прежней, царской грамоте? Привезли ее ночью, — про себя размышлял дьяк, — а рано утром она была уже в его руках. Уж не Носан ли Козел, чернильное племя? А может, в Вязьме прознали, что подменили каменщиков?

Воевода явился только после полудня, навеселе, в сопровождении двух стрелецких сотников*. Подьячих, что нудно скрипели гусиными перьями по бумажным склеям*, сразу словно

Склея. XVII в.

ветром сдуло из горницы, так что дьяк остался бы для объяснений с воеводой один на один, не будь сотников, которые похозяйски развалились на постенных лавках и, рассказывая побасенки, заливались раскатистым смехом.

— Есть ли спешные дела, дьяк? Сказывали, из Москвы грамоты пришли. Что пишут в них?

Дьяк засуетился.

— Спешного, отец-воевода, нет! Только... — он, словно запнувшись, взглядом указал на стрельцов.

Воевода насупился. Не хоте-

лось ему прощаться с сотрапезниками, да делать нечего — служба.

— Вечером жду вас, други, у себя, — обратился он к сотникам. — Да не забудьте стрельца-скомороха Захарку призвать. То-то весел да удал. А сейчас дела есть, — с неудовольствием взглянув на дьяка, закончил воевода. Пожав плечами, сотники нехотя вышли из горницы, оставив воеводу и дьяка одних.

— Так что сказать хотел, дьяк? Аль покаяться в чем? Уж больно бел лицом да тих стал! — спросил воевода, ехидным взглядом доставая, казалось, до самой дьячьей души.

— Был Рафаил, архимандрит печерский, — заискивающе проговорил дьяк, — в дар вам, Иван Прохорович, принес золотых ефимков двадцать рублей.

— Как так? Сам принес? За что же щедр вдруг стал чернец? Что хотел архимандрит? — насмешливо спросил воевода.

— Дело простое, светлый князь-воевода. С прошлого года строят в Печерах каменную соборную церковь. Своих мастеров в обители нет, вот они и пробаваются ими на стороне. Прибыли было каменщики из Костромы, только, сказывают, отозвали их спешно власти Ипатьевского монастыря. Жалится архимандрит дать им заволжской Никольской слободы крестьянишек, что преж сего выучились каменному делу.

— Так что ж? Дай, коль щедро сулит просьбу!

* Мздоимство — взяточничество.

* Стрелецкий сотник — командир сотни стрельцов.

* Склея — написанный на отдельных листах, а затем склеенный по длине акт.

— Так-то так. Только грамота пришла из приказа Каменных дел, чтоб спешно тем каменщикам быть в Вязьме к городovým работам. Как же ослушаться царского указа?

— Ослушаться нельзя! Архимандриту отказ перескажи, а деньги сюда давай! Раз сам принес — значит лишние. Не оскудеет казна монастырская! — с этими словами воевода ловко подхватил расшитую серебром кису, взвешивая на ладони позванивающие монеты.

Дьяк никак не ожидал такого поворота дел. «Ух, хват воевода! Такому палец не тяни — руки лишит! Денег жаль, — мрачно размышлял дьяк, склонившись над бумагами. — Как опростоволосился — деньги отдал, а дело не выправил. Придется-таки посылать стрельцов за каменщиками...»

На следующий день в Печерах мастера завершали кладку сводов подцерковья. Изосима не отходил от каменщиков, следя, чтоб ровно по кружалам выводили своды, чтоб была клеевита известь. Дело шло споро, и каменщики с напряженной расчетливостью подбирали камень к камню. Никто не заметил, как от рубленых ворот Большого острога Нижнего Новгорода прогарцевали три всадника к настоятельским, стоявшим над береговой кручей возле будущего собора покоем. Прошло несколько минут, и в палаты, путаясь в полах рясы, пробежал келарь,

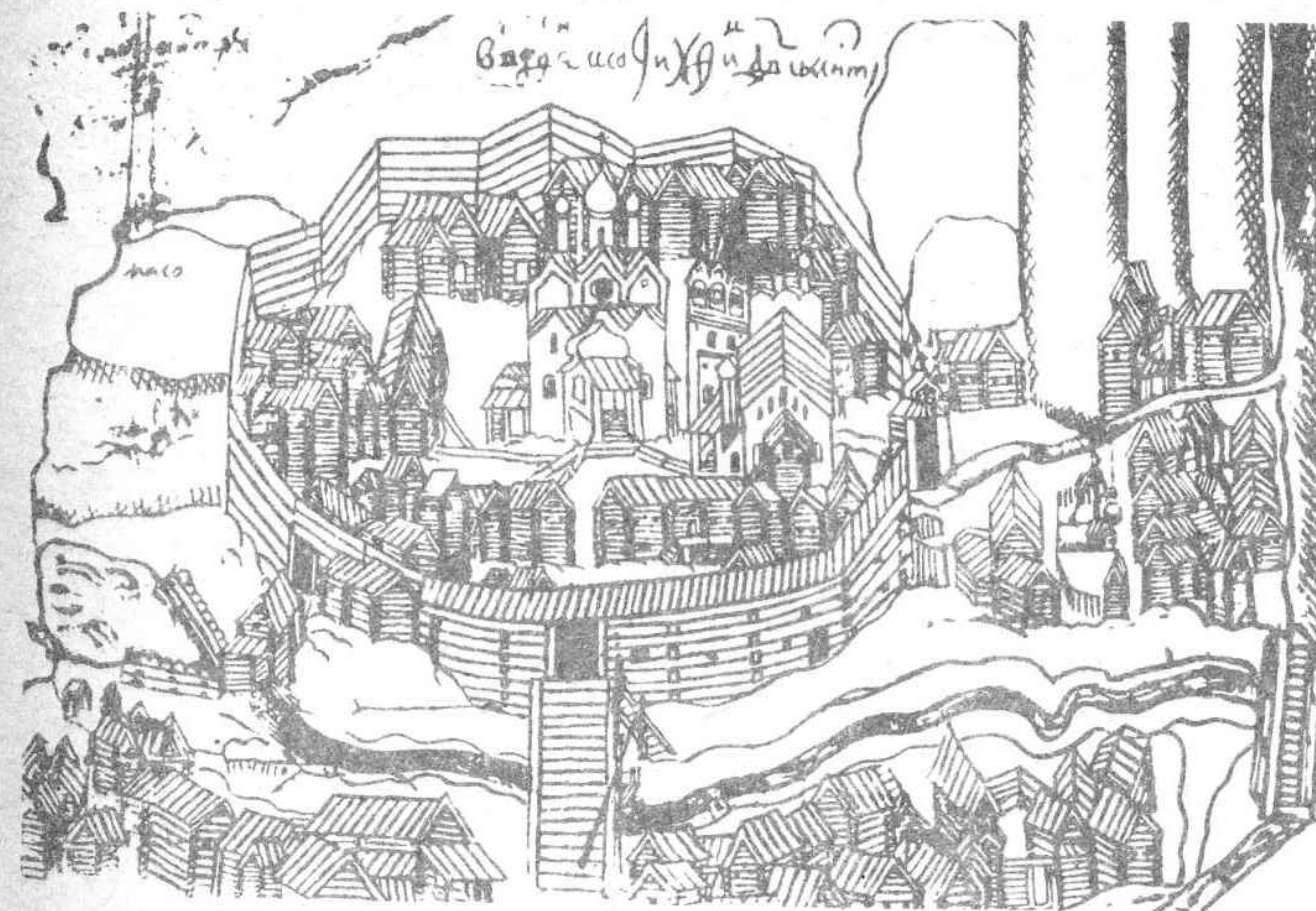
а вскоре чашник пронес из ледника медный квасной кумган* и тяжелую склянницу водки. От крыльца же в сторону города откатил крытый возок архимандрита.

Вернулся Рафаил часа через три и сразу же Изосиму потребовал к себе. Был уже вечер, когда из архимандричьих покоев вышли, пошатываясь от обильного питья, стрельцы и вместе с келарем направились прямо к строящемуся собору, неуверенными жестами требуя к себе каменщиков. Мастера сошли с лесов, сняв шапки, покорно ждали, что скажут нежданные гости.

— Царь-государь и великий князь Михаил Федорович указал быть вам в Вязьме у спешных каменных городových дел. Архимандрит благословил ваш отъезд, хлеба указал дать на дорогу да по полтине денег каждому. Благодарите господина вашего и будьте готовы по утру

Кумган. XVII в.

Русский монастырь. С рис. Ивана Зеленина. XVII в.

в дальний путь, — объявил им сотник и указал перстом на келаря, как бы подтверждая согласие монастырских властей на отъезд работников.

— А как за работу? На что жить семьям нашим без кормильцев? Сгинут на правеже* в долгах! Домой показаться надобно, почитай два месяца жен-детей не видали. Люди мы! — зароптали было каменщики, надвигаясь на келаря.

* Кумган — высокий, восточного происхождения узкогорлый сосуд с длинным изогнутым носиком и крышкой.

* Правеж — публичное наказание должников казны в виде стояния на торговой площади под надзором пристава, битье их по ногам батогами-палками.

— Какие деньги? — завопил тот, на всякий случай отступая поближе к стрельцам. — Дела не сделали? Поруха монастырю какая? А ели-пили на что? А хлеб и полтина в дорогу? Как смеете, смерды, требовать еще! Голос свой подавать! Ковать в железа укажу, в путях в Москву поедете...

Утро выдалось на редкость для лета холодным и ветреным. Как и не было недавнего июньского тепла. С неба сыпал дождь-мокринец, вязкой грязью собираясь в дорожной колее. Прикрыв головы холстиной, сидели, прижавшись друг к другу, каменщики на трясущейся телеге, теплом своих тел пытаясь согреть больного сотоварища.

Так и не пришлось отлежаться-выздороветь больному Никифору. Мрачные мысли мучили его: знать, последним будет для него этот путь, не придется увидеть вновь родной дом.

Чертыхаясь на погоду, на дьячий указ, на дорожную грязь, на медленно движущихся лоша-

дей, то и дело прикладываясь к сулее * с водкой, ехал на другой телеге пристав *...

* Сулея — металлический разукрашенный сосуд-фляжка.

* Пристав — полицейский чин, состоящий при съезжей или губной избе.

КАМЕННЫХ ДЕЛ ПОДМАСТЕРЬЕ АНТИП КОНСТАНТИНОВ

Шатровое храмовое зодчество является наивысшим достижением древнерусских мастеров, ярким выражением их инженерной смелости, оригинальности объемно-пространственного и композиционного видения, истинно народного понимания красоты. Шатровые церкви возводились как храмы-памятники в честь наиболее важных в судьбах России событий. Они не велики по размерам, устремлены ввысь, прекрасно просматривались с самых дальних подступов, выполняя важную градостроительную роль в весьма запутанной тогда застройке посадов. Но шатровые храмы менее всего отражали символику и уставные правила православия, поэтому церковники в лице патриарха Никона повели с шатрами в храмовом строительстве жестокую борьбу.

При всей значимости шатровых построек в истории национальной культуры сегодня только Антип Константинов из всех известных зодчих может быть назван мастером русского шатрового храмового типа. Тем самым он занял особое, весьма заметное и почетное место среди своих собратьев по творчеству. Остается лишь удивляться, сколь насыщенной была его недолгая творческая жизнь, насколько высокого качества работы, многие из которых сохранились до наших дней и украшают лицо городов нашей великой Родины.

начала ударили колокола в кремле, а затем малиновый перезвон полился по всем улочкам далеко разбросанных вдоль Волги и Оки посадов * и слобод * Нижнего Новгорода. Потекли людские ручейки к кремлевским воротам от Козьмы

и Дамиана, из стрелецких слободок, от верхнепосадского Никольского и започаинского Мироносицкого приходов. Было 23 апреля 1628 года. Люди спешили по еще грязным от весенней хляби мостовым в кремль на закладку нового Михайло-Архангельского собора — храма-памятника в честь подвига Нижегородского ополчения Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, поднявших свой сокрушительный меч против иноземных захватчиков в трудную для Отечества годину.

Нижегородцы все как один участвовали в сборе ополчения: кто гасил горн, оставлял молот в кузне и брал в руки рогатину или бердыш *, кто вносил в казну ополчения потом и недоеданием скопленные сбережения, третьи, не имея денег и ценностей, сдавали на общее дело все наработанное «зделье». Всему велся строгий учет и оценка, все записывалось Кузьмой Миничем и его множившимися с каждым днем добровольными помощниками-целовальниками в особые Приходные книги, чтоб не допустить к собираемой по крохам казне ополчения своекорыстников, чтоб купцы-предприниматели не могли пополнить ею свою мощну, а заодно — и не избежали общих плат-раскладов. Кузьма Минич, как звали его на посаде, вел дела умно и предусмотрительно, потому и стал незаменим в ополчении, а говорил на городских площадях о захлестнутой боярскими распрями и заливаемой народной

кровью Руси так, что слезы подступали к горлу у самых стойких. Скупец широко раскрывал тогда свой кошель, трус первым был готов ринуться в бой за родную землю-мать, коей каждый ощутил себя сыном.

Древний белокаменный Михайло-Архангельский собор, освященный в честь покровителя русского воинства, обветшал, и в нем давно не служили: кровля протекала, камни выпадали из сводов, а внутри отдавало застойным запахом прели и гнилости. Был он отстроен еще в XIV веке, когда Великое Нижегородско-Суздальское княжество находилось в расцвете. Объединяло оно и славный Суздальград, и Шую, и Юрьевец-Поволжский и часть Перми Великой, а также многие иные земли. Но потом собор многократно горел в захлестнувших посадки пожарах, разорялся не раз изгоном проходившими через Нижний Новгород ордынками. Толь-

* Посад — древнерусские города имели административно-духовные центры — кремли-детинцы, а также посады-околоградия, где жили ремесленники и торговцы.

* Слобода — частновладельческая или принадлежащая монастырю часть города, жители которой государственных податей не платили.

* Бердыш — холодное оружие русского стрельца с широким, секирообразным лезвием на древке-ратовище, с окованным заостренным нижним концом. Служил также подставкой при стрельбе из тяжелой ручной пищали.

* Литургия — богослужение, во время которого совершалось причастие.

ко после покорения Казанского и Астраханского ханств народы Поволжья вздохнули свободно и перешли к заботам торговой-экономической жизни Русского централизованного государства. Вот тогда нижегородцы и задумали было поновить собор, но страшная в своей жестокой бессмысленности опричина оглушила страну. До того ли было. Каждый мечтал сохранить жизнь! А собор продолжал рушиться, так что вход вовнутрь для прихожан закрыли, перенесли службу в наспех срубленную рядом клетскую церковь Иоанна Богослова. Утеснена она была внутри и не вмещала всех желающих по праздникам, да что поделаешь? Не до дорогостоящих каменных работ было и в пору смут.

Казна была пуста, а дважды выгоревший в 1617 году Нижегородский посад обезлюдел. Целые районы города годами оставались заросшим бурьяном пепелищем. Государевы тяготы-поборы многих посадских привели под кнут палача на торговой площади. Годовые же оклады выплачивали через мочь свою всем посадом. До каменного ли строительства тут!

В 1625 году пришла весть, что Нижний Новгород взял под свое личное покровительство-опеку новый патриарх Филарет Никитич, отец нынешнего царя Михаила Федоровича. Уж как там было — никто не ведал, только 3 декабря 1627 года в Нижний Новгород прибыл из Москвы гонец с указом возвести

в память ратных заслуг перед Отечеством народного ополчения Минина—Пожарского новый Михайло-Архангельский собор, а деньги-казну для того взять из таможенных государевых сборов.

— Вспомнили-таки в Москве о Нижнем Новгороде! Надоумила чья-то светлая голова воздать должное павшим за родную землю! — радовались горожане.

В первых числах апреля 1628 года в город прибыли из Москвы государевы каменных дел подмастерья Лаврентий Семенович Возоулин и его приемный сын-пасынок Антип. Собрал воевода в кремль всех местных кирпичников и каменщиков. Были тут и пять мастеров из заволжской Боровской слободы, вотчины государева печатника Ивана Тарасьева сына Грамотина, а пятнадцать человек доставили из Балахны, где исконно жили опытные строители. Там же, в Балахне, было решено и закупать кирпич.

Работы в кремле начались с разборки стен древнего белокаменного здания. Когда-то Михайло-Архангельский собор служил усыпальницей великих нижегородских князей. Потому-то подмастерьям настрого наказывалось включить древние захоронения в площадь нового храма.

— Чтоб святая литургия * всегда звучала над их прахом, — наставлял каменщиков нижегородский протопоп Савва Евфимьев. — А как делать — думайте сами! На то подмастерья-

ми и прозывается, на то и указ вам дан!

Провожая из Москвы в Нижний Новгород, о том же говорил им и патриарх Филарет Никитич, да все на древние особо почитаемые храмы кивал.

— Осмотрите Вознесение в Коломенском! В память рождения долгожданного сына Иоанна великий князь Василий Иванович в своей отчине поднял. Благороден формами и величествен. Всякий радость великого князя видит. Так-то, и мертвый камень в умелых руках говорить может! Да не забудьте и Покров на рву, что слывет в народе Василием Блаженным. То память о славной Казанской битве! Почитай, век прошел, как поставили храмы, а люди до сих пор дивятся хитрознатности и чудному виду их, вспоминают деяния предков. Вот и вы сотворите достойное. Сможете ль?

Подмастерья только пожимали плечами. Мыслимое ли это дело — заранее ценить-расхваливать свой труд. Потому отвечали сдержанно и с осторожностью: — На месте видно будет. Что от нас надобно — поняли, а как выполнить наказ — пока не ведаем.

С тем и съехали зодчие из Москвы.

Для нового Михайло-Архангельского собора сохранили древний план, но указали ярыжным копать рвы под основание несколько отступя к западу, чтоб не рушить старые фундаменты, которые должны были служить и на будущее.

Разве помешают? Земля тверже будет в основании, — рассуждали подмастерья. Особенно много они размышляли о формах будущего храма. — Как на таком малом месте что-либо величественное возвести? Одна надежда на высоту! Шатром стройным увенчать — тогда собор будет виден каждому не только в кремле, но и с посадов, с Волги ж матушки и с Оки — тем более. Первым вместе с седым кремлем встречать путников будет. О славе и воинской доблести нижегородцев рассказывать, устрашать нечестивцев-ворогов!

Подмастерья почасту чертили прямо на земле план собора и все рассчитывали — что и какой высоты надлежит возводить! Много споров-бесед меж ними тогда состоялось, но в заключение порешили и колокольню пристроить прямо к зданию. А то, бывало, звонить надобно, дьячок же еще только на колокольню лезет. Необычно будет, зато удобно — прямо у колоколов звонарь стоять может, сверху все видеть и слышать.

Апреля 23-го дня года 1628 на закладку собора людей в кремль набилось видимо-невидимо. Они запрудили площадь у воеводского дворца-терема, примыкавшие к ней улочки, даже на тыновых изгородях соседних усадеб как воробыи расселись вездесущие мальчишки. Службу вел спасский протопоп Савва Евфимьев — один из участников сбора ополчения. Стоял он на застланном ковром помосте, бросая в притихшую

Михайло-Архангельский собор в середине XVII в. Рисунок-реконструкция Н. Ф. Филатова

толпу гневные слова, устрашавшие именем небесного воинства ворогов славного Нижнего Новгорода и всей России-матушки: «...сотвори их яко овцы, и сокруши их яко прах пред лицом ветра, Михаил Архангел шестокрылый, первый княж и воевода небесных сил...» Не успели последние слова растаять в воздухе, как ударили колокола деревянной звонницы Иоанновской церкви, им откликнулись звонари всего города.

* Кадíло — небольшая шаровитая чаша на цепочках с раскаленными углями и ладаном. Использовалось при богослужении для благоуханного окуривания храма и людей.

Густой гул плыл над Нижним Новгородом. Испуганное воронье с криком взметнулось с посадских погостов, черной тучей закружилось в небе, тревожным карканьем заглушая звон.

Махнув кадилом* над местом будущего алтаря, Савва сошел с помоста и утвердил резной деревянный крест. За дело тотчас взялись подмастерья с двумя-тремя каменщиками: в основание будущего собора они уложили крестообразно первые кирпичи и пролили их из ушата раствором извести. К строительству же каменщики приступили следующим утром, а в этот день, получив по распо-

ряжению воеводы по кружке вина, все разошлись по домам.

Кирпич закупали в Балахне и везли в лодьях прямо на пески под Нижегородский кремль, сгружая на подводы, поднимавшие его далее по Ивановскому съезду к месту строительства. Уже давно балахонские мастера не изготавливали таких крупных партий кирпича. В течение почти тридцати лет он шел на одни горны да очаги. А много ль его для этого надобно? Теперь же в Балахне задымили после долгого стояния многие кирпичные заводы-сарай. Стоил кирпич на балахнинском торгу весьма дорого — рубль две гривны за тысячу.

Наиболее расторопным и распорядительным оказался Дмитрий Борисов, сразу же отпустивший к строительству Михайло-Архангельского собора крупную партию добротного обожженного звонкого кирпича. Но его быстро уложили в стены, и у Дмитрия ж пришлось купить еще 5000 кирпичей уже на торгу Нижнего Новгорода, более дорогой ценой, чтоб только не стояли без дела мастера.

Известь в кремль везли в бочках с Холщевки, где нашли заброшенные еще в стародавние времена, — видимо, при одном из ремонтов кремля, — печи-вертки *. Железо ковал беспрестанно наемный кузнец-нижегородец Герасимка Федоров прямо возле соборного места. Горы криц * перековал он в своей кузне на длинные полосы-связи, на решетки с крюками для оконных

ставень, на жиковины * и цепи дверей, сами полотнища их створов. Но главное — каждый день кузнец затачивал инструменты: мастерки-лопатки для каменщиков, кирки и заступы для чернорабочих, молотки-тесла для фигурной обработки кирпича в кладке.

Работа шла быстро. Лаврентий и Антип едва успевали повсюду, вовремя не догляди — и кирпич не того качества кладут в стены, недогашенную известь из творил несут мастерам, да и кладка пошла не той чистоты. Нередко приходилось сбивать уже уложенные ряды. А сколько иных забот оказалось у подмастерьев?!

На исходе сезона, после осмотра работ, дьяк с радостью отписал в приказ Каменных дел:

«По государеву цареву и великого князя Михаила Федоро-

* Известная печь-вертка — сложенная из белого камня круглая печь для обжига его при высоких температурах на известь.

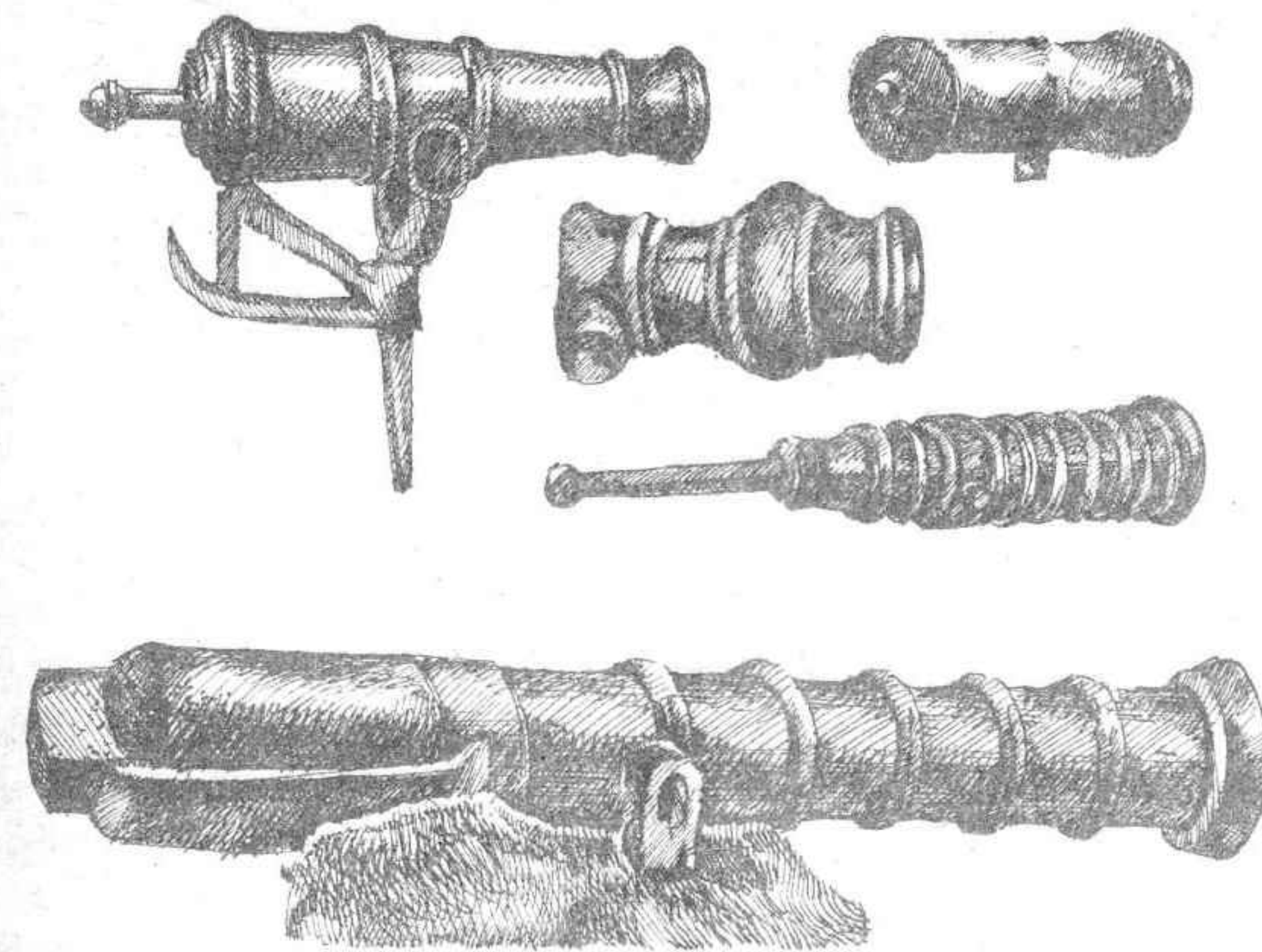
* Крица — полученное в сыродутной домнице из болотной руды, спекшееся со шлаком железо в виде округлого куска.

* Жиковина — фигурно обработанная с просечным рисунком накладная пластина с петлей для навески дверей.

* Аркада крепостных каменных стен — внутренняя часть крепостных стен в виде системы арок, несущих боевой ход.

* Прясла крепости — стены между башнями.

* Затинная пищаль — тяжелое ручное крепостное орудие. В XVII в. так нередко назывались и пушки.

Пушечно-пищальное вооружение русской крепости. XVII в.

вича всеа Русии указу в Нижнем Нове граде соборные церкви Архангела Михаила каменново дела зделано: из земли выбучено, а от буту вверх церковные стены взведено пол три сажени, да у церкви-ж зделано-ж три паперти и своды у папертей сведены...»

Рано начавшиеся в тот год дожди с заморозками прервали работы уже в сентябре. Только тогда зодчие смогли вольготней вздохнуть и оглядеться в новом для них городе.

Нижний Новгород раскинулся на высоком, изрезанном глубокими оврагами правом высоком берегу при слиянии великой Волги-матушки с Окой. Над стрелицей господствовал каменный кремль с его мощными башнями и толстостенными на арка-

де * пряслами *, не раз служившими надежной обороной-защитой для всего окрестного населения. Незадолго до приезда в Нижний Новгород зодчих государев каменных дел подмастерье Первуша Данилов не только поновил поруши стен, но и покрыл их новыми кровлями, так что выглядел кремль сохранным, грозным и неприступным, всегда готовым к встрече врага, какой и должна была быть русская крепость. В прорезях бойниц башен виднелись жерла пушек и затинных пищалей *. Наиболее же тяжелые и мощные орудия лежали в окованных дубовых станках на земляных бастионах-насыпях у Ивановской и Дмитриевской проезжих башен, через которые пролежала единственная внутригородская дорога, связы-

вавшая Нижний и Верхний посады, далеко отстоящие Печерский и Благовещенский монастыри.

Даже среди крупных орудий у Ивановских ворот выделялся пятиметровый ствол бронзовой пищали «Свисток», с прикрытой рогожей горой готовых к бою ядер, каждое из которых весило по пуду. Грозная пищаль держала под прицелом весь фарватер Волги и могла двумя-тремя выстрелами пустить на дно любое самое крупное вражеское судно.

Неприступным, надежно защищенным смотрелся кремль и с нагорной стороны. От волжского берегового обрыва до Почаинского оврага кремль отсекал от материка глубокий, местами заводненный крепостной ров, над которым нависал каменный арочный мост, соединявший Дмитриевскую башню с выведенной далеко вперед от кремля пятигранной двухъярусной отводной стрельницей, также окруженной рвом. Возле пушек у бойниц стрельницы постоянно стояли в дозоре пищальники с длинноствольными ружьями и бердышами, внимательно оглядывая каждого поднимавшегося на крепостной мост. Дозор занимал и верхнюю смотровую площадку Дмитриевской башни. Так что защита кремля со стороны ополья была надежной: без захвата отводной стрельницы не могло быть и речи о штурме кремля, а взять ее под прицельным пищально-пушечным огнем защитников по крайней мере с четырех башен было не просто.

Но даже взойдя на крепостной каменный мост, враг опять-таки попадал в западню под прицел пушек Дмитриевской башни.

Московские подмастерья Лаврентий и Антип дивились мудрости и предусмотрительности древних строителей. Из рассказов старожилов явствовало: кремль достойно выдержал все испытания многочисленных осад и ни разу не был захвачен врагом. Потому его оберегали от разрушений особо тщательно и тотчас поновляли поруши, для чего в городе содержались нетяглые * государевы записные каменщики, в обязанность которых и входил повседневный надзор за исправным состоянием кремлевских стен.

Посадские жилые строения на фоне грозных каменных башен смотрелись низменными. Были они деревянными, одноэтажными, но на высоких подклетах *, где хранилась домовая утварь и держался скот. В кремле же стояло немало

* Нетяглые записные государевы каменщики — мастера, живущие по своим городам, но числящиеся на государственной службе и вызываемые регулярно приказом Каменных дел к работам. По этой причине государственным тяглом они не облагались.

* Подклёт — нижний этаж хором, имеющий подсобное, хозяйственное назначение (редко жилой, для слуг).

* Вытное обложение — государственные повинности сельского населения, разложенные на выти. В «выть» входило обычно 2—4 крестьянских двора.

* Жолнер — тяжеловооруженный польский всадник.

высоких хором служилых дворян, отгороженных тыновыми оградами от подворий с собственными храмами бояр и монастырей. Возле главного городского Спасо-Преображенского собора высились царские и патриархии осадные дворцы-усадыбы.

Зодчие жили в просторной избе прямо возле Михайло-Архангельского строящегося собора, а в пристроенной к ней казарме дневали каменщики и ярыжные — чернорабочие, набранные по вытному обложению * из деревень и сел всего Нижегородского уезда. Но со времени окончания строительного сезона ярыжки разбрелись по домам, а зодчие остались в Нижнем Новгороде — в Москве их никто не ждал.

* * *

...В набат-сплох в Скородоме ударили ранним утром 18 марта 1611 года, когда к Москве подошли отряды первого народного ополчения во главе с воеводами Прокопием Ляпуновым и Дмитрием Пожарским. Ополченцы с ходу сбросили польско-литовские сторожевые посты со стен Замоскворечья и мелкими группками стали просачиваться в Белый город. Посадские повсюду брались за топоры и колья. Восстание охватило и Китай-город. Казалось, часы господства иноземцев в русской столице сочтены, но бояре-изменники Михаил Салтыков и Федор Анкудинов под-

сказали ворогам запалить взбунтовавшуюся Москву, чтоб выжечь посады вместе со взявшим оружие народом. Деревянные строения Скородома запылали сразу со всех концов. Огненный смерч в час-два превратил пол-Москвы в пепелище. Среди отступавших из столицы от страшного огня был и Лаврентий Возоулин, потерявший в тот день всех близких и из жалости уводивший с собой жену соседа Константина-каменщика, зарубленного на его глазах польским жолнером *.

Общая беда-горе не только сблизила, но и со временем породнила беглецов. А сын Константина стал учеником и помощником подмастерья Лаврентия Семеновича Возоулина, повсюду отныне сопровождая его в странствиях по стране.

Лишь после изгнания из Москвы интервентов Лаврентий с семейством вернулся в родной город. Работы в возрождавшейся из пепелища столице для опытного каменщика было предостаточно, и его сразу же зачислили в Каменный приказ для ведения государевых прибылых дел. Правда, строить заново приходилось немного, но зато нужно было срочно ремонтировать и поновлять практически все каменные здания кремля, включая стены и башни крепости.

Но с трудом налаженная жизнь вновь отступила. Казалось, готовы были вернуться тяготы «смутного» времени, когда осенью 1618 года под Москву подошли войска польского коро-

левича Владислава, претендента на русский престол. За Яузой-рекой на переправе москвичи спешно срубили острожки, укрепили крепостные стены и затащили на них пищали. На площадях стольного града повсюду принималась всенародная клятва «против недруга-королевича стоять накрепко, в Москве в осаде сидеть и с польскими и литовскими людьми битися». В ряды защитников Арбатских ворот встали и Лаврентий Возоулин с пасынком Антипом.

К середине сентября 1618 года польско-литовские войска обложили Москву почти со всех сторон, поджидая в помощь отряды казаков и черкасов из-за Порога во главе с гетманом Сагайдачным. И действительно, его отряды вскоре пришли и встали особым лагерем под селом Хорошевым. В ночь с 30-го сентября на 1-е октября после часового обстрела Москвы из полевых орудий поляки ринулись в бой, пытаясь с ходу прорваться в город через Арбатские и Тверские ворота. Но защитники выстояли и дружно ударили навстречу, разметав польские обозы и захватив множество неприятельских пушек и иные «приступные умыслы и знамена». Вылетевшая из города русская конница завершила разгром поляков. Она рубила их на протяжении многих верст. Бесславно закончилась для захватчиков эта оказавшаяся решающей битва под Москвой. Но многих не досчитались и защитники. Жена Лаврентия, Марьюшка, как и

многие москвички пришедшая к крепостным воротам для помощи раненым с прокипяченными льняными тряпицами и корпией *, была насмерть сражена пробившим стену неприятельским ядром. Горе было велико, и Лаврентий с приемным сыном нашел забвение лишь в каждодневной спешной работе: на месте битвы в селе Рубцове тогда же начали в память славной победы возводить каменный храм. Лаврентий же строил его и в честь своей Марьюшки-жены. И она была защитницей стольного града!

Съехав из Москвы в Нижний Новгород, Лаврентий Возоулин не спешил возвращаться назад. Там его ждали одни горестные воспоминания. Днем Лаврентий Семенович и Антип следили за доставкой из Балахны на последних осенних лодьях кирпича, наблюдали за тем, как складывали его под навесы. Теперь у зодчих оставалось много свободного времени, особенно вечерами. Сидя у светца с лучиной, Лаврентий мастерил по часту глиняных смешных человечков: монаха-попрошайку с коробом за плечами, горшечника у гончарного круга, калачницу со снедью на лотке, бабу с барашком на вервице. Антип наладил окунать их в известковый раствор и затем по белому расписывать взятыми у соседа-иконописца водяными красками. По пятницам Антип выносил их для продажи в ряды. Изделия стоили грош, зато сколько любителей диковинного собиралось возле!

Сколько шуток порождали глиняные забавы у взрослых! А дети ходили за Антипом гурьбой вплоть до самого вечера, когда нераспроданные за день свистульки и игрушки он начинал раздавать детворе за так, чтоб только не нести их домой. А на следующей неделе у него были готовы другие диковинки. Так Антип прославился на нижегородском торгу как мастер-игрушечник. Свистульки лепил Антип и сам, при этом старался закладывать вовнутрь то глиняный шарик, то горошину, то сухую былинку, чтоб лягушка квакала, корова — мычала, и залихватски звенела птаха-соловей.

Первый обильный снег выпал уже на промерзшую землю. Он так и остался в зиму. Трудовой год кончился, и посад отметил его шумными декабрьско-январскими празднествами. Храмы пустовали. Перед Рождеством, в ночь на 25-е декабря, в слободах Нижнего Новгорода на улицы высыпали ряженые с песнями и музыкой, с «радостью бесов-

скою», как клеймили их приходские попы, грозя смертными карами нечестивцам. Но слушников было столь много, что церковники не знали, что и делать. Одно оставалось — писать доносы на весь Нижегородский посад в патриарший суд.

Особенно на нижегородцев негодовал игумен кремлевского женского Воскресенского монастыря Иван Неронов, «ревнитель благочестия», как он себя величал. Многократно пытался он сгонять в свой храм длинным черным посохом прихожан, да, кроме двух-трех десятков старух-калик *, не испугал небесными карами никого. Наслушавшись слов неистового попа Ивана о геенне огненной *, старухи сыпали на головы нижегородцев проклятия и даже принимались ударами клюк усмирять нечестивцев. Но куда там! Клюки летели в сугроб, а ряженые подхватывали старух на руки и кружили в вихре общего веселия, так что, едва вырвавшись из расторопных «бесовских» рук, юродивые раздражались такой отборной бранью, что, неожиданно «оскоромившись», накладывали на себя епитимию * в пятьдесят, а то и в сто ежедневных поклонов пред богородицей.

Ряженые кто медведем, кто диким козлом или ведьмаком с длинным хвостом красовались вывернутыми наизнанку шубами и раскрашенными личинами. Впереди несли на шесте кобылку, расцвеченную шелковыми лентами и колокольцами. Пели коляды * и шуточные песни.

* Корпия — растеребленная, прокипяченная ветошь, применявшаяся для перевязки ран и язв.

* Калика — нищий-странник.

* Геенна огненная — ад, где, по представлению древних, грешники подвергались жестоким наказаниям.

* Епитимия — церковное индивидуальное наказание.

* Коляда — обрядовая языческая песня, исполнявшаяся на рождественские январские праздники под окнами домов с пожеланием богатства и здоровья хозяевам.

Антип тоже участвовал в этих шествиях вместе с каменщиками. Ходили они по домам богатых, величая хозяев в здравницах князьями да боярами. Это льстило самолюбию купцов-промышленников, и они на блюдах выносили ряженым то медовые калачи, то пряники, то кус око-рока, а то и жбан браги или пива. Так было по всей России. Чем хуже древний Нижний Новгород?

Игрищами встретили нижегородцы и Богоявление. Вновь пустовали приходские храмы. Такого позора не могли вынести на сей раз попы. Собравшись в кремлевской келье Ивана Неронова, они долго сочиняли челобитье-жалобу патриарху Филарету Никитичу на неподдающихся уговорам посадских, услаждающих себя разгульным весельем, когда следовало бы, по правилам святых отцов, слезы лить и каяться в смертных грехах: «...вместо радости духовные творят затеи бесовския, многи-ми, государь, еллинскими играми дни сия провожают». Слезно молили уговорить грозным патриаршим словом непослушную своим духовным отцам паству*.

Как о том прознали посадские — не ведомо, только подловили трех возвращавшихся от попа Ивана кляузников: бить «святых» отцов не стали — все же грех, хотя и это не возбранялось, особенно если снять с них камилавки* — символ непорочного и святого жития, а одели попов в скоморошьи наряды с

бубенцами, напялили на лица личины* и, связав руки, потащили по улицам, а затем, подведя к воротам Воскресенского кремлевского монастыря, втокнули вовнутрь.

Вот наделали переполоху три лохматых черта в елейной тиши женской обители! До того как сумели они стянуть с себя шкуры, отменно досталось попам пинков и ударов. Долго стояли они, ошеломленные и избитые, посреди двора, словно рыбы на суше глотая широко разинутыми от негодования ртами морозный воздух. Сгоряча хотели было сыск на обидчиков учинить, да одумались. Прознают о том в Мсске — сана лишат, поймут, что не почитают их должно нижегородцы, да и слухи разные насмешливые пойдут — куда тогда глаза девать? Да и как найдешь обидчиков? Кто скажет-укажет!

* Па́ства — пасомые — прихожане, регулярно посещающие церковь.

* Ками́лавка — черная плоская шапочка, носимая монахами под клобуком. Фиолетовый цвет камилавки служил знаком отличия белого (приходского) духовенства.

* Ли́чина — зверовидная маска.

* Че́тверик — прямоугольное в плане основание храма или колокольни. Верх над ним обычно возводили уже с некоторым сокращением объема, восьмистенным (восьмериком или несколькими уменьшающимися восьмериками).

* Корча́ги-голосники. — Для улучшения акустики каменных храмов в их стены изнутри вделывались глиняные горшки-голосники с выводом в интерьер горловин.

Зима отстояла с метелями и лютыми морозами, а закончилась — как из века в век заведено — мартовской капелью. Когда подсохла горбина кремлевского холма после снегогона, продолжилось и строительство.

Для начала работ кирпич был заготовлен еще с осени, но как только вскрылась Волга и с шумом двинулась ледоходом, из Балахны прибыли новые лоды с грузом. На сей раз 86 000 кирпичей поставил на строительство Михайло-Архангельского собора один только балахонец Он-типко Васильев. Зодчие решили, что этим можно будет и кончать все дело.

Лаврентий Семенович, застудившись еще в первые дни работ на весеннем ветре-сквозняке, слег, мучаясь грудным кашлем и ломотой в суставах. Известная в городе лекарка-рудометчица Пелагеица дважды пускала ему дурную кровь-руду, поила отварами и растирала маслом в бане, но это плохо помогало. Антипу приходилось работать теперь за двоих. Он постоянно находился на строительных лесах, особенно когда замыкали четверик-основание и переходили к кладке восьмерика* и шатра. Нужны здесь были не только знания и опыт, но и особая сметка. В восьмерик и в основание шатра Антип указал заложить для прочности и надежности кованые обручи, над которыми потрудился-таки кузнец Герасимка: замыкать-сваривать их пришлось наверху, почти уложенными вовнутрь кладки.

Не меньше забот доставила и закладка в стены глиняных корчаг-голосников*, чтоб звонкими и ясными слышались слова, не отражаясь запоздалым эхом в открытом вовнутрь шатре. Бывало такое, что не учтут строители малого, и готовое здание хоть ломай: начнут петть-говорить службу, а сверху несется «бу-бу-бу» — не поймешь ни слова. Мука всем, да и только!

В Архангельском же соборе обошлось! Правда, пришлось-таки Антипу помучиться: не раз менял уровень голосников в кладке, но добился своего. Голоса звучали чисто и ясно — как никогда хорошо!

Работа спорилась, и Антип торопил каменщиков завершить летом кладку главки, чтоб еще под строительными лесами испытать прочность верха здания и просушить стены на вольготном летнем солнцепеке.

Дни сменялись днями, недели отступали и месяцы. Когда небо стало лить на землю холодные дожди, собор стоял хоть и под лесами, но заверченным. После осмотра работ государев дьяк Дементий Образцов спешно отписал в Москву: «...а зделано тово церковново каменново дела в нынешнем во 137-м году: стены и осмерика и шатра и шеи до маковицы 13 сажень с полусаженью. Да алтарные стены до кровли сажень и своды алтарные сведены, да колоколншние стены полтретьи сажени...»

Вышел из избы посмотреть на дело своих рук и Лаврентий, не утерпел, да и зря! Наглotalся

вновь холодного осеннего ветра, зашелся кашлем и утих только через неделю, на смертном одре. Отнесли его на погост Печерского монастыря, где хоронили избранных, даже записали для вечного поминовения в синодик-книгу. Сделалось это по указу архимандрита Рафаила и не без особого умысла — дальние виды строил чернец относительно молодого зодчего с его артелью каменщиков. Ждал лишь своего часа, когда закончится в кремле государево каменное дело.

Нижегородский Печерский монастырь славился своей древностью и богатством. Ходили упорно слухи, что именно в нем монах Лаврентий еще в XIV веке составил древнейшую русскую летопись, где, кроме «Повести временных лет», поместил и «Поучение Владимира Мономаха» — всем государям Руси в назидаение. Жил тогда же в Печерах и чернец-книжник Павел Высокий, сказы о мудрословии которого пережили века. Славы великой и признания достиг тогда Нижний Новгород. Если бы не страшные в своей жестокости нашествия ордынцев! Но что толку от славы прошлых веков, коль древние каменные монастырские здания погибли при обвале горы в 1597 году, а ныне стоит обитель деревянной, рубленой, почерневшей. Давно уж готовят в монастыре белый камень и известь, кирпич и железо для строительства нового, более подобающего его знатности и богатству собора. Только опытных мастеров нет и добыть их

негде! Вот и умыслил Рафаил прибрать для своих нужд государева подмастерья Антипа, потому и привязывал к себе посулами-подарками да сочувствием нежданному горю — смерти отчима. Сможет ли отказать после всего, что сделано для него, зодчий?

Но еще почти два года отделивали Михайло-Архангельский собор: опаивали главку белым немецким железом, а шатры крыли лемехом. Изнутри и снаружи просушенные стены белили известью, а иконописцы расцвечивали закомарные стенки, покрывали ниши фресковой живописью.

К середине июня 1631 года кремлевский Михайло-Архангельский собор был готов и после разборки строительных лесов перед нижегородцами предстал истинным чудом.

Окончание работ в кремле совпало с престольным праздником в Печерском монастыре. Посадский люд с утра хлынул на береговую террасу к обители. Люди заходили на обширные галереи-паперти шатрового рубленого собора, однако внутрь не спешили. За монастырской оградой уже звучали гусли и дудки, били бубны и барабаны. Скомоорохи выплясывали вокруг ручных медведей и твякающих лисиц, потешавших публику ужимками. Под яркоцветными с поднятыми пологам полотняными шатрами корчмари разливали вино.

Народное гуляние с шумными злословиями и «бесовскими»

потехами не соответствовало елейным поучениям церкви о бренности бытия и душному ладанному курению во храме, но монастырские власти смиренно сносили все это. За один-два дня от продажи наработанной трудниками * и бобылями — ремесленниками околмонастырской слободы — всякой всячины и наваренного впрок пива монастырские старцы получали столько денег, сколько не выручали они со всех своих нижегородских вотчин за год.

В толпе Антипа отыскал монастырский служка и прямо-таки потащил к праздничному застолу в казенную палату. Пир шел давно. Не раз менялись блюда на длинном столе и сулеи с пивом и вином, о чем красноречиво говорили раскрасневшиеся лица, сузившиеся глаза и ставшие почти бессмысленными речи гостей. Архимандрит, весь в черном, сидел на возвышенном месте, словно ворон, выбирая жертву из уже готовых, по его мнению, к разговору людей, — льстивыми словами и мелкими подарками умел он выманивать у подвыпивших купцов-предпринимателей богатые пожертвования и вклады, жалясь в ухо каждому о скудости и о всеконечной нужде обители.

Увидев Антипа, Рафаил приторно-слащаво улыбнулся, указал место возле себя, откуда по его знаку слуги тотчас выво-

локли за руки и ноги перепившего гостя. Перекрестив лоб, Антип выпил чашу заморского вина и низко поклонился архимандриту за почет-ласку.

— Пей-пей, мастер! — архимандрит говорил, пытаясь перекричать шум застолья. — Дело к тебе имеется, просьба нижайшая ото всей обители. Поди, заметил подцерковье будущего собора. Каменщики для того дела прибыли с Костромы. Наняли мы еще пятерых мастеров из Боровской заволжской слободы. Только что они вдесятером сделают? — Рафаил поправил на груди усыпанный яркоцветными камнями крест, оценивающе взглянул на Антипа. — Не поможешь ли ходатайством в Москве, чтоб дали тебя с артелью нам в помощь? Отец твой названный почитаем там был, да и ты известен. Помогли господа ради! А за то милостью своею и платой великою отблагодарим.

Антип неуверенно принял вторую, наполненную по знаку архимандрита чашу, с сомнением покачал головой.

— Государев я человек. Как скажут в приказе Каменных дел, так тому и быть. Готов помочь вам, но послушают ли в Москве?

Так ни о чем они и не договорились. А вернувшись из Печер под утро, Антип встретил у ворот хором воеводского посыльного с грамоткой: по государеву указу ему приказывалось спешно ехать в Вязьму строить каменную порубежную с Польшей крепость.

* Монастырский трудник — вольнонаемный работный или слуга-белец при монахе.

Следующим утром Антип был уже в пути. Обгоняя его, в Патриарший приказ из Нижнего Новгорода спешил с челобитьем гонец:

«Царю Государю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Руси и великому Государю святейшему патриарху Филарету Никитичу московскому и всеа Руси быют челом Нижнева Нова города ваши государевы богомольцы: Печерского монастыря архимандрит Рафайло с братьею. По вашему государеву указу велено нам в Печерском монастыре каменную церковь строити во имя Вознесения Христова и мы, богомольцы ваши государевы, церковные запасы пасли: камень и кирпич и известь, а подмастерья, государи, и каменщиков, кому то церковное дело делать, в монастыре нет, делать некому.

А по вашему государеву указу в Нижнем Нове городе соборная каменная церковь Архангела Михаила отделана совсем, а тое соборную церковь делали ваши государские подмастерья Лаврентий Возоулин да пасынок ево Онтипа, да с ними у того церковного дела было сорок человек каменщиков нижегородцов, и то церковное каменное дело совсем отделано. Пожалуйте нас, государи, велите в Печерский монастырь дати подмастерья Онтипу, Лаврентьева пасынка Возоулина, да нижегородских и балахонских каменщиков и кирпичников, да известь и камень и лес подвязной и всяких железных

снастей, что осталось у соборные церкви...»

Понадеялся Рафайл на свои старые дружеские связи с патриаршим двором, но государственные интересы были выше, и на грамотке-челобитье из Печер в Москве была сделана помета:

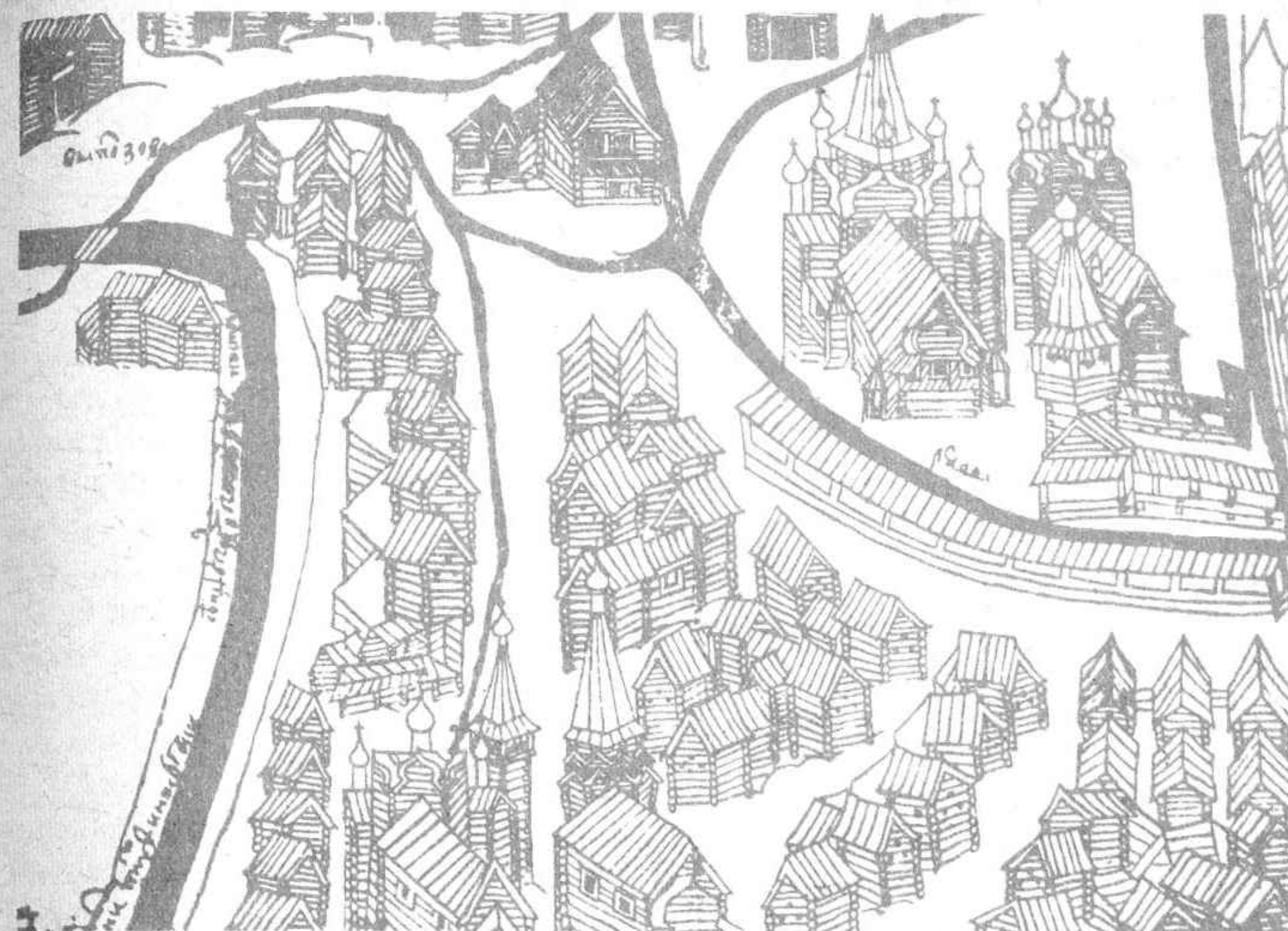
«По государеву указу нынешнево лета будут многие каменные дела и святейший патриарх пожаловал велел: потребы каменные сделать, а церквей не делать, покаместа в Вязьме от городского каменного дела каменщик отделяетца...»

Вязьма жила тревогами военного лагеря. Воевода Роман Петрович Пожарский, внук прославленного полководца, и Иван Степанович Чернуха-Колтовский встретили прибывших нижегородцев как подмогу, с радостью. Сразу же роздали каждому по рогатине — на случай воинского приступа. Гарнизон вместе с воротниками *, пищальниками, пушкарями, кузнецами и плотниками был более тысячи человек, а посадских среди них

* Ворóтник — страж городских крепостных ворот.

* Дётинец — кремль — защищенный крепостной стеной административно-духовный центр города.

* Башня-раскат — деревянно-земляное крепостное сооружение перед городскими воротами, предназначенное для размещения наиболее громоздких и мощных пушек.

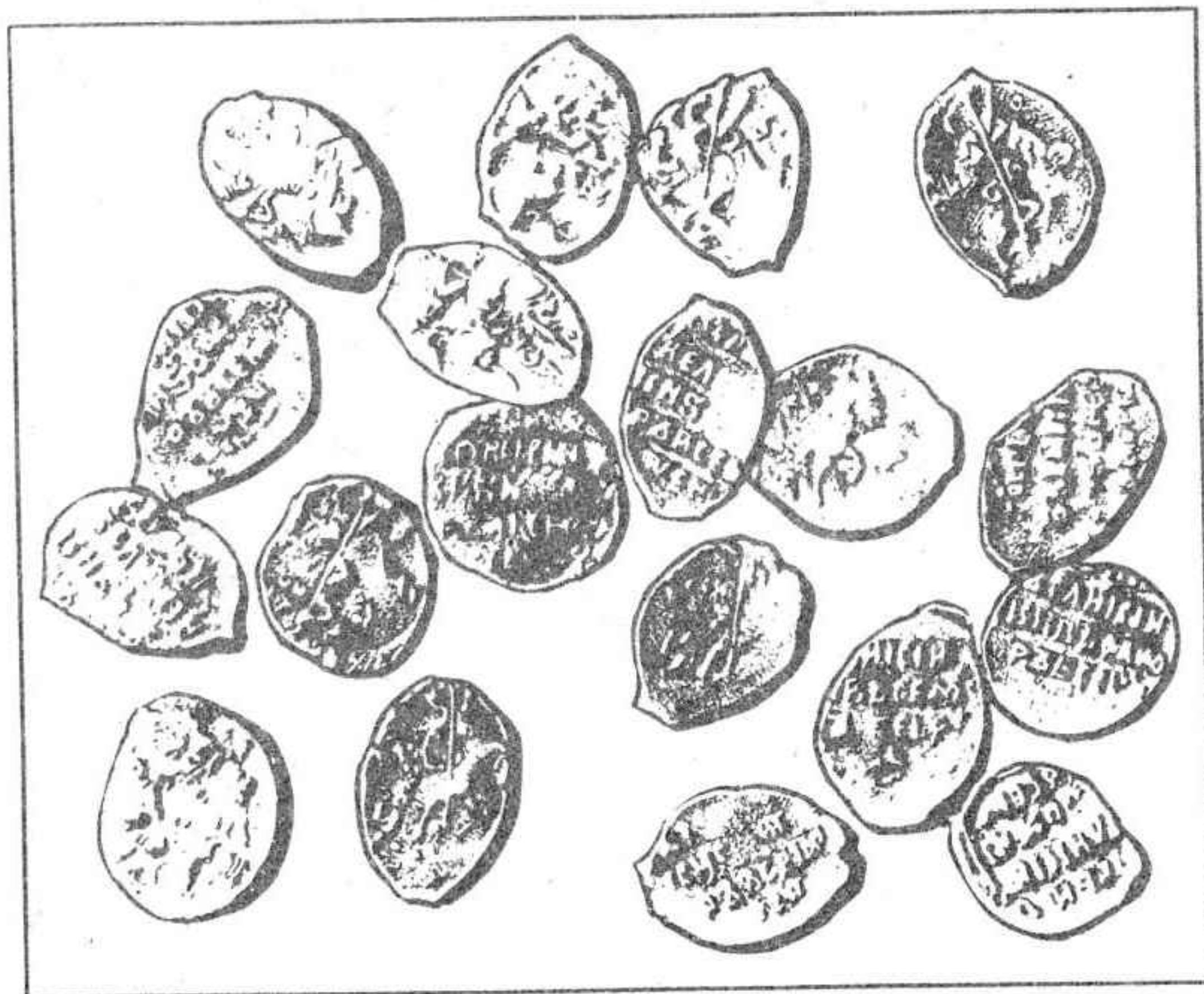
Застройка русского посада. XVII в.

насчитывалось не более сотни. Поэтому в защите города от поляков, стоявших лагерем в какой-то полусотне верст, участвовали все без исключения.

Вязьма получила свое название по одноименной речке, что, извиваясь, текла прямо через центр города. Возвышавшийся над долиной холм в речной луке занимал деревянный детинец * с четырьмя дубовыми крепостными башнями, собором, женским монастырем и двумя приходскими храмами. Разбросанные по долине и на взгорьях дворы посадских и гарнизонных стрельцов очерчивали глубокие рвы и высокие насыпи валов

с еще шестью деревянными башнями-раскатами *. Их и требовалось в год-два отстроить каменными, толстостенными, с узкими бойницами-амбразурами для пищалей, чтоб стали они со временем надежной защитой государева города-крепости и всего Русского государства на польском порубежье.

Указ о строительстве в Вязьме каменной крепости был дан давно. Только проходили годы, а без опытных каменщиков дело с места не двигалось. Не спешил начинать работы и присланный сюда городского дела мастер немчин Иван Талер. В преддверии надвигавшихся на западном

Русские серебряные деньги. XVII в.

порубежье грозных событий русское правительство изгнало из Вязьмы лжеградодельца Талера и назначило на его место из простых каменщиков подмастерья Петра Галактионова. На подмогу ему и вызвали около сотни каменщиков из Балахны, Нижнего Новгорода, Вятки и даже из далекого северного Белозерска.

Первой начали возводить угловую Тайницкую башню Большого острога со стороны древней Смоленской дороги. Антип Константинов со своими нижегородскими мастерами взялся возвести ее прямо над Вязьмой-рекой. Ранее тут над береговым обрывом стоял дубовый обруб-стена с цепями и решеткой, перегораживавшей реку, но к 1631 году она от давности

сгнила и, почитай, совсем разрушилась.

Антип предложил возвести круглую башню более чем 10 сажень в диаметре, спрятав внутри нее тайник-ход к воде. Глубоко посаженные на белокаменные фундаменты стены башни получили с приступной стороны толщину более шести метров. Узкие амбразуры боевых печур с раструбами бойниц делали ее грозной и неприступной для врагов. Нижний ярус боя башни перекрывался огромным сводом, а под ним вниз уходили белокаменные ступени хода к роднику, бурной струей бившему глубоко под землей. На случай осады воды должно было хватить не только для питья, но и для тушения пожаров.

На верхнем ярусе боя только

что отстроенной Тайницкой башни поставили медную пушку с сотней ядер по две с половиной гривенки * каждое, да две затинных пищали, сразу же определив к ним и пушкаря Родку Яковлева. Три пушки подняли на канатах на второй ярус, а самую громоздкую пищаль-волконю * с полусотней шестигривенных каменных ядер закатили на площадку нижнего боя, поручив ее надзору защитника Левки Тимофеева. Башня ошетилилась в сторону ополя, откуда можно было ждать неприятеля, жерлами пушек, и вязьмичи вздохнули спокойней.

Заезжие каменщики строили одновременно еще четыре башни-стрельницы Большого острога, в том числе и воротную со стороны Московской дороги. Последние Пречистенские Смоленские ворота взялся возвести со своей артелью Антип.

Рвы под фундаменты квадратной башни выкопали поздней осенью 1631 года, до холодов успели забутить основание камнем-дикарем *, залив его по совету Антипа не известью, а жид-

* Гривенка — 409,5 г.

* Пищаль-волконя — медная литая пушка в станке на колесах, нередко с приваренной к стволу фигуркой зверя.

* Бутить рвы — укладывать в основание зданий белый камень с пролитием его для прочности густой, хорошо гашеной известью.

* Тегилый — стеганная на толстой вате верхняя одежда русского рядового воина, защищавшая его от сабельного удара и стрел.

кой глиной, чтоб не подмачивала и не разрушала уложенные на них тесаные белокаменные квадраты вода. Строительство же стен отложили до будущего лета.

А вокруг Вязьмы было неспокойно. Уже трижды за осень горизонт охватывали зарницы пожаров. Прибежавшие в город уездные люди рассказывали о собравшихся в Дорогобуже и под защитой каменных стен Троицкого-Болдина монастыря поляках, которые нападали на пограничные русские села, грабили их и уводили крестьян с семьями в плен для продажи в рабство в Турцию. Было решено в ответ на это двинуть тайно на Дорогобуж один из отрядов стрельцов с охочими людьми. В поход напросился и Антип. Ему едва исполнилось двадцать пять лет, и сила удалая искала выхода.

Пока шли каменные работы, начинавшиеся с первыми проблесками утренней зари и кончавшиеся в темноте, было не до потех. Возвращался Антип в рубленную для каменщиков избу смертельно усталым, и только забывался тревожным сном, как приходилось уже вставать. Когда же работы из-за холодов окончились, стало скучно. Старое любимое занятие — лепка из глины свистулек — здесь, в военном лагере, оказалось никчемным и смешным. Вот и потянуло Антипа в боевой поход.

Как и всем охочим, ему выдали железный шлем-шишак, стеганный на вате защитный тегилый-панцирь * с нашитыми на

груди стальными пластинами, кривую крымскую саблю и рога-тину на длинном ратовище. Во-оружение было не ахти какое, но удобное и для засад, и для конной и пешей битвы.

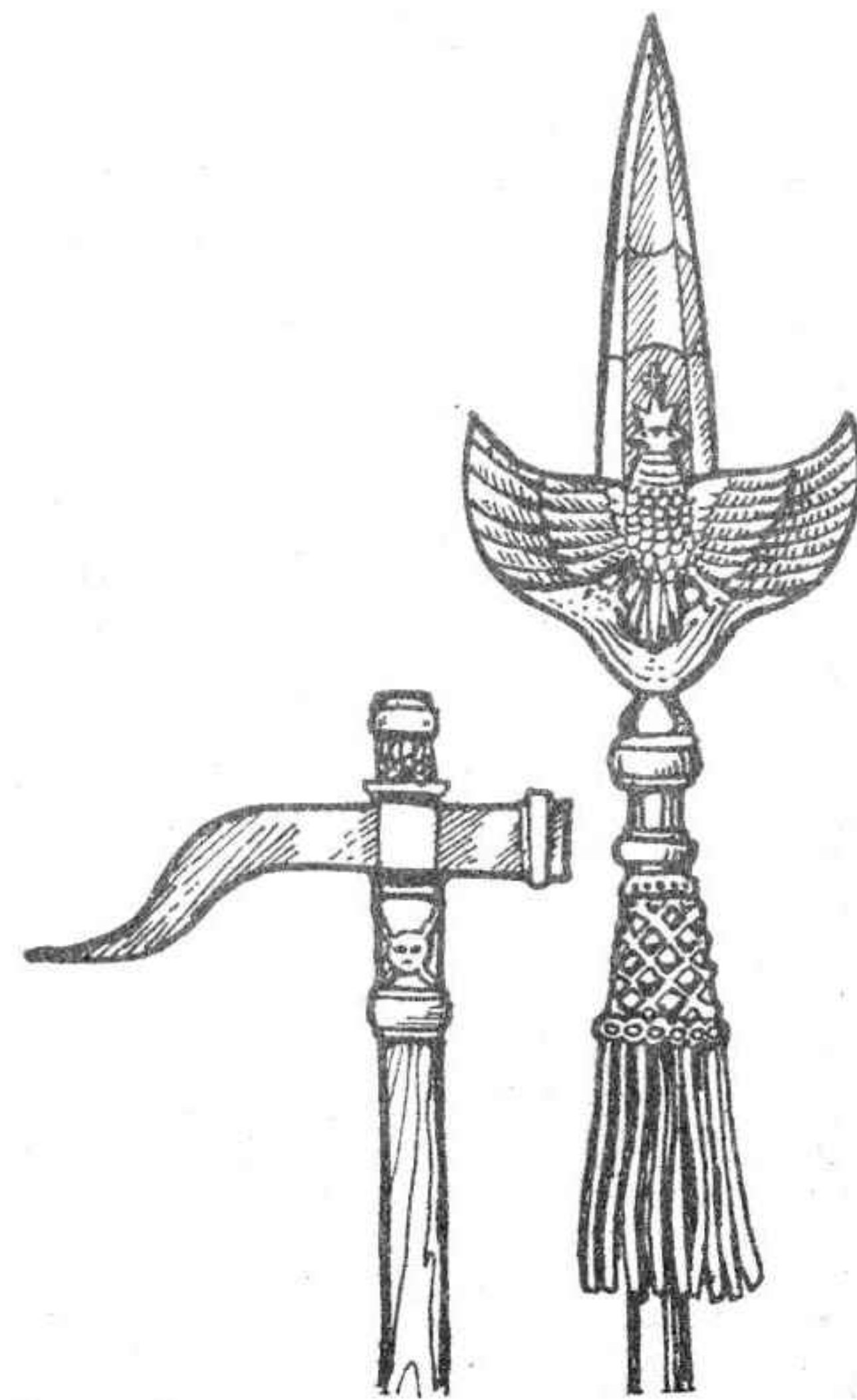
Конный отряд возглавил вое-вода Роман Пожарский, который и повел его сначала в сторону Москвы, а уж ночью, отойдя верст шесть, повернул вспять, обходя Вязьму стороной на по-лувыжженное село Семлево. По-всюду шныряли польские лазут-чики.

Дневали уже в тридцати верстах от города, на берегу по-граничной речки Песоченки, в лесной заросли, без костров, для тепла сбившись в кучу на настилы елового лапника, при-крывшись сверху конскими по-понами. День прошел спокойно. Правда, на становище отряда вышел лесоруб-русич, но и его уложили на всякий случай до но-чи возле воинов, пообещав от-пустить тотчас после переправы через речку на польскую сто-рону.

Лесоруб оказался весьма полезным, когда стали искать через Песоченку брод. Он же указал и путь на древний курган-насыпь, а затем на пустошь Сапегину, где можно было до-быть проводника уже до Доро-гобужа. В заимке Сапегинной действительно оказались два лесовика-литовца, отец с сыном, которые сначала прикинулись непонимающими, но когда за-блестели клинки сабель, согла-сились вести отряд лесными тро-пами прямо к занятой поляками

Воин в тегиле. XVI в.

Протазан. Клевец. XVI в.

крепости в обход Болдина мо-настыря, где, по их словам, собрался большой отряд литов-цев.

На Рославль пробивались по лесам. Земля, схваченная за-морозком, гулко звенела под ко-пытами сотен лошадей. Никогда не замерзающие болота чавкали газом по сторонам, готовые на-вечно поглотить неосторожного путника. Так что нередко при-ходилось спешиваться и вести лошадей в поводу. Известная только лесовикам тропа вывела их к Рославлю ночью, но в горо-док решили не заходить, а ноче-вать, выставив дозоры, в лесу. С рассветом двинулись дальше. Тянулись цепочкой весь день по глухомани, трижды переправ-лялись через лесные протоки. На берег же Днепра наткнулись как-то вдруг, неожиданно, почти у самого Дорогобужского горо-дища.

Над долиной с разбросанны-ми повсюду группами жилых строений господствовала Замко-вая гора, ошетинившаяся высо-ким частоколом с пятью башня-ми. Через глубокий крепостной ров был переброшен к воротной южной башне рубленый, подни-мавшийся на холм деревянным

настилом мост на режах *. Над дубовым частоколом высился многоярусный донжон * и шпиль костела. Вечерняя мгла обвола-кивала крепость. Блеклые точки огоньков в домах гасли один за другим, погружая долину в сплошную черноту. Какие-то звуки раздавались только со стороны Замковой горы. Поля-ки явно не ожидали нападения.

Решили штурмовать кре-пость сразу же, не отдыхая, на-деясь на неожиданность. Вперед ушли несколько воинов-развед-чиков. В их число напросился и Антип. На случай, если б уда-лось подойти к стенам крепости, прихватили три бочонка с поро-хом.

Разведчики не только свобод-но подошли к воротной башне, но при желании могли даже заглянуть вовнутрь: калитка оказалась открытой, а стражник, опираясь на протазан *, мирно посапывал под навесом.

Заложив на всякий случай под воротную башню заряд, раз-ведчики скатились под мост и прикрылись сверху белой, спе-циально взятой для этого случая холстиной. К отряду же послали гонца, сказать, чтоб выступали немедленно, пока в крепости не почуяли неладное или слу-чайно не затворили ворота.

Отряд Романа Пожарского уже втянулся на дорогу, надеясь с ходу проскочить мост и на ры-сях влететь в крепость, когда из леса показалась карета с эскор-том из четырех уланов. Бледный свет звезд лишь очерчивал при-ближающиеся тени. В темноте

* Режь — рубленая из бревен и запол-ненная землей и камнем клетка-опора моста.

* Донжон — высокая башня в центре средневековой крепости.

* Протазан — тип холодного, колющего оружия на древке-ратовище в виде плос-кого, фигурно обработанного широкого лезвия.

улань приняла русских всадников за встречающих, и карета не останавливаясь врезалась в ряды отряда. Роковая ошибка была тотчас понята, однако было поздно. Улань лежали на земле с заткнутыми ртами, а из кареты выволокли двух вельмож, от страха стучавших зубами. Один из них опрометчиво схватился было за поясной пистолет, но резкий удар плетью тотчас охладил его пыл.

Вести допрос на дороге Роман Пожарский не стал, а приказал затолкать повязанных пленников обратно в карету, и та покатила в сторону замка с уже более многочисленным сопровождением. Стражник у ворот, узнав карету издали, широко распахнул створы, и русский отряд на полном скаку влетел во двор замка. Стражи ворот не успели ничего понять, как тоже оказались связанными и с заткнутыми ртами. Вязьмичи стремительно ринулись по всем всходам на крепостные башни и в донжон. Кое-где прогремели запоздалые выстрелы, вспыхнули сабельные быстротечные схватки, но все обошлось как никогда блестяще. Через полчаса в главный зал замка согнали всех пленников. Их оказалось более двух сотен. Впереди в длиннополой шубе с горностаевой оторочкой стоял князь Стась Сопотцкий. Рядом с ним воевода замка рыцарь Ян Радзивилл. Было решено свести пленников в глубокие винные погреба, ночевать в замке, а утром следующего дня уходить с

богатой добычей прежней дорогой домой. Все складывалось на редкость удачно.

В воротах на всякий случай выставили в одежде поляков дозор. Он пускал в цитадель всех. Но таких оказалось за последующий день не более тридцати человек — в основном крестьян, привозивших в Дорогобужский замок провиант. Из замка же не вышел никто. Заряд, заложенный Антипом, пригодился. Когда отряд Пожарского следующим утром покидал замок, над ним уже поднимались языки пламени, а спустя некоторое время прозвучало несколько глухих взрывов — это взлетели на воздух пороховые погреба и воротная башня. Польская крепость на глазах превратилась в руины.

Хоть и оказался захват замка молниеносным, но в этом коротком бою Антип получил удар саблей по левому плечу. Рана была неглубокой. Спас зодчего стеганый тегилай, однако рука опухла и не двигалась. Сердце тяжело билось в груди, так что Антип едва держался в седле при выезде из Дорогобужа. От боли чернело в глазах. Он почти терял сознание.

На следующее утро, после ночлега у костра, Антип при пробуждении вообще не поднялся. С трудом приоткрыв глаза, он смог лишь мутным взором обвести сотоварищей. Воевода Пожарский приказал уложить раненого на телегу, сбросив наземь добытое с бою добро, и закутать его в захваченные

в Дорогобужском замке меха, чтоб он не замерз в пути.

По возвращении в Вязьму гарнизонный лекарь-рудомет стал ежедневно натирать Антипе плечо и руку гусиным салом и накладывать повязки с каким-то резко пахучим маслом. Через неделю-две исхудавший до неузнаваемости Антип смог выходить на свежий воздух.

Весна 1632 года выдалась затяжной, дождливой. На уже подсохшую было землю дважды ложился мокрый снег, поэтому строительные работы возобновились в Вязьме лишь в конце мая. Рана зодчего затянулась, но перед дождем стала ныть тупой болью рука.

На строительстве Пречистенских проезжих ворот с Антипом по-прежнему работали балахонские и нижегородские каменщики. Двадцатидвухметровой ширины прямоугольная башня выступала прямо в ров. Каменщики по указу Антипа клали ряд за рядом с лица и с внутренней стороны ее кирпич, а в промежутки забивали камень-дикарь, все проливая хорошо гашеной известью, так что стены становились монолитом, надежным щитом для будущих пушкарей-затинщиков.

Шестиметровой толщины стены поднимались медленно, но неуклонно, и башня начинала во всем напоминать Ивановскую башню Нижегородского кремля, которую и повторил в далекой Вязьме Антип.

— Зачем такая толщина? Ядра и так не порушат стену,—

удивлялись защитники крепости.

Но Антип пояснил:

— В ближнем бою всякое случиться может. Начнут поляки враз из двух-трех пищалей долбить стену — через день от башни лишь груда щебня останется. Мы ж хитрость придумали. Передняя стенка кирпичная тонка. Сразу пробьет ее ядро, но далее камень-дикарь уложен. Потеряет свою убойную силу на излете ядро, не сможет разрушить камень. А ежели и разобьет случаем — увязнет в пролитом известью бугре. Так что «слоеным пирогом» башню кладем, чтоб без страха и опасений в ней любого врага встретить было можно.

Лето минуло в тяжких и спешных трудах. К концу августа башня с площадкой для стражи под высокой шатровой кровлей была завершена. От сводчатого проезда на заполье через глубокий ров был переброшен окованный железом подъемный мост, который к ночи подтягивался цепями и закрывал накрепко зев башни. Со второго, также перекрытого сводом, яруса в прорези пола могли сбрасываться в случае приступа кованные из толстых железных полос решетки-герсы, враз перекрывавшие весь проезд на ловушки, из которых не оставалось выхода. Защитники же крепости через прорези могли безнаказанно расстреливать мечущихся в замкнутом пространстве врагов, если те не желали сдаваться на милость победителя.

Каменная башня оказалась

прямо вкопанной в насыпь вала и высилась грозной, неприступной твердыней, способной навести страх и ужас на каждого, посягнувшего захватить ее штурмом.

К исходу 1632 года были вчерне завершены и все другие башни Большого острога Вязьмы: две Духовских Калужских, две Тайницких и две же Смоленских. Особой нужды в заезжих каменщиках в Вязьме более не было: отделочные работы на следующий год могли завершить и стрельцы гарнизона. Поэтому Антип готовился к отъезду, только не знал — куда ехать? — то ли в Москву, где у него не осталось никого из родных, то ли в Нижний Новгород, куда настойчиво манил посулами в грамотках печерский архимандрит Рафаил. Звали его с собой и нижегородцы-артельщики, с которыми Антип сдружился за последние четыре года. Но решение пришло неожиданно со стороны. На сообщение из Вязьмы о завершении каменных башен из Пушкарского приказа поступило предписание: городских записных каменщиков не мешкая распустить по домам, а Антипа с несколькими мастерами выслать на подводах с охраной в стольный град. В Москве после недавнего случившегося пожара развертывались многие государственные каменные работы, требовались опытные зодчие-мастера.

Они въехали в Москву через Чертольские ворота Скородома.

Мощная рубленая трехшатровая башня с двумя проездами высилась громадой над переброшенным через ров мостом. Слева поднимали свои шатры-кровли Арбатские ворота и промежуточные глухие башни, ошетинившиеся в сторону околоградия стволами пищалей и пушек. Тревоги войны еще не миновали. Польша продолжала грозить близкой бедой.

По сторонам проезда, опираясь на бердыши, стояли скучающие стрельцы-воротники, ленивыми взглядами провожая уходящие из города и, наоборот, прибывающие сюда обозы, которые досматривались проворными таможенниками. Снег валил уже несколько дней подряд, и все вокруг было бело и чисто. Свежий морозный воздух вдыхался легко. Но при въезде на улицы города к нему примешивался дразнящий запах жареных пирогов и кваса, продаваемых повсюду крикливыми разносчиками. Размеренная жизнь пограничной Вязьмы показалась Антипу застойной по сравнению с гомоном и многолюдством улиц столицы.

Гулко пересчитав кованными колесами лежни кое-где выбитых мостовых Чертольской улицы, повозка въехала на широкую площадь перед каменными воротами Белого города. Справа в отдалении высилась семиверхая Симеоновская башня. Антип не был в Москве несколько лет. Взглядом повзрослевшего человека он сразу отметил особую роль шатров, поднимавшихся

На улицах Москвы. С рис. А. Олеария. 1636—1639 гг.

повсюду: над рублеными и каменными крепостными башнями, над храмами и колокольнями, над повалушами и жилыми палатами зажиточных москвичей. Шатры создавали самые неожиданные, причудливые виды застройки города. Вообще столица поразила Антипа гулом строительной площадки. Всюду стучали топоры и молоты — строились новые хоромы и ограды, приходские храмы и монастыри. Тысячные толпы роились на перекрестках улиц у крытых лавок, шалашей и амбаров, здесь шумно смеялись, бранились, гомонили. Повсюду сгружались и нагружались подводы; в рогожах, мехах, в плетеных и лыко-

вых коробьях разносились товары. Все двигалось и куда-то бежало... Эта суeta суeta вконец оглушила приехавших.

На постой Антипа взял в свою семью старый сотоварищ отца, тоже каменщик, Баженка Огурцов, что жил на Неглинной, близ государева Пушечного литейного двора. Приняли Антипа по-доброму, хлебом-солью и приветливым словом. Уже в первый вечер вспомнили про отца-мать.

— Мужчиной вернулся ты в родной город. Как величать тебя, только не ведаю, — заговорил за ужином Баженка, — по отчиму Возоулиным аль по отцу родному Константиновым

сыном? Знатным мастером почитался Лаврентий Возоулин. Мальцом — несмышленишем вскормил-согрел тебя, дело в руки дал. А все ж не след забывать родного отца! Как сам-то мыслишь?

Смутился Антип. Не знал, что и ответить. Был бы отчим жив, все решилось бы просто. Но его нет давно, и как быть?

— Нарекусь званием родного отца, — заговорил Антип. — Испокон веку заведено так средь добрых людей, чтоб кровь родную продолжать.

— Добро! Так и величать тебя станем средь мастеров: Константиновым сыном, — улыбнулся Баженка Огурцов.

С переездом в Москву для Антипа началась новая жизнь. На первых порах, еще зимой, ему поручили поновить вдруг задымившие очаги поварни кремлевского Кормового двора. Хитрость была в том, что печи располагались в подклете, а гончарные трубы-дымоходы проходили под полом верхнего этажа, обогревая сразу несколько жилых горниц. Но где-то лопнули трубы, и их засыпало обломками кирпича. Не знали, куда и деваться от угара целовальники Кормового двора, а покидать жилье не смели: обозы-то с хлебом, маслом и полотнями * мяса на обиход царского дворца прибывали каждодневно. Требовалось их тотчас принять и оприходовать в особые книги, выдав копиями отписи приказчикам государевых черных волостей для зачета. Другие же кремлев-

Горожане. XVII в.

ские каменные и рубленые палаты были и так утеснены.

— Куда там освобождать от деловых людей десять горниц? — запричитали в Каменном приказе. Пришлось Антипе с четырьмя кремлевскими печниками идти на хитрость. Вскрывать полы они не стали, а лишь приподнимали тесницы и простукивали дымовые каналы, пока в ответ не услышали вместо звонкого эха приглушенный стук.

Тогда разобрали верхние кирпичи и действительно натолкнулись на завал и полузасыпанную, раздавленную гончарную трубу. Но было ли это место единственным? И вновь Антип прибег к хитрости — выпросил в Оружейной палате двоих куз-

* Полоть мяса — полтуши.

нечные меха и приказал помощникам продувать каналы. Мощный ток воздуха выгнал из топок тучи копоти и гари, покрывшей толстым слоем пол и стены поварни, зато после этого пламя заженной лучины сразу наклонилось к топке, горело быстро и ровно. Так неделей Антип сделал то, на что обычно уходил месяц.

Дьяк Кормового двора тотчас донес об этом лично Михаилу Федоровичу и бил челом о выдаче Антипу за усердие и сметку награды. Спустя два дня Антипа вызвали в Каменный приказ и при всех сотоварищах-каменщиках выдали восемь гривен серебром и пять аршин аглицкого сукна как государеву награду за хитрознатство.

Еще во дворе не стаял снег, а в Алексеевском монастыре, стоявшем на берегу Москвы-реки, недалеко от Боровицких ворот Кремля, за Неглинной, начались приготовления к каменным работам. Шел четвертый годик царевичу Алексею, названному так в честь достославного в людской памяти Алексея Митрополита, воспитателя победителя татар на поле Куликовом Дмитрия Донского, а данный когда-то государем обет все еще не был исполнен.

Весной 1633 года царевич Алексей где-то застудился. Много дней метался он в жару. Подолгу не отходил от сына-надежды царь-отец, вновь и вновь повторял духовному отцу-наставнику царевича, игумену Алексеевского монастыря Ни-

фонту, что, если сын поднимется с одра здрав, выстроит в его обители в память избавления от недугов предивный храм. И все бил и бил поклоны святому Алексею.

Царевич выздоровел, и вот теперь Михаил Федорович призывал к себе Антипа для беседы.

— Дал обет-зарок выстроить в Алексеевском монастыре храм дивный. Радость в семье царской, жив-здоров наш царевич-сын. Вот и вырази наш восторг-радость в храме, каменщик! Можешь ли? Знаю, молод. Где тебе понять отцовское чувство? Но советом помогу. Сказывают, есть в Углич-граде Дивный храм. Знать, есть отчего величать его так! Езжай, посмотри, а делай как душа и мастерство подскажут. Только порадуя отцовское сердце, исполни достойно царский обет!

Днями, с последним санным обозом зодчий выехал в сторону Ростова Великого, а от него — на Борисоглебск, Улейму и Углич. Было чему дивиться в древней удельной столице Антипу, несмотря на повсюду видимые следы разрушений. Не забывались в народе сказы-предания о разыгравшейся здесь когда-то трагедии сначала с князем Андреем Большим, построившим в кремле-граде великолепный дворец, а затем и с царевичем Дмитрием, отозвавшейся бедствием для всей русской земли от самозванцев.

Пронесшиеся над древними зданиями дворца века оставили следы разрушений и забвения.

Жилые, стоявшие вдоль волжского берега палаты челяди удельного князя Андрея со времен польско-литовской интервенции сохранялись в руинах, без кровель и с пустующими глазницами окон. Лишь наспех поновленный белокаменный Спасский собор на высоком подцерковье все так же гордо поднимал шлемовидную главу на большом световом барабане, окруженном двумя рядами кокошников. Широкий узорчатый пояс изразцов и балясин в полувысоте стен как бы перебежал на тронную, крытую на восемь скатов палату, стены ее сверху устилал ковер из лент-поясов поребриков, бегунцов и кубоватых балясин в ширинках.

Дворцом убиенного царевича Дмитрия называли его угличане, но вспоминали и живших здесь ранее опальных князей. Собор, прибрежные корпуса челяди и тронная палата соединялись крытыми галереями-переходами на аркаде, кое-где сохранявшими муравленные изразцовые вставки и сложные узоры из наборов белокаменных резных звезд.

Но истинный восторг охватил Антипа в Алексеевском монастыре, куда проводил зодчего сам угличский воевода, получив на то грамотку-наказ от государя Михаила Федоровича. Монастырь располагался почти на окраине города, близ посадского острога, на выезде к Ярославлю. Повсюду лежали пустыри — следы разгрома города польско-литовскими интервентами, уни-

чтожавшими здесь улицу за улицей.

— Запустел с тех пор городто, — печаловался воевода, — едва ли три сотни жилых дворов ныне в Угличе насчитаешь? Разве это город? Лишь монастыри ожили и то патриаршей добротой пробавляются.

На фоне разрухи Антипа особо поразили отбеленные, поднятые в небо гордо и независимо шатры Успенской церкви. Мощный центральный шатер по сторонам поддерживали два меньших, передавая ему как бы движение вверх, к большой, обложенной рядами желтой и зеленой черепицы главке. Стрельчатые кокошники в подножии шатров и более измельченные арочки аркатуры * абсид лишь подчеркивали этот порыв ввысь.

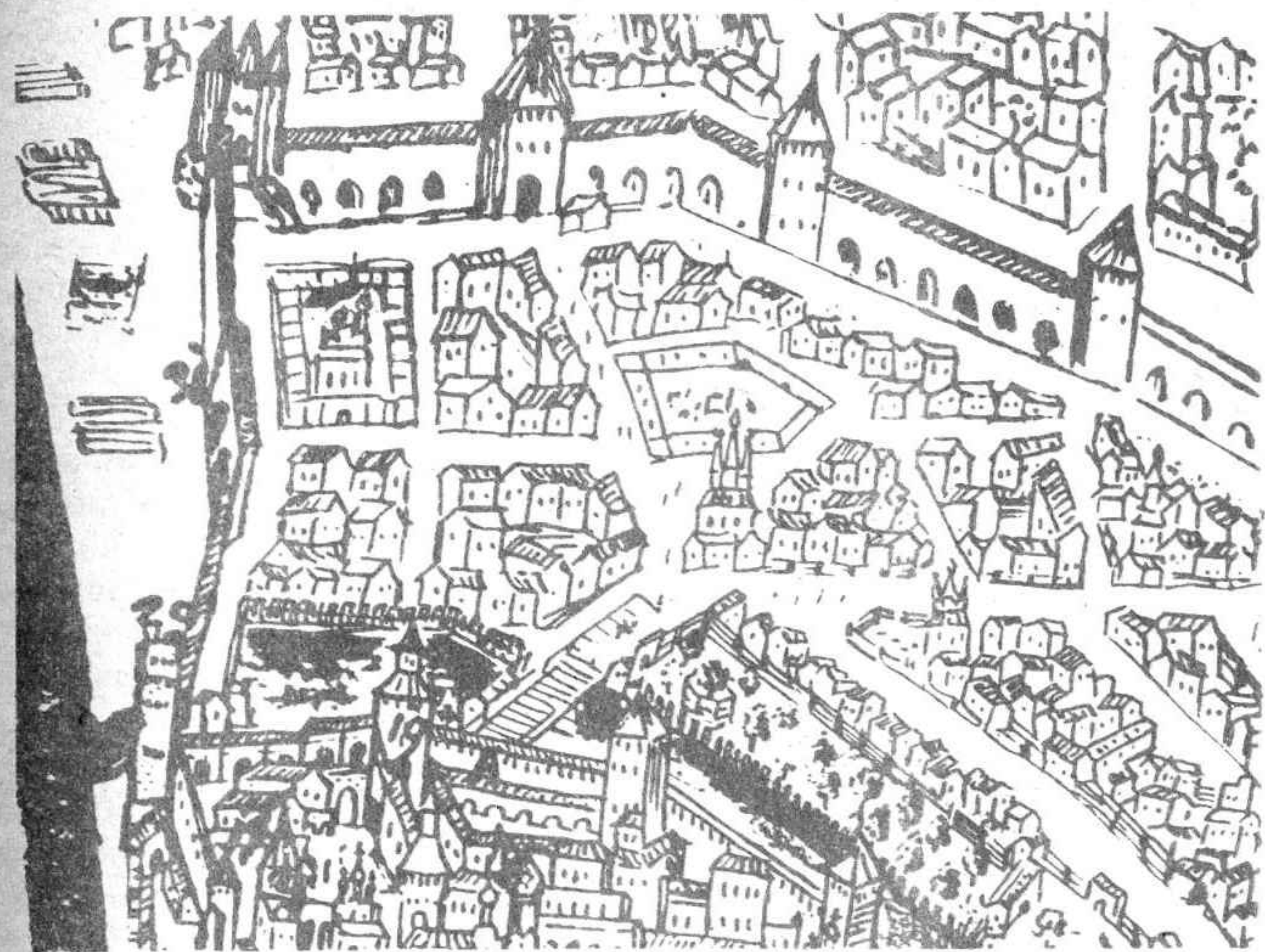
«Камень смог выразить радость людей!» — мысленно восхищался Антип и незаметно для себя уже вслух проговорил:

— Дивно!

— Вот-вот! — подхватил воевода. — Так в народе ее и величают «Дивной»!

Все остальные монастырские строения были деревянными: и ограда, и архимандричий корпус с кельями, и колокольня, и клетская теплая Богоявленская церковь. Но надо всем господствовали шатры каменной Дивной церкви, славя своих

* Арка́тура — архитектурное украшение в виде ряда выведенных на стене декоративных арок. (Арка́турно-колончатый пояс.)

Трехшатровая (в центре) Преображенская церковь Алексеевского монастыря. XVII в.
С рис. А. Мейерберга. 1661 г.

творцов, их помыслы и радость мирного труда.

Антип ощутил себя приобщенным к великому мастерству, когда при созерцании истинного творения художника душой начинаешь понимать назначение в жизни высокого искусства.

«Нет, Антип не будет повторять виденное, но навечно запечатлеет его в своей памяти, чтобы в царском заказе отразить дивный образ» — так размышлял Антип на обратном пути к Москве. Теперь он твердо знал, как будет строить в стольном граде, понимал, чего хотел от него Михаил Федорович, и был благодарен за науку неизвестному

угличскому зодчему, имя которого он в суете так и не спросил у воеводы.

Преображенский храм Алексеевского монастыря в Москве Антип начал строить с закладки глубоких сводчатых подвалов, из которых сразу вывел в Москву-реку наклонные подземные гончарные трубы-водотечники, так как уже при рытье рвов под фундаменты в них постоянно скапливались грунтовые воды. Только успевали ее отчерпать, как через час-два вода вновь заполняла рвы. Антип, помня наказ-совет отчима, приказал класть в основание храма ряды камня-дикаря на глине, а между

ними — просмоленные кошмы. После этого вода со строительства исчезла словно по мановению руки. Антип торопил каменщиков быстрее выложить тесным белым камнем подцерковье и четверик основания будущего храма. На мощных столбах он мыслил поставить высокий главный шатер. Два же боковых шатра приделов выдвинул вперед к алтарю и основал на стенах. Таким образом, не было необходимости загромождать храм дополнительными столбами. Каменщиков было достаточно. Весьма помогал и приставленный к Антипу в помощь подмастерье Трефил Шарутин. Поэтому уже к августу 1633 года Преображенский храм завершили и отделали одним летом, ожидая приезда сюда со всем двором Михаила Федоровича. Царь многократно справлялся у Антипа о ходе работ, но на строительстве еще не бывал.

На яблочный Спас, 19-го августа, из Боровицких кремлевских ворот выехал длинный кортеж. Впереди гарцевала на арабских скакунах-аргамаках * в полном наряде и боевой выкладке стража. Между всадниками катила карета Михаила Федоровича. На подножии ее раскачивались четверо рынд * в белых одеждах и с топорками на плече. А еще далее тянулись возки придворных с многолюдным сопровождением слуг, хотя ехать-то было от Кремля чуть более трехсот сажен. Но ритуал царского выезда в столице соблюдался весьма строго.

Сорок монахинь Алексеевского монастыря во главе с настоятельницей и игуменом Нифонтом, а также каменщики высыпали к распахнутым настежь воротам, в которые и вкатил карета Михаила Федоровича. Боярские же возки и слуги остались на улице, запрудив всю ее проезжую часть.

Подойдя под благословение игумена, который сам после этого бросился ловить губами царскую руку, Михаил Федорович с малолетком-царевичем и дядькой-воспитателем, стольником Борисом Морозовым, обошел вокруг храма, любуясь им с разных сторон. С низкой, без подцерковья, распластанной прямо на земле трапезной контрастировал мощный взлет трех шатров, поставленных на небольшие постаменты. Основание каждого шатра обегали ряды кокошников и прорези окон с узкими стрельчатыми наличниками. Шатры притягивали к себе взгляд и, казалось, по мере обхода кружились вместе с людьми. Обведенные яркими контрастными красками окна-слухи шатров и тесные порталы четко выделялись на фоне чисто отбеленных стен сочными пятнами, празднично смотрелисьверху на синеве неба.

* Аргамак — породистый восточный конь.

* Рында — царский телохранитель, одетый в белый длиннополый кафтан. При официальных церемониях и приемах посольских миссий рынды по двое с небольшими серебряными топорками на плече стояли спереди и сзади трона.

Рында — оруженосец-телохранитель царской персоны

— Доволен ли Нифонт нашим даром обители? — спросил Михаил Федорович игумена и заранее от удовольствия приоткрыл губами.

— Вельми! Премного! Век молиться за вашу царскую щедрость всей обителью изо дня в день будем!

— Не за меня! За сына-наследника! То дар за него. Вклад-память за избавление от болезней, — и, что-то зашептав

губами, Михаил Федорович трижды сплюнул через левое плечо. Все скосили глаза в сторону, словно не заметив свершившегося святотатства.

Теперь признание Антипа среди подмастерьев приказа Каменных дел стало единодушным. Баженка Огурцов и Трефил Шарутин, ближе всех знавшие Антипа в деле, только и говорили о природной сметке молодого мастера, на лету схватывавшего суть явлений и умевшего быстро найти до удивления простые решения в, казалось бы, неразрешимых задачах.

— Этому не научишь! То от природы даруется! — говорили старые каменщики и хлопали по плечу смущавшегося от похвал Антипа.

Не обошелся без подмастерья и Большой совет в Ответной палате царского терема, где на исходе 1633 года решался вопрос о перестройке дворца Московского кремля. Он замыкал Соборную кремлевскую площадь и выходил на нее домовым Благовещенским собором и Грановитой палатой. В ней Боярской думой обсуждались самые важные вопросы внутренней и внешней политики Русского государства. Но в пожар 1626 года, когда море огня захлестнуло Кремль, царским теремам был нанесен непоправимый урон: выгорели жилые палаты и мастерские, от житниц и конюшен остались одни развалины. Часть помещений для царской семьи восстановили сразу же, но подобает ли государю-

царю великой державы ютиться в наспех отделанных хоромах?

— Время бедствий и разрух миновало! — Пристальным взглядом Михаил Федорович обвел собравшихся. — Укреплено западное порубежье! Пора подумать и о достойном царского величия кремлевском дворце.

Ведавший приказом Каменных дел стольник Степан Иванович Ислентьев объявил, что крепости в Вязьме и в Можайске завершены, до четырехсот записных государевых каменщиков могут быть собраны по городам в Москву уже к весне 1634 года.

— А подмастерьями бог нас не обидел! По многим городам строим знатные здания! — и для примера указал на специально приглашенных Баженку Огурцова и Антипа Константинова.

— Так-то так! Ведомо нам о том, — прервал его Михаил Федорович. — Но требуется дворец просторный, чтоб не было нигде подобного, на диво и зависть иностранным государям! Чтоб красоты был несравненной — то само собой! Смогут ли подобное сделать наши каменщики? Аль из-за рубежа зодчих звать надобно, как и ранее бывало не раз?

Смутились подмастерья. Как заранее сказать, что могут? Вдруг не по нраву придется? Не шуточное это дело — царский дворец-терем строить, да еще на зависть фряжским государям! Есть о чем подумать-поразмыслить.

Тягостная тишина установилась в палате. Михаил Федоро-

вич оглядел всех с усмешкой и, как ни в чем не бывало, зашептался о чем-то с ближним боярином Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским, словно и не замечая общего замешательства.

— Позволь, государь, слово молвить. За всех русских мастеров скажу! — заикаясь от волнения, начал Баженка Огурцов. — Хоть казни за смелую речь, но звать иноземцев в страну не след — да еще чтоб русскому государю дом-дворец строить! Позор для всей России-матушки будет! Построим и сами не хуже, но не обессудь, великий государь, царь-батюшка, коль не угодим чем. Не откажи нам советом в деле, тогда и знать-ведать будем — что надобно. А мастерства и умения русскому человеку не занимать в Европах, — уже твердо произнес подмастерье и склонил голову в сторону царского трона, словно уже подставлял шею под занесенную секиру палача.

Подмастерья оживились на полавках, закивали головами в знак согласия с Баженкой. Усмехнувшись, что удалось раззадорить государевых мастеров, Михаил Федорович неожиданно закончил совет словами:

— Много собралось вас, но сбивать в Кремль на работы не всех будем. Сами выбирайте достойных и знающих. А раз Баженка от вашего имени отвечал, ему и впредь быть в зачине! Называй себе помощников, подмастерье. На том и порешим. Пусть в книги приказные так и запишут.

Баженка Огурцов оглядел сотоварищей так, словно видел впервые, и указал перстом на Антипа, Трефила Шарутина и молодого каменщика Лариона Ушакова.

Подмастерья еще дважды встречались с Михаилом Федоровичем уже в жилых царских теремах, внимательно слушали наказы: чтоб золотошвейные и иконописные мастерские были рядом и имели с горенками царевен особый общий проход; изолированными ото всех должны быть покои царской четы; а сыновей и царевен, наоборот, соединены с горницами мамок и дядек-воспитателей; чтоб целый этаж занимали служебные помещения, где можно было каждодневно решать текущие государственные дела; да чтоб было достаточно места и для игр-забав, занятий-учебы детям; и чтоб ни одно из названных помещений дворца не сообщалось и не мешало размеренной и безопасной жизни царского дома.

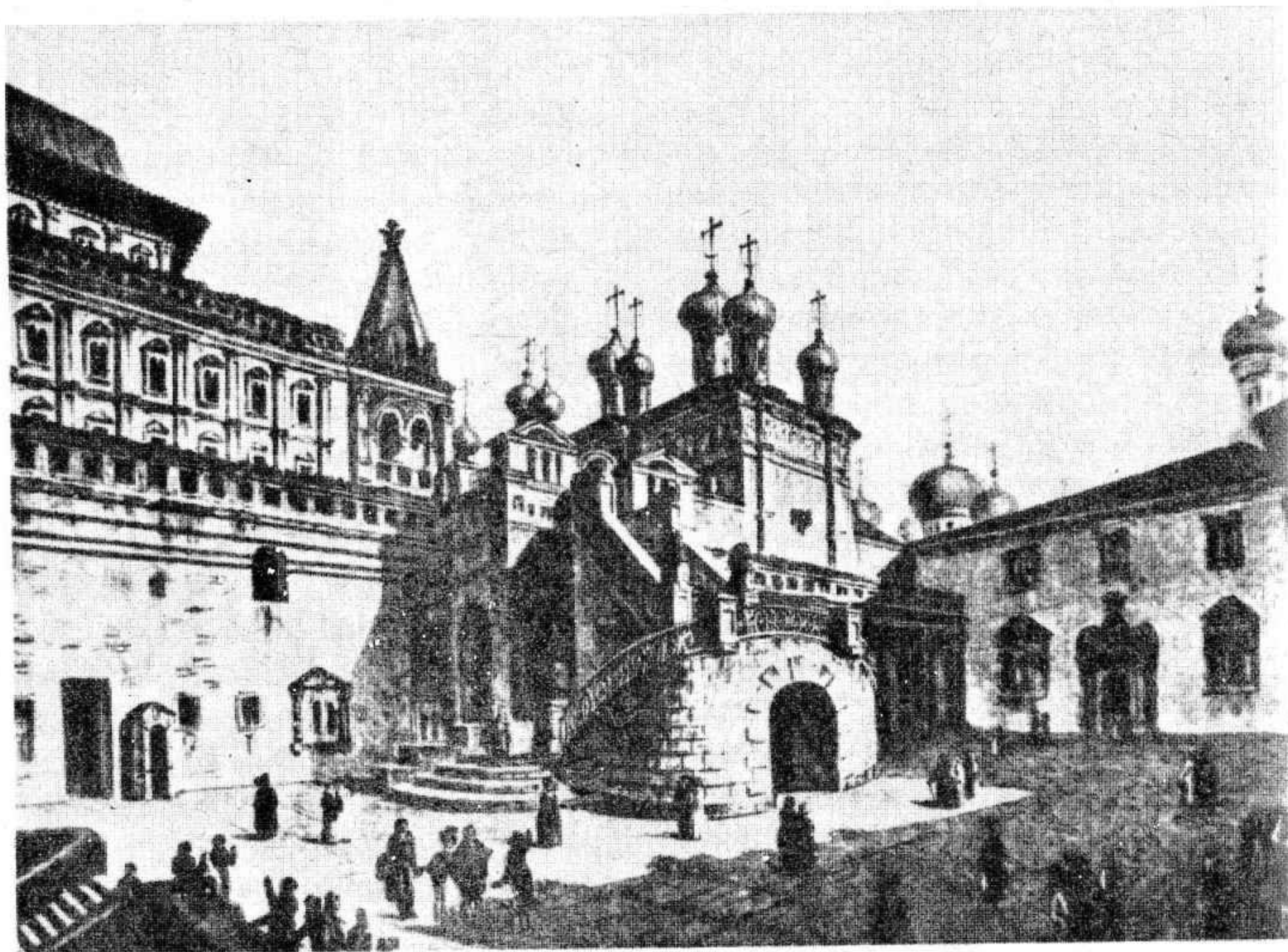
Только тут подмастерья поняли, насколько сложно не само строительство высотных хором-теремов, а внутреннее их решение. Это требовалось самым тщательным образом и во всех деталях продумать заранее. Вечерами они собирались у одного из подмастерьев за кружкой пива или браги и при свете лучины чертили на бумаге рисунки-планы жилых горниц и служебных помещений.

Уже в апреле 1634 года ярыжки очистили древние

каменные здания теремов от снега и льда, спустили с кремлевского холма ручейками воду в Неглинную. Подмастерья тщательно осмотрели все стены и своды древних кремлевских зданий. Многие приходилось разбирать либо потому, что от давности лет и от намокания прогнило, либо оказалось недостаточно прочным для многоэтажной будущей надстройки. Было решено оставить в неприкосновенности два первых, выложенных из белого камня этажа, где размещались мастерские палаты и кладовые, а над ними возвести еще три яруса горниц, завершив их чердаком-теремом с высокой кровлей для игр-забав царевен.

С просторного мощеного двора перед дворцом на третий этаж должно было со временем подняться с Бояршей площадки Постельное крыльцо с двухмаршевым внизу многоступенным всходом. Жилые царские покои на четвертом этаже состояли из нескольких соединенных между собой сводчатых горниц. Кроме мощных стен, опорой всему зданию должны были служить массивные кирпичные столбы-печи, как бы пронизывающие все терема и выходящие в палаты изразцовыми узорчатыми очельями, как и предложил Антип, не особенно полагавшийся на прочность кладки древних стен основания.

Все лето словно муравьишки ползали по огромному, поднимавшемуся на глазах зданию каменщики, а к осенним дож-

Боярская площадка теремного дворца в Московском кремле. С акварели XVII в.

дям, как и мечталось подмастерьям, подвели-таки его под кровлю. Отделка помещений заняла еще несколько лет, но зато после того, как летом 1637 года распахнули настежь все окна и двери, чтоб окончательно выветрить строительные запахи, а заодно и просушить роспись стен, дворец предстал во всем великолепии.

Из зала в зал, из горницы в горницу по коврам-настилам прошлись бояре-советники во главе с самим Михаилом Федоровичем. Придирчиво осматривали они расположение служебных и жилых помещений, прочность кованых запоров на став-

нях слюдяных цветных оконниц и особенно — на блестящей позолотой решетке, отгораживавшей жилую часть дворца от Бояршей площадки, но ни в чем изъянов не обнаружили.

Подмастерья шли вслед, поодаль, с тревогой вслушиваясь в разговоры-оценки бояр, радовались, когда слышали добрые слова похвал. Повсюду был их труд, бессонные ночи раздумий и страстное желание не ударить лицом в грязь перед громкозвучной славой иноземцев. А удалось ли?

Только в верхнем тереме, куда тучные бояре едва поднялись с одышкой по винтовой

лестнице вслед за царем, Михаил Федорович снял с руки четыре перстня и протянул подмастерьям.

— Держи, Баженка, за радость, что доставил ты нам, алмаз-камень! Остроту ума, твердость и силу на врагов дает он владельцу. Индусы, что привезли его нам, почитают алмаз брахманом — царственным. Достоин ли дар трудов твоих?

Баженка упал на колени и и припал губами к руке Михаила Федоровича, который и сам почти прослезился, расчувствовавшись от собственной щедрости.

В протянутой Антипу руке пламенем вспыхнул огненно-красный рубин.

— Дарует рубин-камень силу и память, от болезней хранит!

И уж обеими руками раздал царь оставшиеся два изумрудперстня Трефилу Шарутину и Лариону Ушакову.

— Достойное дело достойно завершаться должно! Пиши, дьяк: «Наградить подмастерьев двойным жалованьем и сукном аглицким, чтоб всем вестима была щедрость государева за талант и сметку!» Вельми довольны мы мастерами! Угодили своему государю.

С тех пор Антип Константинов оказался в числе наиболее признанных мастеров приказа Каменных дел. Без его совета участия не обходилось ни одно государственной важности строительство Москвы. Он ремонтировал мост через Неглинную и гостиный каменный

двор в Китай-городе, возводил просторные палаты для царского врача Винделина Сибелиста и выкладывал литейные хоромы на Пушечном дворе, а указом от 20 марта 1641 года выехал во Владимир. Там предстояло восстановить славные своей древностью и героическими воспоминаниями Золотые белокаменные ворота. Их первыми и увидел зодчий еще на подъезде к городу.

Давно не беленные, местами почерневшие от пожаров Золотые ворота стояли врытыми в высокий земляной вал. Створов они уже не имели, хотя в проезде и маячила фигура стражника-воротника. Всюду виднелись следы запустения и переживаемого городом упадка. Дома роились по взгорью приземистые, преимущественно деревянные. Прямо за посадскими валами виднелись руины древних Спасской и Георгиевской церквей, а за Торговыми рублеными воротами Мономахова города — обстроенная лавками и шалашами Воздвиженская церковь.

В лучшем виде сохранялись лишь на пригорке, над самой кручей берегового обрыва к Клязьме-реке, Успенский и рядом стоящий одглавый Дмитриевский собор, окруженный кое-где уже осыпавшейся галереей на аркаде с башенками над верхними площадками переходов.

Во Владимире Антип увидел то, о чем ему много говорили в Москве, но что трудно было

даже представить. Прежде чем приступить к восстановлению Золотых ворот, он внимательно осмотрел каждое здание, возведенное во времена Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо. Резное обильное белокаменное убранство не мешало воспринимать величие объемов владимирских храмов и в то же время манило взгляд каждого туда, куда хотел древний мастер. Ощущались легкость и изысканность, отточенное мастерство и высокий художественный вкус строителей.

«Как не почесть за дивное творения древних? — размышлял в восхищении Антип. — Стоят и красуются! Даже в руинах!»

Владимирский воевода поднялся с зодчим на Козлов вал, а с него — на верхнюю боевую площадку Золотых ворот, к подножию Ризоположенской церкви, от которой осталась лишь груда почерневших от пожаров камней, рассыпавшихся от одного прикосновения рук.

Два месяца провел на башне Антип, осторожно разбирая с четырьмя приставленными к делу каменщиками церковь, укладывая каждый сохранившийся камень вновь в кладку, чтоб сбегать все возможное в первоизданном виде. Лишь после того как четверик основания храма поднялся на должную высоту, зодчий указал перекрыть его стройным, открытым вовнутрь шатром с большой луковичной главкой.

Сметная роспись на ремонт Золотых ворот, составленная на

260 рублей Антипом еще по приезде, была полностью израсходована. При этом удалось перебрать кое-где и стены самой башни, выложенные из более легкого пористого туфа, укрепить выпадавшие местами камни свода в проезде.

«Сколько расчета и мудрости оказалось в самом на первый взгляд простом! Как тщательно и любовно подтесаны все детали, подогнаны камень к камню!» — постоянно дивился Антип и стремился делать так, чтоб и далее оставалось жить это дивное творение русских мастеров седой древности.

Возвращение Антипа из Владимира в Москву ожидалось с нетерпением. По патриаршему указу было решено поновить роспись главного собора Русского государства, почерневшую от давности и местами уже смытую подтеками. Предстояло не только одеть собор в леса, но и осмотреть, если будет необходимо, кровлю.

— Как обойтись без опытного подмастерья? — говорили в приказе Каменных дел.

С ранней весны 1642 года Антип Константинов со своим неизменным помощником Ларионом Ушаковым начал устанавливать в Кремле изнутри и снаружи Успенского собора леса. Ведали работами боярин Борис Александрович Репнин и стольник Григорий Гаврилович Пушкин. Предстояло перед тем, как сбить старую штукатурку, снять с древних росписей рисунки, чтоб сохранить на буду-

щие времена известные в народе евангельские картины. Вот тут-то и нужно было государево недремлющее око стольника Пушкина, знавшего не только толк в воинских потехах и дипломатических тонкостях, но и в живописании.

Изографы Иконописного кремлевского терема восторгались несравненной дивности старой росписью, но промывать и поновлять ее не брались.

— Уж больно потерь много, — уговаривались они. — Как под одно подобрать цвет огромной стены, когда краски при высыхании меняют цвет, а со временем тускнеют и блекнут? Уж лучше писать заново, — а сами с сожалением качали головами на сбиваемую штукатурку, гибель древних росписей. Боярину Григорию Пушкину предстояло вместе с патриархом выбирать лучшие прориси для повторений. Хоть и установились они в веках, а все ж каждый собор имел свои росписи-поучения, свой замысел-толкование. А тут главный собор страны, где коронуются государь-цари, где на патриарший престол посаждаются архипастыри!

Антип выявил при осмотре сводов многие опасные места, предложил снять с кровли медные листы и пролить под ними смолой. Требовало это не только многих рабочих рук, но и зна-

* Пирон с расщепом-анкером — железный сцеп для крепления каменной прикладки, оформленный снаружи фигурно выкованным держателем-анкером.

чительных затрат. Патриарх Иосиф с боярином Репниным ремонт кровли решили отложить до будущих времен.

— Господь хранил нас от напастей! Милостив всевышний — сохранит и впредь! Иди, мастер, следи, чтоб осторожней набивали в стены кованые гвозди твои каменщики под новый левкас. Ремонт же подождет!

Согнулся Антип при патриаршем благословении в пояс, да и ушел ни с чем. Только весной 1643 года в Кремле произошла беда. Не успели с Успенского собора сбросить снег и наледь — мешали леса, как вода просочилась в нескольких местах сквозь своды и полилась потоками по стенам, смывая только что выполненные росписи. Антипа спешно вызвали в собор. Дело оказалось серьезным, и зодчий предложил с наступлением тепла раскрыть все же на соборе кровлю, залить швы меж сводовых камней известью, в слабых местах проложить кованые связи, а после всего — залить слоем вареной смолы с песком. Для большей же прочности он указал по углам здания прошить буравом и уложить в гнезда железные пироны* с выводом на фасады фигурных расщепов-анкеров.

Теперь Антипа слушали внимательно, тотчас выполняли все его распоряжения — помнили, что из-за течи стоят без дела 92 иконописца, созданные сюда из разных городов страны. Дело уладилось тремя неделями, а пока иконописцы готовили для

будущей росписи в небольших глиняных поливных горшочках краски.

Труды Антипа в соборе оценили высоко. 6 сентября его вызвали в Каменных дел приказ для выдачи жалованья и на зависть другим кроме денег вручили 10 аршин камки, 5 аршин зеленой тафты и 4 аршина аглицкого сукна. Такого богатства враг он еще не имел. Правда, Антип и сам знал, что награду заслужил: мало ли приходилось ему метаться по Кремлю от собора к патриаршему дворцу, который он начал возводить с весны того же 1643 года с артелью ярославских каменщиков Тараса Тимофеева.

Разговоры о новом патриаршем дворце начал еще Филарет Никитич, а новый патриарх Иосиф приступил к делу. Был он слабохарактерен, но завистлив и злопамятен, поэтому к Антипу для надзора за строительством, а заодно и для понедельной расплаты с работными, приставил дьякона временно закрытого для службы Успенского собора Германа, в прошлом каменщика, но давно сменившего мастеров на кадило.

Сначала Антип невзлюбил назойливого дьякона, совавшего нос во все дела, но советы его порой оказывались дельными. И зодчий стал прислушиваться к ним, оставляя Германа при соборе за себя, если требовалось срочно быть при строительстве патриаршего дворца. Герман оказался добрым питухом в застольи, веселым, забавным

рассказчиком, когда рядом не было других чернорясников. Так и сошлись Антип и Герман, став из недругов закадычными приятелями.

Солнце еще только разогрело воздух. С холмов в Москву-реку и Неглинную на припеках заструились едва видимые первые звонкие ручейки. Антипа в Каменных дел приказе прямо разрывали на части: требовалось срочно осмотреть своды Успенского кремлевского собора — нет ли там после зимы течи? — строить спешно новые каменные литейные хоромы на Пушечном дворе, а патриарх прислал свой наказ — продолжить летом 1644 года возведение на своем дворе «хоромов, под горницею с комнатою, каменных подклетов и меж каменных старых стен на три житья всходной лестницы, а каменщиком делать то каменное дело по указу государева подмастерья Антипы Константинова». Прибыл наказ и от Михаила Федоровича — требовалось начать в подмосковном селе Голенищеве строительство каменной церкви. Антип не знал, с чего и начинать! Метался по стольному граду в делах-заботах, забывая даже о еде. Хорошо еще, что всегда под рукой был верный помощник Ларион Ушаков. Работником он был добрым, исполнительным, а вот поручать самостоятельные дела не приходилось — в мелочах у него получалось все как-то не так, не эдак, а оттого и вся работа порой казалась напрасной. Поэтому Антип указывал Ла-

риону до самых мелочей, что и как делать, и оставлял в Голенищеве, чтоб наведаться назад уже только через несколько дней.

Антип здесь вновь решил повторить образ трехшатрового храма, по образцу угличской Дивной, как в Алексеевском монастыре. Вместе же с высокими кровлями хором дворца, колокольной и башенками ограда загородная усадьба должна была смотреться настоящим городком. Поведал зодчий Михаилу Федоровичу о замыслах.

— Того и желал! — похвалил царь Антипа. — Чтоб издали виделась усадьба, было б чему подивиться и вблизи!

Но более всего Антип пропал в Гончарной слободе, где для Пушечного двора обжигался особый маломерный кирпич. Высокие температуры в литейных печах и раскаленный металл быстро разрушали кирпич. Печи приходилось часто ремонтировать, гася горны и прекращая работы. Мастерам-литейщикам за простойные дни не платили, и они негодовали, требовали горны строить как следует.

А где взять столь прочный кирпич, как делать его следует — никто не знал. Стал Антип проводить опыты, хоть и не его это было дело. Приказал формовать кирпич из уже обожженной и вновь измельченной глины с добавлением при отощении вместо песка растертых в порошок изгарин, а обжигать малыми партиями при высокой

температуре огня. Добился-таки желаемого зодчий! Кирпич оказался стойким к расплавленному металлу, хотя долгим и трудоемким было его изготовление. До недели выдерживался кирпич в воде и не размокал, а вынутый из нее — быстро высыхал и не коробился.

Таким кирпичом Антип приказал обкладывать печи изнутри, а остальное класть из обычного черного на изломе железняка, поэтому дело быстро подвинулось, и к середине 1644 года литейные хоромы были отстроены. Они представляли собой две высокие кирпичные палаты с горнами посередине и завершались стройными шатровыми кровлями с постоянно открытыми продухами для выхода газа и дыма. Не удержался Антип, чтоб не поднять и тут ввысь любимые шатры, оправдав свое пристрастие — любовь к стройным завершениям — простой необходимостью.

— А как иначе делать, чтоб хватало чистого воздуха и печам и мастерам-литейщикам? — отвечал он на вопросы и, хитро подмигнув, улыбался.

Антип указал стены литейных хоромин не белить, а окрасить земляным суриком, чтоб не были видны следы копоты, а шатры для большей прочности и безопасности от всегда сыплющихся искр покрыл муравленой черепицей. Рядом со старым огромным литейным двором хоромы смотрелись игрушечными, но лить в них малые изделия оказалось удоб-

но, главное же — почти не было гари. На уровне чуть выше роста человека из открытых окон-продухов постоянно поднимался вверх сквозняк-ветер, уносивший газы и дым.

Литейщики дивились — сколь быстро понял их нужды подмастерье, как добротной отстроил горны под металл! Поясным поклоном благодарили они зодчего за сметливость. Только тут осознали — не зря мучил Антип кузнецов расспросами еще до начала строительства литейных хормин.

Пока вел одновременно столь разнообразное строительство, Антип почти не замечал в повседневной суতোлке более под сердцем. Но только с холодами приостановились работы — слег. Острой болью отзывалось в груди и каждое движение руки, удар польской сабли сказался — так через годы.

Сначала Антипа проводывали из приказа Каменных дел по часту. Но узнав от присланного Михаилом Федоровичем врача, что зодчий безнадежен и сердце его может остановиться в любую минуту, все словно забыли о нем, видимо, списав из числа государственных подмастерьев. Навещал Антипа лишь Герман, приносивший к постели больного не только редкие яства, но и вести.

Однажды дьякон явился возбужденным. От него несло хмельным, а сузившиеся глазки на самодовольном лице плутовски блестели. Разложив на столе яблоки, чеснок, печатные

медовые пряники и березовый туесок с вареньем, он попросил себе вина, но, узнав, что его в доме нет, не очень огорчился, а, заговорщически подмигнув, зашептал:

— Совсем окончили роспись Успенского собора! На Николу-зимнего торжественное молебствие пропели. Святой патриарх Иосиф службу говорил. Уж так возвышенно рек, что премного сам доволен остался! Царь-государь, хоть и недужен был, в собор со всеми чадами-домочадцами пришел. Народу тьма собралось... Днями вызывает патриарх в келейку да и спрашивает: что б я хотел в награду за труды по собору? Уж и не знал, что молвить. Денег не пожелаешь — не пристало, а что другого дать может — все вроде есть. Видя замешательство, сам заговорил святой патриарх. Мол, просится в славной Печерской обители, что в Нижнем Новгороде, на покой архимандрит Рафаил. Преданность я проявил православной церкви умом-расторопностью, хозяйствованием умелым, так не пожелаю ли занять столь почетное и доходное место? Как не пожелаю?! Желаю! Аж дух перехватило! Да не знаю, как сказать о заветном, боюсь дело испортить. А патриарх-государь все упрашивает — славу и богатства Печерской обители расхваливает. Слово оно что? Его не только сказать, но и понять надобно! Бухнулся я в ноги, и без слов обошлись. Как не понять, что готов наложить на себя сей

тяжкий крест! Лишь глаза радостные увожу в сторону, прячу их. А патриарх-государь, смотрю, доволен. Не надо казну свою пустошить на награду за труды мои. Так взаимно и договорились безмолвно. Ныне я архимандрит богатейшей обители России! — хлопнул себя по животу Герман. — Вот про тебя вспомнил! Не жилец ты, мастер, в Москве. Даже если и поправишься, в гроб загонят спешными трудами — кому какое дело до болезней твоих? А ежели уедешь со мной в Нижний на сытные хлеба и на спокойное житие, может, и отойдешь? В приказе сказать можно, что на богомолие едешь, грехи земные замаливать. Сам говорил, что люб тебе Нижний прежде был, да и отчима схоронил там. Отпустят, не сомневайся! Почитают тебя в приказе не жильцом на вольном свете.

— Соглашайся! — уговаривал Герман Антипа. — Хуже, чем есть, не будет! А оправишься от болезней — строй сколько хочешь в обители моей! Господу богу послужишь, а хозяйственные дела пусть тебя не заботят — сам заниматься ими буду, других нужных людишек представлю! Только скажи! Соглашайся! — и заискивающе посмотрел в глаза Антипу, словно держал про себя какую-то потаенную мечту-думку.

Раздумывать действительно не приходилось.

«Что в Москве держит? — размышлял зодчий. — Памятку о себе в стольном граде добрую

оставил, сколько всего понастроено — не счесть! А в Нижнем новоизбранный архимандрит обещает не утруждать. Строить же по своему разумению и желанию — одна отрада. Может, и улыбнулась под конец жизни удача?»

Ехали они в Нижний обозом, не спеша. Для нового архимандрита в Москву пригнали просторную карету на ременных рессорах, в которую, укутав в шубу, и уложили Антипа. В Печерах зодчего внесли на руках в обширную, теплую, с изразцовой лежанкой палату, предназначенную для именитых гостей. Для надзора за больным приставили служку. Монастырский лекарь-рудомет обильно поил Антипа травяными настояями, и через неделю-две зодчий смог не только вставать с постели, но и выходить на оттепель к рубленой, пригреваемой солнцепеком келейной стене. Все вокруг оставалось здесь как и много лет назад. Только посреди монастыря высился на мощном белокаменном подцерковье пятиглавый собор-громадина. Зимой он стоял закрытым. Входили лишь в пристроенную с запада трапезную, под которой целыми днями варили на братию еду, так что со стороны собора всегда пряно отдавало, дразня аппетит, свежеспеченным хлебом и щами.

Герман развернул в монастыре бурную деятельность. Лично пересчитав отчеты келаря и посельских старост, уличил многих в казнокрадстве и мздо-

имстве, засадил виноватых на хлеб-воду в земляной поруб в назидание другим — чтоб неповадно было! На келаря же при всей братии наложил епитимию — сто каждодневных поклонов перед Спасом на холодном каменном полу в Покровском приделе во время трапезы. Так что появление архимандрита теперь встречалось печерской братией с боязнью и трепетом, тем более что осанка тучного Германа приобрела горделивость, а выражение лица стало еще более самодовольным. Вместо прежней бумажной черной одежды он надел атласную, подбитую кунным мехом темно-вишневую рясу с пангией-знаменьем на груди, обложенной по ободку сканым* рисунком и нитью крупного жемчуга. Простую трость с набалдашником сменил на набранный из разных ценных пород дерева посох с инкрустацией, золочением и рукоятью в виде двух извивающихся змеек.

Самим собой Герман становился лишь у Антипа, и то если в келье не было служки. Герман с радостью наблюдал выздоровление зодчего, часто говорил ему о желании отстроить весь монастырь каменным.

— Вот и ты мне в помощь! Смотри, приглядывайся, где и что строить можно. Прежде всего святые ворота с храмом строй! Старые-то деревянные лет пять как сгорели! Лицом обители им быть надлежит, а каким по виду — сам мысли, твоя забота. Потом за трапезную

принимайся, чтоб просторнее прежней ей стать, было б где принимать-потчевать гостей! Да и об архимандричьих каменных покоях не забудь! Только жить-то буду в рубленых горницах, от извести и сырости одна ломота в суставах! Вот и это учти!

Слушая Германа, Антип невесело усмехался своим мыслям: «Спас, почитай, от смерти. А теперь сам же в гроб загоняет! Мыслимое ли дело все это враз строить».

А архимандрит, сам того не замечая, о будущем строительстве рассуждал уже как о деле решенном.

— Договорились кирпич везти из Балахны, а известь и белый камень — из Кадниц. Боярин Федор Иванович Шереметев не только материалы вкладом в обитель дает, но и на начало работ своих каменщиков. Сказывают, и в стольном граде известны, ценят их там! Всего в лето вдосталь будет, лишь строй — не мешкай!

И вдруг, словно опомнившись, что пришел к больному, извиняющимся голосом добавил:

— Да себя не забывай! Лишь указывай что надобно — не утруждайся. Соборного старца Изосиму и монастырского печника Ефрема Босого приставляю. Может, сгодятся в помощниках?

* Скань — одна из древнейших на Руси техник обработки ценных металлов — припайка на ювелирные изделия сложных рисунков, выполненных из тончайших нитей-проволок.

Каменщики подошли к Антипу, когда тот сидел после обеда на ступенях крыльца-всхода своей кельи и грелся под лучами уже жаркого весеннего солнца. Косогоры волжских обрывов вокруг монастыря еще покрывал снег. Но наст уже почернел местами, стали ярче раскачивающиеся под ветром желтые метелки прошлогодней травы. Волга лежала подо льдом широко, просторно, раскинув руки-заводы на берега. Свежий ветер нес волнующие запахи весны. Зодчему казалось, что с каждым глотком чистого воздуха к нему возвращаются силы. Сердце стучало громко, но ровно и без болей. Грядущая весна радовала и волновала Антипа. Он снова был готов творить!

Оглядев пришедших и приняв благословение на правах больного сидя, Антип пододвинулся и кивком головы предложил инокам сесть рядом. Изосима был глубоким стариком, хотя еще резво носил свое худое тело на твердых ногах. Его почитали в монастыре за ум и сметку, за всегда дельные советы, а главное — за то, что отстроил-таки здесь огромный каменный собор — гордость Печерской обители.

Ефрема Босого называли в Печерах печником: ремонтировал он по кельям печи, очаги в квасоварне и хлебне. В обыденности его почти не замечали, но угори кто раз-другой в дыму, в пояс кланялись, мастером величали, век обещались не забыть — лишь бы помог в

беде. Тут и потаенную чарку обязательно поднесут. Поэтому ходил Ефрем по монастырю независимо, в измазанной глиной и копотью скуфейке, в давно не стиранной рясе. Почто стирать, раз в тот же день опять ей грязной быть?

Перебросившись двумя-тремя словами, они посидели молча и разошлись, не начав разговора о предстоящих больших работах.

«Будет дело — там и наговоримся!» — решил Антип.

«Уж больно плох зодчий, хоть и молод годами! — размышлял Изосима. — Как с таким начинать великое дело? А может быть, и отойдет?»

Прошел ледоход, потянулись по Волге из Балахны лодьи с кирпичом. Паводок захлестнул высокой водой прибрежные кусты ивняка и орешника, поэтому суда теперь подгонялись под самый монастырский берег и кирпич поднимали на вервицах вверх почти к самому месту будущего строительства. Работали не только согнанные из подмонастырских слобод крестьяне и бобыли, но и все иноки.

Антип молча бродил по монастырю, временами поднимался с Ефремом Босым, поселившимся отныне в келье зодчего вместо служки, на косогоры, разглядывал обитель сверху, примериваясь — где и как ставить храмы. Рвы под фундаменты святых ворот с палаткой сторожа и келарской при них Антип указал копать

к западу от собора. Он уже дважды отпрашивался у Германа в город и подолгу бродил по кремлю возле Михайло-Архангельского собора, что возвели они некогда с отчимом. С тех пор минуло всего пятнадцать лет, а кажется уж век прошел: так давно то было.

В Архангельском соборе Антипа привлекала высота этого в сущности небольшого здания. «А что, если подобием строить и надвратный храм в Печерах? — размышлял зодчий. — Зачем мудрствовать? Над проездом будет выситься шатер, отмечая главный вход в монастырской ограде — это и надобно! А вблизи памятью о воинах-ополченцах славных, Минине и Пожарском, озарится! Для меня ж памяткой об отчине-наставнике будет, что лежит здесь, на погосте Печер. Пусть остается это потаенным. Кто узнает-догадается, коль никому не говорить?»

Так и решил делать помалкивая. В пару с надвратной церковью Антип указал сразу же и место для будущей каменной высотной колокольни, чтоб они своими шатрами как бы поддерживали мощное, устремленное ввысь пятиглавие собора. «Вот и объединятся здания воедино! То-то радовать глаз будут всякого, кто спустится с горы к обители!» — Зодчий сам подивился этой простой и столь удачной мысли.

Колокольню он решил возводить к северу от собора прямоугольной, такой, какой стояла

здесь прежде деревянная. Да чтоб была вровень с центральной соборной главой. Шатер украсить гуртами-гранями, как и шатер надвратной церкви. Получится уравновешенно и дивно.

Поздней осенью 1645 года, когда по окончании строительного сезона они с Германом вышли на дорогу в сторону Нижегородского посада и напоследок придирчивым взглядом оглядели созданное одним летом, то поразились сами. Под горой стоял уже настоящий ансамбль! Было чем подивить странствующего!

Еще два лета отделяли святые ворота с Евфимиевской надвратной шатровой церковью, названною так в память известного нижегородца, жившего здесь еще в далеком XIV столетии во времена Дионисия и Лаврентия-книжника. Одновременно начали класть и просторную трапезную кирпичную палату. Только прознали в Москве о домовых печерских каменщиках, обученных известным зодчим Антипом Константиновым, и с весны 1647 года вытребовали их в стольный град. Молодой царь Алексей Михайлович решил заново отстроить над Москвой-рекой, возле подворья Крутицких митрополитов, монастырь-усыпальницу рода Романовых — Спас на Новом.

Прислали указ о высылке каменщиков и в 1648 году, так что Герман спешно погнал в

Ансамбль Нижегородского Печерского монастыря XVII в. Фото М. П. Дмитриева. Конец XIX в.

Москву ответного гонца со слезным челобитьем.

Хлопоты архимандрита увенчались успехом. Хоть и не поверили в Москве о завершении в Печерах одним летом трапезной, но каменщиков оставили в Нижнем Новгороде.

Герман все настаивал на больших размерах палаты, чтоб до полутысячи человек вмещала в престольные праздники.

— Сытное угощение в монастыре всегда прибыльно: за хлебосольство и обильное питье богатыми вкладами платят прихожане.

Антип предложил возвести

как бы враз четыре одностолпных палаты, объединив их открытым внутренним пространством. Тогда и места всем хватит и стоять палата века будет, поднимая мощные своды столбами-опорами. Следует лишь обставить столбы подставами с серебряной посудой и позлащенными окладами, росписью стены покрыть! Храм при трапезной тоже увенчан шатром будет. Выделит он трапезную на фоне строений.

— Не будет подобного во всей России — то и славно! Зато будет чем погордиться! Аль не того же желаешь, отец-архимандрит?

Перед Антипом Герман не лукавил, потому ухмыльнулся довольный, дружески хлопнул зодчего по плечу. А вечером в келью к мастеру Ефрем Босой прикатил на зависть соседям бочонок меда.

— Светский человек подмастерье, да и болен. Пусть медком на досуге пробавляется, сил набирается. Пользительно! — отдавая такой наказ,ставлял Герман келаря. — Ни в чем не отказывай мастеру! То лишь малая толика платы за светлый ум его и труды!

Следующим годом был завершен в монастыре над самой кручей берегового обрыва к Волге кирпичный архимандричий корпус. Правда, кирпичными были только подклетье со сводчатыми подвалами и второй этаж, где разместились сразу просторные казенные палаты с сенями по сторонам и горенками на задах. Сам же архимандрит поселился в рубленом третьем этаже, окруженном со всех сторон крытым гульбищем. Мог Герман отныне не только в любое время, любясь далями просторами Волги-матушки, гулять на приволье, но и незаметно наблюдать с высоты за жизнью монастыря. Откуда кому вестимо, что смотрит из слюдяных цветных оконниц или с

галереи-гульбища архимандрит?

Закончив отделку архимандричьих палат, Антип было замыслил начать и строительство по береговой кромке каменного братского корпуса. Только сделать это ему уже не удалось. Сердце его остановилось, когда он поднимался как-то в конце сентября года 1650 в гору, чтобы осмотреть монастырь со стороны посада.

Наткнулись на него, прислонившегося к березе, лишь к вечеру. Монастырские каменщики искренне оплакивали кончину зодчего, давшего их рукам мастерство, а семьям достаток.

Оплакивал своего друга и Герман. Долго думал — чем отблагодарить мастера, воздвигшего памятник и себе и ему — архимандриту. Да разве нужны были теперь Антипу земные платы?

Надумал лишь одно: вложил в главный нижегородский Спасо-Преображенский кремлевский монастырь на новое строительство за Антипа пятьдесят рублей, чтоб записали его имя с родом в синодик для вечного поминовения. Так и сделал, оставив на века памятку о великом русском зодчем, отдавшем годы жизни славе и признанию мастеров Нижегородской земли.

РУДОЗНАТЕЦ ЛЕСНОГО ЗАВОЛЖЬЯ

Железо в жизни России XVII века заняло особое место, более заметное, чем во все предшествующие времена. Из него ковалось холодное и огнестрельное оружие, сошники плугов и дельные топоры, молоты и другие орудия труда, судовые скобы и якоря, лились колокола, просекались подзорины и гребни кровель жилых палат, изготавливались оконные решетки, прочные связи и герсы крепостных ворот, а также самая разнообразная обиходная утварь и посуда. Спрос на высокосортный металл тогда стал всеобщим и удовлетворялся преимущественно местными кузнецами-рудознатцами, наладившими массовую его выварку в сырдутных домницах из болотных руд.

Мы расскажем об одном таком рудознатце лесного Нижегородского Заволжья кузнеце-лысковчанине Федоре Бобре, исследовавшем еще в середине XVII века залежи железных руд родного края. Он был первым русским мастером, не только выявившим крупные залежи руд, но и наладившим за Волгой их промышленную добычу.

Пролистаны многие страницы древних рукописей, но затраченный труд сторичей вознаграждается радостью открытия имени еще одного, казалось бы навсегда ушедшего из людской памяти, талантливого русского человека.

стояли последние дни июля 1650 года...

На лысковском берегу у паромной переправы стоял вселенский гул. Третий день многоязыко шумела Макарьевская ярмарка, а телеги, конные и пешие все тянулись сюда от Лыскова по

лугам нескончаемым потоком. Берег был черен от множества людей и крытых рогожами возов. Все спешили попасть за Волгу, на ярмарку, но переправа из двух паромов не справлялась с этим людским морем, кричащим, спорящим, смеющимся, рыдающим. Люди томились под солнцем многие часы. Лишь дворяне — верховые в золотных одеждах, с серебрянсканым оружием за поясами, с раззолоченными ножнами сабель, в окружении вооруженной дворни, — не желая ждать, грудью своих скакунов раздвигали толпу и, подминая зазевавшихся, первыми взбирались по настилам мостов на паром, доказывая право сильного взмахом плети, а подчас и клинка.

Словно не замечая этой суетоки, два монаха-перевозчика не спеша указывали на пароме места для телег и лошадей, затем, также не торопясь, отталкивались шестами от берега.

Широкая низкобортная лодья была покрыта тесницами и ограждалась по сторонам лычными перевяслами*, чтоб случаем не упал кто в воду при раскачке на волнах. Паром двигался медленно, и мужики охотно помогали чернорясникам тянуть канат, чтоб быстрее миновать стремнину звонко плещущей, великой и ласковой под солнцем, но грозной при ветрах матушки-Волги.

Макарьевский берег наплывал, уже можно было разглядеть ряды лавок под навесами и отдельные шалаши, а у бере-

га — многочисленные причаленные лодки, насады* и лодьи, раскачивающийся лес мачт с разноцветными лентами вымпелов.

На горбине высокой песчаной дюны, над торгом, высились почерневшие от времени деревянные строения монастыря. К Волге были обращены рубленые стены ограды с двумя шатровыми башнями по углам и жерлами пушек в прорезях. По центру высокой ограды причудливо рисовались святые ворота* на кубоватых столбах-опорах с перехватами резных жгутов, с двумя огромными лемешенными* килевидными бочками*. Над ними величаво и грозно поднимались шатры Троицкого собора и восьмигранной рубленой колокольни, на

* Перевясла — ограждения из жердей.

* Наса́д — судно с днищем из целого дерева, с наращенными из тесниц высокими бортами.

* Святые ворота — главный парадный вход в монастырь, освященный надвратным храмом.

* Лемешение — покрытие криволинейных кровель городчатым или лопаткообразным осиновым лемехом.

* Килевидная бочка — архитектурная форма в виде остроконечной с покатыми боками кровли, повторяющей разрез лодки.

* Очелье — широкая, с повышенным налобием и с жемчужной поднизью лента для охвата на голове плата-мофория или волос.

* Вестовой колокол — «набат-сполох» редкие, сильные удары в который оповещали посад и округу о приближении врага или о пожаре.

ярусе звона которой временами поблескивали зеркала кольчужных рубашек и шлемов-шишаков дозора. С высоты стража наблюдала не только за многолюдным торгом, но и за дальними подступами к ярмарке, оповещая при случае тревожным звоном сполоха-колокола о приближающейся беде.

Среди прибывших к Макарью был и лысковский кузнец Федор Бобер, прозванный так за большой приплюснутый нос и глубоко посаженные глаза на широком лице с большой, лопатоподобной курчавой бородой. Ему давно минуло пятьдесят, но был он крепок. Лицо его оставалось гладким, лишь несмываемая железная копоть и крапинки ожогов свидетельствовали о профессии кузнеца.

Приехал Федор Бобер на ярмарку по важному делу — купить у индийских купцов красные коралловые бусы да жемчуг для подниси очелья* к свадебному наряду младшенькой своей дочери Овдотьюшки, сосватанной соседом-кузнецом Степаном Семеновым. Зять был почти на голову выше тестя и выглядел жердью рядом с низкорослым Федором Бобром. Белесые ниспадающие до плеч волосы его, перехваченные по челу кожаным ремешком, оттеняли голубизну глаз красивого лица молодца. Неизменная добродушная улыбка при необычном росте кузнеца придавала некоторую загадочность всему облику Степана и вызывала ответную улыбку многих.

Бухарцы и индийцы снимали у Макарьевского монастыря прямо на берегу Волги толсто-стенные амбары с железными решетками на узких оконцах и с окованными железными полосами створами входов, распаханутыми во время дневного торга и запиравшимися накрепко к ночи. Горы разноцветных драгоценных камней и крупного жемчуга были выставлены на широких блюдах при самом входе. В полутьме помещений мерцали зеркала, золоченые дамасские клинки и бехтерцы, тюки полураскрытых золотных тканей.

Указ о запрете иностранцам торговать на внутренних рынках России был издан прошлым летом, но он, казалось, не коснулся Макарьевской ярмарки, которую содержал ставший широко известным во многих странах мира Макарьев-Желтоводский монастырь, стремительно богатеющий от сбора огромных сумм таможенных пошлин.

Сделать покупки удалось быстро. И Федор Бобер со Степаном поспешили на песчаную косу, к устью Керженца-реки, где заезжие чебоксарские кузнецы лили по заказам вотчинников и сельских общин колокола. Плавильная печь на взгорье исторгала целые снопы огня и искр. Посторонь высились резанные из особо прочных пород деревьев образцы для будущего литья больших вестовых и малых зазвонных колоколов*. Тут же на козлах остывал только что отлитый

для монастыря ствол крепостной пищали, изображение единорога на котором доводили резцами два почерневших от копоти мастера.

Посмотреть на диво дивное собралось множество людей.

Стояли поодаль от огнедышащей, тяжело kloкочущей печи, отдающей жаром и брызгами огня. Старый литейщик — в длинном кожаном фартуке и таком же колпаке на голове — с помощниками прямо на глазах крестьян-заказчиков лил по ранее изготовленной восковой модели колокол, выводя дополнительно затейливую вязь летописца с именами вкладчиков. Он осторожно спускал по желобу в литейную яму струю расплавленной меди. Трудный для изготовления и доводки летописец стоил дорого, но звонкое диво отныне должно было каждодневно оповещать округу о щедротах ктиторов-заказчиков*.

Как не порадовать для общего блага, не забыв и себя перед господом богом?!

Мастер временами осторожно протыкал снизу глиняный кожух формы остроотточенным копьем. Но как только из отверстия начинал выплескиваться выжигаемый металлом восковой пар и струиться сплав меди и олова, мастер стремительно заделывал дыры густой глиняной массой и прижимал ее доской, заставляя одного из помощников следить за исправностью наспех сделанных поддержек. И не приведи господи замеш-

Литье пушки. С рис. XVI в.

каться — огненный металл проест форму и хлынет безудержным потоком вниз. Тогда погибнет не только металл, форма и труд многих часов, но и сам внизу стоящий литейщик. А такое случалось не раз! Потому-то и собиралось столь много людей посмотреть на смелость и мастерство литейщиков-кузнецов, увидеть зрелище-действие, соперничающее по своей завлекательности разве что со скоморошьими забавами, вызывавшими то здесь, то там взрывы смеха.

* Малые зазвонные колокола — набор небольших, согласованных в тональности колоколов, звон которых перебивал мерно-ритмические удары больших колоколов и создавал неповторимо-праздничные «малиновые» перезвоны.

* Ктитор — человек, финансирующий строительство храма.

* Беспенно — бесплатно.

Монастырские власти хоть и негодовали на скоморошьи потехи, но поделаться ничем не могли. Проказы Петрушки не только забавляли, но и привлекали сюда множество люда, а следовательно — увеличивали доходы монастыря, бравшего пошлину и за перевоз через Волгу, и за лавочные места, и с хлебных печей, разбросанных по всему торгу.

Засмотревшийся на литейщиков Федор Бобер не заметил, что его давно уже дергает за рукав монах-служка.

— Что надобно тебе, инок? — строго спросил его Федор. К чернорясникам он питал острую неприязнь за их известную всем жадность. Поборы наложили они на лысковчан и за въезд по дрова, и за сбор грибов-ягод в лесах, и за перевоз, запретили варить кузнецам по болотам железо, хотя совсем недавно это разрешалось беспенно*, вплоть до 1620-х годов — времени возобновления Макарьев-Желтоводского монастыря муромчанином родом Авраамием. Будь он неладен!

— Мастер, аль не признал меня? Я в Лыскове в соседях у вас жывал, Сергунка Иванов, сын шорника. Голод заставил меня отца-мать покинуть. Хоть в монастыре работой мучают, да хлеб-квас исправно дают. Вот и живу в служках. Не гневись, коль отвлек тебя, мастер, — низко поклонился Сергунка. — Но архимандрит настрого наказал разыскать тебя на торгу и привести в келарскую. Видели,

как вы на наш берег переправились, и уж донесли.

— Зачем надобен? Вроде не было меж нас дел. Не помню долгов за собой перед монастырем?!

— Почем мне знать! Мал я человек в делах архимандричьих. Но строг наказ. Как ослушаться?

Федор Бобер помял короткопалой рукой бороду, подумал, но отказаться от неожиданного приглашения не посмел. Велика власть макарьевского архимандрита — жди бед неминуемых за ослушание.

В просторной келарской казенной палате было трое: архимандрит Иларион, келарь Пахомий и кузнец. Даже вошедшим по каким-то делам соборным старцам было указано молча на дверь. Склонив голову под архимандричье благословение, Федор Бобер так и остался стоять, готовый слушать в полном смирении. А архимандрит медлил, не торопился переходить к делу.

— Благополучно ль в семье твоей, мастер? — заговорил он вкрадчиво. — Слышал, к свадьбе готовишься?

— Благодарю, владыко! Трудами живем мы, сырые. А дочь на возрасте, как не думать о будущем ее? — уклончиво ответил кузнец и подивился осведомленности монастырских властей в его крестьянской жизни. Молнией мелькнула мысль — знать, действительно нужен монастырю, коль все разузнали заранее.

— Приданое готовишь? Закупки ведешь? А есть ли деньги, мастер? Может, дать для вспоможения?

Кузнец насторожился. Небывалое дело! За алтын-два долга на безжалостный правож под батоги* волокут, в земляной тюрьме гноят, а тут — на-ко! — сами деньги предлагают. Аль в кабалу тянут? Ловят в свои тенета чернорясники?

— Удивлен щедротами нашими? — с едкой ухмылкой продолжал Иларион. — Объясню. Нет тут для тебя грядущих бед, а помощь монастырю можешь оказать немалую. — Архимандрит говорил важно, с частыми паузами. — Надумали мы строиться в монастыре каменным делом. Кирпич-камень изготовили, а вот железо думаем на болотах Заволжья наварить. Свои, монастырские кузнецы, не берутся, все на тебя как на рудознатца указывают. Подыщи места в наших вотчинах. Наладь выварку железа в домницах, своих кузнецов в помощь дадим. А за это одарим казной немалой, почет и славу получишь, в случае скорбей-болезней — в монастыре пристанище до конца дней своих найдешь. — Иларион пронзительно взглянул в глаза кузнеца. — Согласен ли? Где еще такое тебе предложат? А о годовых податях-оброках твоему господину, светлому боярину Борису Ивановичу Морозову — многия лета ему — не думай. Заплатим в срок. Только не проговорись кому. Отнять — отнимут, да и накажут

тебя, чтоб без боярского благоволения на стороне не нанимался. Не думай долго. Такое не часто предлагаем, да и не всем!

Дело действительно было для Федора Бобра знакомо. Еще в раннем детстве с дедом и отцом, также кузнецами, хаживал он по лесному Заволжью. Во многих местах плавил они тогда железо летом-осенью, а на исходе зим санями справляли наработанные крицы в Лысково. Их железо было ковким и прочным, пользовалось признанием других кузнецов, поэтому и слава о них как рудознатцах шла по всей округе.

Кузнец задумался, перебирая рукой бороду.

— Согласен-то согласен. А сколько положите за труды мои? Сколько задатку дадите?

— Не обидим. Десять рублей сейчас же получишь, а наладишь добычу — еще десять дадим, не считая выплаты годового оброка в Лыскове. Есть и пить будешь наше, монастырское. Только работу начинай тотчас. Железо к весне надобно. И много! Согласен ли? — Иларион говорил теперь напористо, вопрошал требовательно и повелевающе.

Кузнец только еще кивнул головой, а келарь уже подсунул ему skleю-договор и горсть серебряных монет.

— Ставь подпись. Здесь все право, как и говорено было.

Федор Бобер медленно водил глазами по строкам, но вдруг прервал чтение.

— Владыко, постой. Сулишь

приставить в помощь своих кузнецов, а какая надежда на них — не ведаю. Позволь взять в помощь своего мастера. Плата ему будет в полы*, а делу — верная надежда. Когда ж задуме домницы, тогда и ваших кузнецов позовем. Дело налаженное им передадим. Не обесудь за просьбу, но выгоду вашу в том вижу.

Настала очередь поразмыслить и архимандриту. Предлагая своих монастырских кузнецов, думал он таким образом вынудить на будущее все известные Федору Бобру места залежей болотных руд, а не только те, где будет непосредственная добыча. Кузнец же, словно прознав про эти мысли, лишал архимандрита столь легкой добычи. Но был в словах мастера и резон — зачем попусту отвлекать монастырских кузнецов от спешных повседневных дел. Сколько долго искать руду придется? Неведомо.

— Будь по-твоему, мастер! А помощника сам ищи, сам и договаривайся с ним. Только б надежен был. А дело начинайте сегодня же, не мешкая. Дадим тебе двух лошадей с полной кладью, скажи только, что надобно, да Сергунку-послушника

с собой возьми, что привел тебя к нам. С ним будешь сообщать в монастырь о трудах, да и чертеж с описью мест не забывай приложить. Грамоте-то, знаю, научен с измальства! На том и порешим. А договор наш скрой до поры. Так-то лучше будет!

Домашние сборы Федора Бобра и Степана были скорыми: жена кузнеца всплакнула, а Овдотьюшка — лишь притупила взор, опустив длинные ресницы вдруг увлажнившихся глаз. Кто знает, насколько теперь откладывалась почти славившаяся свадьба.

У переправы кузнецов ждал в лодке монах-нарочный, а под стенами Макарьев-Желтоводского монастыря Сергунка с двумя лошадьми. Одна была впряжена в волокушу, оглобли которой тащились прямо по земле, а на перекладинах громоздилась кладь. С нею можно было проходить по болотам и лесным чащобам, где телега наверняка бы застряла. На другой лошади были прилажены кули с мукой и сухарями.

За поясами сермяжных кафтанов у каждого торчало по топору, а у кузнецов на плечах были еще короткоствольные ружья и берендейки*. Путь был долог, по неизведанным звериным местам, поэтому оружие могло быть кстати. Экспедиция более походила на военный отряд, но крестьяне Заволжья постоянно носили в лесах оружие, а саадак со стрелами имел,

* Батоги — дубины-палки.

* Полá — половина.

* Берендейка-банделера — кожаный, переброшенный через плечо широкий ремень с креплением для 11—12 деревянных мерок с готовыми зарядами пороха и мешочком для пуль, пыжей и затравчика.

почитай, каждый, поэтому уход из-под Макарья трех вооруженных людей в суতোлке ярмарки никто не заметил.

Они шли вдоль левого берега Волги вниз по течению, забираясь на песчаные дюны с древними соснами на вершинах, пересекая заросли орешника и ивняка в распадах со стоялыми зеркалами болотин. Была середина лета, а здесь, вдали от жилья, над путниками тучами висели комары и оводы. Спасением от гнуса служил лишь резкий запах дегтя, которым обильно были смазаны сапоги и рукавицы. Их пришлось-таки надеть несмотря на жару. День клонился к закату. Солнце садилось за спиной, алым пламенем отсвета заливая гладь Волги. Вдали легко скользили отливавшие красным паруса. Целые караваны и отдельные купеческие струги* еще только поднимались завознями* с низовий к Макарью и в Нижний Новгород, другие — уходили наплавом* под парусами в Астрахань и Казань.

Изначально мыслилось дойти до монастырского дельного двора* на речке Белая Маза, где можно было найти и ужин, и кров над головой. Но ночь окутала берег быстро, как-то вдруг, и продолжать путь в кромешной тьме по зарослям и буреломам было невыносимо. Спустившись на песчаную отмель к Волге, кузнецы развели костер, вскипятили в котле воду, бросив туда щепоть соли и горсть полбы.

Мерный шепот вползающих на песок волн успокаивал и навевал дрему. Так у костра они и закончили этот день, оказавшийся столь богатым на события.

Утро у воды показалось холодным, и потому все проснулось с первыми проблесками зари. Костер давно потух, лишь от брошенной ввечеру в огонь коряги еще поднималась струйка дыма. Есть не хотелось, и все согласилось без промедления двинуться в путь. Теплым парным молоком с ароматным только что выпеченным ржаным хлебом их накормили уже в монастырской фактории на тихоструйной лесной речке Мазе. Узнав от служки об архимандричьем повелении, дали хлеба и на дорогу, заодно указали тропу к верховьям Черной Мазы, проложенную наемными работниками к санным поездам-покосам и бортному уходу, где диких пчел приучал молодой монах, в прошлом бортник, Изосима. Он согласился проводить Федора Бобра с сотоварищами до своих заветных

* Струг — большое парусное судно, поднимавшее до 20—25 тыс. пудов груза.

* Завозня — лодка для завоза вперед судна якоря с канатом. Выбирая его руками, рабочие продвигали судно против течения по глубоководью реки.

* Наплавом — своим ходом по течению.

* Дельный двор — отдаленный от монастыря хозяйственный комплекс со скотным двором и жилыми строениями, с поездами-покосами и пашней.

Русское село на берегу реки. С рис. А. Мейерберга. 1661 г.

мест. Продвигаться вперед стало особенно трудно, когда путники отошли от берега Волги. Здесь еще не ступала нога человека. Подернутые мхом, чавкающие болотным газом трясины чередовались с занятыми высокими соснами и елями грядами-раменьями. Березняк у подходов к ним стоял безлистный, голый, гнилой. Выживали здесь лишь могучие деревья, тянувшиеся кронами ввысь, к самому солнцу. Другие же, не достигнув зрелости, в тени великанов чахли, смрадно гнили и рушились, увлекая за собой поросль. Так было здесь из века в век. Теперь путникам нередко приходилось прорубать просеки сквозь эти завалы и бурелом.

Федор Бобер пристально приглядывался к илистой воде Черной Мазы, особенно к ее берегам. Степан впервые участвовал в поисках железной руды

и потому с особым вниманием вслушивался в пояснения рудознатца.

— Ищи воду ржавую. Там вблизи и есть руда. Не забывай про ил. Если вода в речке черная, торфяная, хоть и ржой покрыты берега, — руды немного. Высматривай выходы красного ила. Но и это не все. Отыскивай рядом березняк или осинник. Из-под них руда даст железо вязчее, дельнее. Добытое же под ельником и орешником железо будет жестким и ломким. С этого начинается рудознательство, с этого и успех или неудача в деле бывают. Еще отец и дед мой так говаривали!

— Так что ж мы не останавливаемся для пробы? Смотри, мастер, как покраснело у воды, — забеспокоился Степан, вглядываясь сквозь кусты в почти незаметные в зарослях осыпи берега.

— Вода черна! А на берегах нанос осел. Где-то выше руда. Туда идем,— ответил Федор Бобер.

Лишь на второй день вышли к березняку, разросшемуся по всему болоту и всюду окрест. Черная Маза текла здесь ручьем, а деревья не поднимались выше трех-четырех сажен, словно сама земля сдерживала их рост. Лишь два-три небольших сосновых островка темнели на фоне этой белизны.

— Вот, кажись, и пришли! Когда-то с отцом бывал здесь малолетком. Вон там, под соснами, должна быть и яма рудни. Иным тогда мне гляделся лес, а вот березовое поле все такое же. Только, поди, уж дети виденных нами тогда берез стоят?

Кузнецы вскоре добрались до заросшего на удивление ровными по высоте молодыми сосенками холма. С одной стороны его действительно нашли две затянувшиеся осыпями ямы.

— Тут и будем жить,— сказал твердо Федор.— Крайнюю яму зимницей* сделаем, а ту под рудню* определим. Сегодня отдых да устройство, а завтра — за дело. Рубить деревья будем подряд — и дровяной, и строевой лес надобен, но главное — откопаем просторную зимницу, чтоб пол и потолок накатные были, иначе в холода простуда на болоте одолеет, дождями сверху зальет. Когда-то мы с отцом, почитай, все сосны здесь перевели, две-три на развод оставили, а вот, поди-ко, вновь поднялись целой семьей.

Жизнь — она без конца: деды в мир иной отошли, наших отцов оставили, мы умрем — вы наше дело кончать будете,— Федор дружески хлопнул Степана по спине, широко ему улыбнулся, словно душой успокоившись здесь, среди мира белоствольных берез и тишины. Все беды и тяготы отошли куда-то в прошлое, впереди ждала только радость напряженного, но свободного труда и душевное отдохновение от унижительных окриков вотчинного приказчика.

Следующими днями они рубили на подсохшем к середине лета болоте березняк, снимали дерн, под которым обнажались пласты красной по цвету земли. Федор Бобер вырыл несколько

* *Зимница* — временное жилье в лесу на период зимы (лесорубов, угольщиков, рудознатцев) в виде полуземлянки с бревенчатым накатным потолком.

* *Рудня* — место выработки сыродутного железа.

* *Изгарина на изломе кирпича*.— В древние времена при обжиге кирпича получали сразу три его сорта: железняк — с почерневшей серединкой (изгариной), красный и розовый. Самый прочный кирпич — железняк — шел на выкладку наиболее ответственных частей здания: наружных стен и сводов.

* *Домница* — выложенная из кирпича и обмазанная глиной печь с мехами для нагнетания снизу воздуха. Предназначалась для выварки из болотных руд кричного железа.

* *Письмо на бересте* — известно с древнейших времен. Берестяные грамоты XI—XII вв. найдены в Новгороде Великом, Старой Ладогe и других древнерусских городах. Письмо на бересте в быту русских людей сохранялось вплоть до XVII в.

далеко отстоящих друг от друга ям, и повсюду рудный пласт достигал высоты человеческого роста. Здесь можно было добыть действительно многие тысячи пудов железа. Требовалось лишь для опыта выварить и опробовать его на качество в изделии.

Пока Сергунка накапывал кучи из взятой с берега Мазы глины, Федор Бобер делал кирпич, просушивал его под навесом, а затем обжигал до изгарины* на изломе. Только из опробованного на прочность кирпича кузнец выкладывал горн и рудню. За приготовлениями прошел месяц.

Конец августа 1650 года выдался жарким. Редкими временами наползали на небо белые барашки туч и на иссушенную землю выпадали короткие дожди. Все способствовало делу, и потому Федор Бобер готовился тщательно к первой плавке, хотя и требовалось железную руду выдержать на воздухе месяц-другой, а затем еще и прокалить в костре. Необходимые для плавки два ручных воздуходувных меха, а равно и небольшую наковальню с большим и малым молотами, кузнецы привезли с собой, березового же уголья вдосталь нажгли в кострищах. Задержек не предвиделось.

В начале сентября зажгли первую домницу*. Федор Бобер стоял у горна, а Степан и Сергунка безостановочно работали мехами. Разложенная на древесном угле руда при поднятии температуры сначала окрасилась

в рыжий цвет, а затем покрылась белым налетом и потекла струйками восстановленного металла, спекаясь внизу в крицу. Затем округлый кусок металла с вкрапинами шлака несколько раз накачивали уже в кузнечном горне и каждый раз проковывали. Только после этого Федор Бобер и Степан отковали три полосы опытных сабельных клинков, опуская их временами в расплавленное масло.

На пятый день опробовали клинки на прочность. Первый от удара со всего размаха о камень разлетелся в куски. Второй, закаливаемый особо, враз перерубил ствол молодой березы, при ударе же о камень высек сноп искр, получив лишь зазубрину, а со взмаха могучего Степана — надвое развалил другую крицу. Железо получалось действительно на удивление добрым. Хотя это был только опытный образец, можно было сообщать в монастырь об успешно начатом деле и вызывать кузнецов для продолжения работ.

Целый вечер Федор Бобер натруженными, плохо гнувшимися пальцами выводил ножом на бересте* буквицы, а затем к грамоте приложил и завернутую в холстину полосу клинка. На следующий день утром Сергунка на лошади двинулся в обратный путь, ориентируясь по оставленным на деревьях зарубкам.

Вернулся Сергунка недели через две. Следом шли пятеро монастырских кузнецов и трое

служек, посланных архимандритом для подсобных работ. Каждый вел по груженой тюками лошади, на двух виднелись еще и тележные колеса — предстояло возить руду из выработок к домнице с дальних мест.

В монастырской грамотке Иларион благодарил рудознатцев за верную службу святой обители, хвалил клинок и благословлял на дальнейший путь-поиск. Лишь настрого наказывал не разглашать целей экспедиции случайным встречным, ибо в Лыскове уже хватились рудознатца и Степана боярские приказчики.

— Уж не бежали ли холопы? — всполошились они. — Аль затеяли что неладное, раз скрываются от глаз людских безвестно.

Главный лысковский управитель боярина Морозова Поздей Внуков успокоился только тогда, когда в срок, к 1 сентября, жена кузнеца принесла за обоих все положенные 13 рублей оброка. Но, выдавая отписку, он все же долго допытывался у нее о месте пребывания рудознатца.

— Откуда мне знать о мужниных делах? Обычное дело, что месяцами пропадает в наймах у богатых заказчиков. Вот и задаток принес для уплаты оброка. А где он, не ведаю.

А за Волгой к этому времени на холме, под поредевшей купой сосен, непрерывно дымилась домница. Было достаточно для начала работ и руды, насыпан-

ной горами вблизи. Выработки на болоте заливало водой, поэтому в них ссыпали оставшиеся от выварки железа изгарины и шлак, чтоб со временем затянуло их илом и сгинули навеки отходы трудов человеческих в природе.

Федор Бобер успевал повсюду: и у горна, и у выработок руды, на лесоповале и у угольщиков, давая советы, как сподручнее вести работы. Он спешил наладить выплавку железа и до первых белых мух выйти на поиски новых руд.

— Как под снежным покровом искать? Да и идти по примерзшим болотам опаснее, — говорил он сотоварищам, торопя их со сборами.

Со становища вышли в первых числах октября утром. Под ногой похрустывали схваченные первыми ночными заморозками зеркала открытой воды. Трава пожухла, но яркое цветие убранства берез и осин оставалось в полной силе. Лишь порывы сиверка*, обнажая ветви, срывали листья, горстями бросали их путникам в лицо, устилали желто-красным ковром землю. Стояла звонкая пора поздней осени, но участвовавшие ночные холода с морозящим мелким дождем сулили скорое приближение зимы.

Рудознатцы шли вдоль песчаной гряды на северо-восток, все далее отклоняясь от волжского берега. Было здесь мно-

* Сиверко — резкий, холодный северный ветер.

жество безымянных ручьев, моховых болот и распадин со стародавними завалами гниющих деревьев.

Несколько раз пытались они копать в, казалось бы, рудных местах, но дело выходило обычно не стоящее, и лагерь снимался с места. На десятый день пути, ввечеру, рудознатцы вышли к большому круглому лесному озеру и были поражены обилием отдыхающих на нем диких лебедей и уток. Грациозные белые птицы ничуть не испугались людей и подпустили их близко. Мирная тишина, нарушаемая лишь утиным гомоном, соседство такого множества непуганых красивых птиц, доверчиво принявших человека в свой мир, вызвало в душе Федора Бобра ответную доброту. И потому, когда Сергунка взялся было за лук, чтоб подстрелить для ужина пару откормленных селезней, рудознавец вырвал из его рук стрелы и в сердцах поломал их о колено.

Берег был низменным и топким, а противоположная сторона озера поднималась на фоне быстро черневшего неба утесом. Но выбраться на сухой песчаный холм оказалось непросто. Много раз они вязли в протоках, подкладывая под копыта лошадей шкуры, и на твердой земле оказались только тогда, когда лес окутала плотным покрывалом темнота и клекот птиц стих на озере.

Они не могли обсушиться и обогреться до полуночи. Зуб

на зуб не попадал у путников, пока, закутавшись в шкуры, они не заснули на еловом лапнике возле кострища, сложенного в виде сруба с продухами. Ночью неоднократно всхрапывали лошади, видимо, чуя хищных зверей, испуганно жались к людям, хотя по берегу озера было вдосталь сочной травы. Вдали слышался вой волков, а в зарослях то и дело хрустел подминаемый крупным зверем валежник. Тогда рудознатцы брали в руки ружья... Так, не выспавшиеся от холода и ночных страхов, они и встретили утро.

Туман окутал озеро плотным белым покрывалом. Он скрыл не только дальний, но и ближний берег, белым налетом крупчатой изморози осел на вьюках и гривах лошадей. Выгоревшие изнутри деревья еще давали тепло, и брошенные внутрь кострища сучья враз запылали. Быстро съев заваренное в кипятке толокно, рудознатцы разошлись по разным сторонам для обследования окрестностей.

К полудню они нашли красный от обильной ржавчины ручей, а недалеко и низкорослый осинник, под которым при снятии дерна сразу же наткнулись на болотную руду. Красноватая земля оказалась и на дальних концах рощицы. Было решено вдвоем до зимних холодов спешно копать руду, а сам Федор Бобер приступил к изготовлению кирпича и кладке рудни-домницы.

Как и в прошлый раз, дело спорилось, хотя холод и дождь со снегом и ветром загоняли работников надолго в срубленную наспех зимницу. Ради тепла постоянно жгли сухие дрова. Для выхода дыма в лубяную кровлю вделали дымницу, прикрыв ее вырезанной самим Федором из корневища старой ели головкой остроухого конька-обериги, смотревшего по традиции на восток, в сторону утренней зари.

В такие долгие дни много говорили о прошлой жизни. Чаще всего рассказывал старый кузнец, много повидавший на своем веку. Видел он и возобновление Макарьев-Желтоводской обители.

— Как-то в Лысково прибрел из Терюш инок, назвавшийся Авраимом. Был он прост и велеречив, все рассказывал про чудеса да сон необычный — будто господним наказом велено ему возобновить обитель святого Макария. Как было не порадовать для доброго дела? Мы с отцом и повезли его за Волгу к устью Керженца, показали в лесу оплывшие ямы когда-то стоявших там келий и дубовый подгнивший столб-голубец* над могилой высеченных татарами первых иноков, поставленный, по преданию, самим Макарием перед тем как уйти на Унжу-реку. Откуда нам было знать, что с Авраимом к нам пришла беда? Всем миром срубили ему часовенку да и келью при ней. Авраим говорил, что иноческий подвиг пустынного жития на себя наложил. Да

не тут-то было. Уже несколько лет спустя сошлись к нему до пятнадцати человек, собор шатровый Троицы срубили, а сам Авраим зачастил в Москву да в Нижний Новгород. А в 1627 году нам, лысковчанам, в съезжей избе объявили патриарший указ, чтоб за Волгу про дровяной и хромный лес без повеления властей Макарьев-Желтоводского монастыря не въезжали и плотов по Керженцу не гоняли. Да и переправа через Волгу стала теперь монастырской. За все черныяники требовали деньги. Раньше лысковчане брали на оброк Великовский и Отрепьевский бортные ухажья, а вскоре оказалось, что и они стали владением обители. Мы, кузнецы, из века в век за Волгой руду по болотам добывали, так теперь и нам запретили бывать там. Сколько еще бед всяческих спытали мы от соседства со святой обителью? Везде их власть! Во всем оказались монастырю обязаны! Вот так-то.

— Вишь как ловки, черныяники, ныне и мы в служители монастырские нежданно попали. А что из того будет — кто ведет? — не на шутку затревожился от рассказа старого кузнеца Степан.

...В конце декабря рудознатцы задули новую домницу. Из полученного первого металла откова-

* Столб-голубец — имел вид резного дерева — «теремка» под двухскатным покрытием с иконкой. Они ставились в древности как памятные знаки, а раскольниками — как надгробия.

ли две сабельные полосы и, наспех приладив к крестовине вырезанную из елового корневища рукоять, стали опробовать свою работу. Сабли легко перерубили с размаху молодые осинки. Но при ударе о камень-дикарь разлетелись на куски. Целая неделя ушла на изготовление и закалку новых клинков. На сей раз металл был стойким, но вязким. Клинки не ломались, а зазубривались и гнулись. Однако железо вполне годилось на связи, оконные решетки и другие части каменных зданий.

Откованные три секирных топора и сабельная закаленная полоса удались на славу. Их не стыдно было показать людям. Привезенная провизия давно кончилась, равно как и мясо подстреленных на озере кабана-секача и двух медведей-одногодков, вышедших на свою беду на стан. Лошади, питаясь вмерзшим в лед заледелым осоком, спали боками. Пора было возвращаться домой, тем более что днями метель навалила высокие сугробы и кто знает, сколько еще их навалит впредь. Решили следующим днем идти в сторону Волги, где можно было встретить людей.

Как и прежде, впереди шел Федор Бобер. Сапоги рудознатцев от постоянной сырости давно развалились, и перед выходом со становища пришлось изготовить из вывернутых наизнанку медвежьих шкур нечто вроде портов, только с подошвами, обделанными сверху кожаными чулками. Остроконечные меховые кол-

паки-треухи с ниспадающими на плечи полями не только защищали голову от дождя и снега, но были незаменимы также для сна в снегу. Новый наряд выглядел смешно, но был удобен для хождения по снегам и болотам.

Люди и лошади с кладью тянулись цепочкой. Первому было всего тяжелее. Ему приходилось грудью раздвигать снег, прокладывая остальным путь. Отряд двигался медленно, часто останавливаясь на отдых, постоянно меняя впереди идущего. Так шли пять показавшихся особо долгими дней, пока не выбрались на крутой обрыв волжского берега.

Волга под снегом лежала ровной. Вдоль противоположного берега видна была лента санного пути. Пока путники отдыхали, дважды появлялись на нем крытые возки, уносившиеся вдаль с перезвоном поддужных колокольцев. Однако на дорогу мастера решили не выходить. Жилье было рядом. Справа уже виднелась главка какой-то сельской церковки. Исхлестанные дождями и ветром, оголодавшие и одичавшие за почти полгода лесной жизни рудознатцы только сейчас до конца ощутили тяжесть своей усталости и острой тоски по людям.

К ночи вышли они к клетской церквушке с одной лемешевой главкой, стоявшей в центре небольшого села, оказавшегося Разнежьем — вотчинным центром обширных земель богатого и славного древностью нижегородского Благовещенского мо-

настыря. Засыпанные до крыш снегом избы роились вокруг церкви и трехжитийных с многочисленными прирубам хором, на воротах которых под почерневшей иконой в киоте тускло мерцала одинокая лампада. Село казалось вымершим. В оконницах изб нигде не мелькал свет, поэтому рудознатцы стали стучаться в калитку высоких хором, откликнувшихся сначала брехом сторожевых собак, а затем досадливым, заспанным голосом:

— Кого господь несет в столь поздний час?

— Пусти, господине, переночевать. Слуги мы Макарьев-Желтоводского архимандрита. Из лесу вышли после долгих скитаний.

— Как звать-то, странники?

— Я кузнец, Федором Бобром прозываюсь, а со мной кузнец же Степан Семенов да послушник монастырский Сергунка. Трое нас да лошади.

Приподнялась ставня небольшого оконца, строгий глаз оглядел людей, и только после этого стукнула щеколда и засов, закрипели ворота.

Дворник разбудил благовещенского приказчика, рассказав ему о неожиданных гостях. Поразмыслив, тот спустился из верхнего жилья к кузнецам сам, приказал приготовить для них войлоки для сна и ужин. Сняв шкуры, рудознатцы оказались в таком рванье, что сразу стала очевидной их долгая жизнь вдали от людей.

— Что ж привело вас в наши лесные вотчины? Аль несчастный

случай приключился, аль трудились где?

Вопросы приказчика были правомерными, а вот ответить на них, не кривя душой, оказалось не просто.

— Не обессудь, господине! Мы слуги монастырские и дело вершим по указу своих властей, что ж о нем говорить? А дело то простое — искали железную руду по Заволжью да почти без толку. Полгода в лесу провели.

— Так ли? Без толку? Вид у вас лесной, только людей удачливых! — заметил приказчик, испытующе глядя на мужиков. — Говори, кузнец, правду! Какая корысть от молчания твоего? Может, и нам помощь оказать сможешь без ущерба хозяйского? В Благовещенском монастыре, что в Нижнем Новгороде, третий год идут каменные работы. Железо возим, почитай, из Москвы, а может, здесь свое добыть пособней будет? Делом поможешь — наградим щедро. Верь слову моему!

Федор Бобер задумался... Действительно, просьбу макарьевского архимандрита выполнили с лихвой. Железа в монастыре теперь на все хватит. Почему же не помочь добрым людям? Да и награду сулят!

— Что ж, поискать руду можно. Только лета ждать придется. А найти меня просто. В Лыскове, почитай, всякий знает кузнеца Федора Бобра, укажут.

— Добро, кузнец. Так и отпишу, не мешкая, в Нижний Новгород. Жди лета, пришем за тобой.

— Скажи-ка, господине, не слыхал ли об озере лесном, где гуси-лебеди перелетные в пути кормятся? Дивным оно нам показалось.

— Как не слыхал! Нестиар-озером прозывается. Хаживают туда разнежские пушные добытчики. То вотчина наша исконная.

— Как так? — подивился Федор Бобер и глубоко задумался. Нежданно уж выполнил он будущую просьбу благовещенских властей, а как рассудят в Макарье эту весть?

— Господине, нижайше благодарим за хлеб-соль, приют-ласку, за беседу добрую — притомились мы да и тебя с постели подняли. Соснуть бы нам, а поутру не изволишь ли дать двое саней? Лошади у нас свои есть, но как на двух втроем ехать да еще с поклажей? Благодарны будем, а что вернутся они вскоре — в том не сомневайся. Будь доброй войти в нашу нужду!

— Ладно, ладно. Подумаю. Утро вечера мудренее.

Через день рудознатцы стояли перед архимандритом Иларионом в Макарьевском монастыре. Тот сидел в кресле в черной рясе, с усыпанной камнями пангией * на груди и раззолоченным посохом в руке. Изпод клобука * с крестом на челе

* Панагия — округлый нагрудный знак высшего духовенства, включающий изображение евангельского сюжета. Панагии украшались богато жемчугом и драгоценными камнями.

* Клобук — шитый из черной материи головной убор монаха.

выбивались белесые вьющиеся волосы, оттеняющие широкое смуглое лицо и строгие достающие до самой души глаза. Молча выслушав долгий рассказ Федора Бобра о скитаниях и работах за Волгой, о налаженной на озере Нестиар рудне, Иларион хотел было благодарить рудознатца, но, услышав, что озеро благовещенский приказчик назвал своим, вотчинным, задумался, прикусив губу.

— То не твое дело, а божье и государево! Суд назовет правого. Иди домой, заждались, поди? Деньги обещанные свои и сотоварища возьми. Видишь, ни в чем обмана нет. И подати светлему боярину Борису Ивановичу Морозову в срок заплачены! Отдохнешь недельку — вновь ждем на Мазе. Учить наших кузнецов рудному делу будешь! Железа наварили за осень много, только хрупко оно, не в пример твоему. Видно, секрета наши кузнецы не знают. Аль утаил что от них?

Федор Бобер нахмурился, не ожидал он попреков.

— Не хмурь брови. За вину то не почитаю. Мастерства иного наши люди, потому и нужен был ты нам, — примирительно проговорил архимандрит и махнул рукой, чтоб кузнец шел.

Спустя десять дней, февральским солнечным утром Федор Бобер выехал на монастырских санях по уже накатанному пути к истоку Черной Мазы. Здесь все изменилось. Березняк свели, почитай, весь. От сосен на холме осталось две-три. В болоте копошилось до полусотни работни-

ков. Две рудни надсадно гудели нагнетаемым мехами воздухом, дышали смрадной гарью.

Среди наемных монастырских работных были и люди со стороны, гулящие, охочие*, в том числе и подосланный прослышавшим о добыче железа за Волгой морозовским приказчиком Поздеем Внуковым крестьянин вотчинного села Покровского Васька-кузнец. Работал он здесь уже месяца два, а в день приезда Федора Бобра неожиданно исчез. Впрочем, беглых с рудных выработок было достаточно, поэтому это никого не насторожило. Только через два-три дня из Лыскова в Москву ускакал нарочный, увозя лично боярину Борису Ивановичу Морозову тайную грамотку: «За Волгою на реке на Мазе делают железо Макарьевского монастыря крестьяне: а мастер де у них вотчины вашей, села Лыскова крестьянин Федька Бобер да зять ево Стенька. А руда же железная от Макарьевского монастыря верст с семь; а емлют де руду в болоте; а тое де руды много в болотах, лежит де местами наверху, а не с одново. А выходит де у них из горна на сутки по семи криц и по восьми; а крица де у них ставитца по 4 деньги, а ис крицы де выходит по 4 прута железа; а прут де такой купить по торговому по 8 денег, и будет де у рудного дела прибыль немалая».

Весна была бурной. Под теплыми лучами солнца лед на

Ларец-теремок. XVII в.

Волге посинел, местами вздулся, и в начале апреля с шумом тронулся вниз. Лдины со скрежетом напозлали друг на друга, выталкиваясь на берег, срезали, словно топором; молодые прибрежные деревья. Поднявшийся паводок увлекал их и нес далеко в Понизовье.

Когда вода спала и Волга вернулась в свои берега, за Федором Бобром прибыла-таки из Разнежья лодья, а ночью, чтобы видело меньше любопытных глаз, рудознатец с зятем вновь отбыли за Волгу.

Однако на сей раз их отъезд не остался незамеченным. Уже утром следующего дня приказчик Морозова снарядил в Разнежье своего соглядата с наказом — высмотреть места добычи железных руд.

* Гулящие, охочие люди — отпущенники феодала на заработки.

Через полтора месяца из Лыскова в Москву уже доносили:

«Федор Бобер и зять ево Стенька обыскали близ вотчинного нижегородского патриарха домового Благовещенского монастыря села Разнежья большую железную руду. А мастеров де у них нет, а руда де лежит в стоячего человека; емлют де крестьяня Благовещенского монастыря тое руду, кладут в онбар, а железа де у них делать некому, обыскали де недавно».

Пока грамотка свершала свой путь по России, Федор Бобер уже дважды побывал в Лыскове и на макарьевской выделке. Однако пришедший в Лысково боярский указ изменил судьбу рудознатца.

Морозов требовал немедленно взять на оброк у властей Благовещенского монастыря разнежские рудные залежи, а Федора Бобра с зятем приказал приставить к работам на боярина, дав ему еще пятьдесят-шестьдесят человек работных. В конце же указа было приписано, а буде «у рудного дела прибыль большая, ино завести к рудному делу и сто человек».

Вначале Федор Бобер взялся за дело рьяно. Он уже ставил рудню, когда приказчик Морозова Поздей Внуков, считая это доходное дело своим, начал во все вмешиваться. Рудознатец отмалчивался, однако делал дело по-своему. Приказчик же злился и настаивал, даже батошьем грозился. Пока кузнец был надобен

для строительства рудни, угрозы ограничивались словами. Когда же Федор потребовал от рабочих для большей крепости будущего железа прокаливать руду на кострищах, приказчик запретил это, считая, что от этого произойдет задержка в получении металла. Ему не терпелось сообщить боярину о вываренных сотнях пудов железа и получить награду. Поэтому он приказал руду переносить к домнице прямо из болота, а для поднятия температуры в горне свыше мер — приставить дополнительные воздуходувные меха.

Руда едва отдавала металл даже тогда, когда к домнице перенесли все меха и от внутреннего жара начал потрескивать кирпич. Наконец рудня не выдержала чрезмерной нагрузки и с грохотом развалилась. В полыхнувшем пламени сторели все изготовленные к работам меха. Дело остановилось совсем. В просчетах при строительстве домницы и в нерадении боярским добром был обвинен приказчиком Федор Бобер. Ему тотчас дали пятьдесят ударов палок. Приказчиьи слуги поусердствовали перед хозяином, и уже на козлах Федор Бобер закашлял кровью.

Запоздало приказчик понял, что перестарался. Стремясь хоть как-то исправить положение, на исходе 1651 года он послал в Москву донос и отчет враз:

«Рудню бы доделали ноября в 21-м числе, да за тем дело стало — начала Волга ставитца и за

Волгу де лошадьми и пешим перейти никак нельзя, лед не перепустит. А рудник де Федор Бобер глуп и упрям, сколько де ни делает, все портит и людям де моим воли не дает; а руды де и угля припасено много, а как де Волга станет и тово де часу опыт учиним».

При этом просил прислать спешно в Лысково опытных рудознатцев из подмосковной Павловской вотчины боярина.

Кузнецы, поднимавшие новую рудню у Разнежья, почасту засиживались у больного Федора, расспрашивая, как лучше вести кладку сводов горна с железной решеткой, как пробовать кирпич на прочность для внутренней обкладки печи. Федор Бобер дважды пытался руководить строительством домницы прямо на месте, но, как только оказывался на холодном воздухе, заходил от кашля.

В последних числах 1651 года в Разнежье прибыли трое поляков: Остафей Сущевский, Мартын Башинский и Яков Сопотцкий, которым отвели новую просторную избу на высоком подклетье с изразцовой печью посредине, с красными стеклячатыми, редкими тогда оконницами. На широком дубовом столе сразу же появилась сулея с вином и кадь * пива — по боярскому указу рудникам-иностранцам предписывалось давать ежедневно по две чарки вина и вдовсталь пива.

Нужда в Федоре Бобре отпа-

ла, и морозовские приказные забыли его совсем. Лишь Степан исправно навещался к нему вечерами, рассказывал, как поляки указали развалить почти готовую домницу и начали возводить ее на особый манер. Только что не заладилось у них. Выкласть-то выклали, трубу ввысь подняли, а тяги нет. Даже сухие дрова с трудом горят в горне. Какое уж там железо варить?

Работы в который уже раз остановились. Степан, отпросившись на два-три дня домой, закутав рудознатца в шкуры, повез его на санях в Лысково.

Жена и дочь Федора заголосили, едва узнав в осунувшемся почерневшем больном мужа и отца. Пытались поить его настоями трав и парить в бане, но кузнец угасал день ото дня...

Провожали Федора Бобра на погост единственной в селе каменной Троицкой церкви всем миром. Многие пришли проститься с рудознатцем, трудами которого в год-два было задумо по заволжским лесам столько домниц. Уж не было нужды закупать уклад-железо в Нижнем Новгороде или даже в Туле. Свой металл был столь же добрым. Памятником рудознатцу оставались за Волгой рудни, которые еще долгие годы давали в XVII веке железо местным мастерам.

* Кадь — большая деревянная посуда, в которой при сельских сходбищах на стол подавалось пиво или квас.

ЗОДЧИЙ- КРЕСТЬЯНИН ИЗ КАДНИЦ

Молчаливые вестники далекого прошлого причудливые руины древнего Островоозерского Ворсменского монастыря притягивают воображение каждого, кто знаком с живущими в народной памяти преданиями и сказами об этих местах. Быль и вымысел, сплетаясь воедино, создают вокруг памятника ореол таинственности и необычности. В осыпавшихся от времени и людского небрежения каменных строениях сейчас с большим трудом угадывается бывшее величие, однако до сих пор здесь поражает путников огромный труд явно одаренных людей, некогда воздвигших эти мощные стены с арочным проходом к воде, этот храм над воротами и грозную башню.

Когда-то монастырь удивлял современников своей неприступностью, воспринимался ими как настоящая крепость... Он был построен в конце XVII века. Руководил строительством и осуществлял его по своим росписям и чертежам крестьянин-зодчий приволжского села Кадницы Павел Сидорович Потехин. С его именем в середине XVII столетия в национальном зодчестве был связан наивысший расцвет так называемого узорочья. Этому архитектурному направлению была свойственна причудливость форм, сотканная из тесаного и формованного кирпича, резного белого камня и полихромных изразцов. В последние десятилетия XVII века в художественной жизни России произошли существенные изменения, утвердилось новое направление — барокко. Интерес к узорочью упал. Архитектурный же ансамбль Троицкого Островоозерского монастыря стал «лебединой» песнью поставшего зодчего.

страшной и кровавой для боярства была весна 1682 года. Умер бездетным царь Федор Алексеевич. При слабоумном и полуслепом его брате Иване и малолетнем Петре власть захватила, воспользовавшись захлестнувшим Москву народным бун-

том, Софья. Стрельцы совместно с посадским людом громили приказы и боярские усадьбы, рубили ненавистных полковников и именитых бояр. «За великие обиды и многие неправды» составшие до смерти забили главу Стрелецкого приказа Юрия Долгорукого, князя Григория Ромодановского, братьев царицы Ивана и Афанасия Нарышкиных и многих иных, вины которых перед народом, на медных листах писанные, выставили для памяти на Красной площади, на особом кирпичном столбе. Хозяином русской столицы, хоть и временно, стал московский люд.

Все это «бунташное» время осиновым листом дрожало за свою жизнь, сидя в потайной горенке кремлевских родовых палат, новоизбранный боярином Михаил Яковлевич Черкасский. Лишь за несколько недель до этого, 26 февраля, зачитал разрядный дьяк Василий Семенов в теремах ему боярство, да вот надо ж? «Теперь дрожи за то?» — с ненавистью и злобой шептал боярин.

Хоть и увели стрельцы с боярского двора скаковых лошадей-аргамаков, пограбили казну сокровищницы, но самого хозяина искать не стали. Так и хранился он больше месяца в подклетье, не видя ни ясного весеннего солнца, ни лунного скудного света. Дал тогда со страха боярин зарок-обет — коль останется жив, отстроить свой кремлевский дворец наподобие крепости с глубокими потайными схоронами, а в честь Троицы-

заступницы воздвигнуть каменный монастырь в нижегородской вотчине.

Дать-то обет дал, только скоро забыл — лишь усмирен был бунт московский. Так всему и оставаться бы, не случись на исходе 1687 года в Островоозерском монастыре пожар. Дул осенний резкий ветер, и в час-полтора огонь спалил все немудрящие деревянные строения обители, оставив погорельцев-монахов на грядущие холода в одних келейных рясах.

Прибредший в Москву теперь уже бездомный игумен Яким рухнул боярину в ноги и слезно поведал о случившемся:

— Прости, пресветлый князь-батюшка Михайла свет Яковлевич, что не уберег твое родовое моление! Да, видно, господь прогневался на нас! Нет больше Островоозерской обители. Разошлась братия с пепелища по дальним монастырям. Лишь мы с юродивым Пахомием едва добрались до первопрестольной Москвы пред светлые очи твои! Прости, коль сможешь, и помоги! Помоги Христа ради, во имя памяти основателя обители, твоего батюшки Якова Куденетовича. Век молиться будем за благодетеля перед всевышним. Сторицей вернется поданное! — так нараспев говорил униженно игумен и все бил и бил поклоны, не поднимаясь с колен перед сидящим за обильной трапезой боярином. Тот возвышался на резном с подлокотниками кресле в окружении разодетых в яркоцветный бархат спальников-слуг.

в переливающейся при каждом движении золотыми струями алой шелковой рубаше.

Боярин цвел от удовольствия. Не простой монах лежал перед ним — игумен и молил страстно о том, что Михайла Яковлевич сам обещал всевышнему! Да забыл в повседневной суете о том! Так что напоминание пришло вовремя. Вновь черные тучи собираются надо всеми: подрост и возмужал Петр, по-царски распоряжается со своим потешным воинством в подмосковном Измайлове. Раньше бояр-челобитчиков злой шутки ради репой обстреливал с редут, а теперь, говорят, пушки-то у царя Петра настоящие, со свинцовой картечью. Этого только самовластная Софья-правительница в разгульных утехах знать не желает, а день грядет неизбежный, когда сила на силу поднимется. Мечом и ружьями право на царство отстаивать им придется. А кто победит? — кто ведает. Тут как раз о себе заранее подумать не грех! Не задним умом — разумом крепко истинный хозяин. Может, съехать на время в нижегородские пределы? Повод подходящий подвернулся. «Быть от греха подальше — голову себе-

речь!» — пронеслась соблазнительная мысль в голове у боярина.

— Добро! Быть по тому, игумен! — заговорил он важно вслух. — Каменной обитель отстроим. Денег дам и мастеров своих родовых — Пашку Потехина с артелью. Слава гремит о них по всей Москве! Дивуются люди на храмы в подмосковных селах Маркове и Архангельском, а Троицу в Останкине почитают лучшей! Много в стольном граде в последние годы предивного построено. Походи — посмотри, а затем укажи подмастерью, что надумаешь повторить в своей обители. Я ничего не пожалею. Крепостью неприступной должен стать монастырь на Ворсменском озере. Сам буду навещаться к тебе на моление. Делай все спешно, а указ о том тотчас пошлю к приказчикам нашим и в Кадницы, и в Ворсму. Как прибудет в Москву зодчий — вызову. Тебе строить. Тебе и составлять договор с подмастерьем. Только рачительным будь! Строг спрос с тебя будет! — Не выдержало-таки напоследок собственной расточительности скупое от природы сердце боярина.

Зима 1688 года отстояла снежная, с долгими февральскими метелями. После них Москва казалась чисто прибранной и помолодевшей, словно боярышня в праздничном выходе. Из-под снеговых шапок выблескивали золоченые главки многочисленных приходских храмов, изразцовые пояса-фризы*, расцве-

* Изразцовые пояса-фризы — многоцветные изразцы. В России получили широкое распространение во второй половине XVII в. Тогда же мастера-керамисты стали изготавливать и специальные полихромные поливные фризy, которыми опоясывали верхние части храмов. Это придавало им яркоцветную нарядность, но было недорогим и несложным в изготовлении.

ченные всевозможными цветами красок ворота и крыльца усадеб московских купцов и бояр. Под стать дворцам-палатам яркоцветной была и толпа на столичных улицах и площадях.

Игумен Яким надолго прижился при боярском дворе Черкасских. Хотя было тесновато в отведенной ему совместно с юродивым Пахомием в подклетье горенке, зато кормили сытно и вроде бы не спешили согнать со двора. Целыми днями они с Пахомием ходили по московским улицам, любовались столичными храмами, дивились на их богатство и узорочье, забредали вовнутрь, чтобы обогреться.

Внимательно осмотрели величественный Успенский собор Московского Кремля — Большой собор, как называли его в народе, Покров на Рву, или храм Василия Блаженного, на Красной площади и выходивший почти на Никольский крестец Печатный двор с островерхими башенками ворот, покрытых с лица тонкой резьбой по белому камню. Но более всего Якима поразила благородством форм и устремленностью ввысь, тонкостью декоративного резного убранства и светлостью моленного зала только что заверченный Воскресенский храм Кадашевской слободы в Замоскворечье.

Якиму вдруг захотелось все это увидеть, хотя бы отчасти, в строениях своего будущего монастыря. Да как это сделать? Мыслимое ли дело?! Он с затаенной завистью продолжал осматривать улицы и площади Москвы,

превращенной многими поколениями русских зодчих, каменщиков, кузнецов, керамистов-разечников и плотников в истинное чудо.

Прошла весна, а за ней и все лето почти. Лишь в августе 1688 года посыльный вызвал Якима к боярину. У дверей верхней горницы встретил их в простом сермяжном кафтане каменщик. Русые вьющиеся волосы по челу перехватывал красный кожаный ремешок, а широкая подстриженная борода прикрывала могучую грудь. Было ему по виду за шестьдесят, но во всей фигуре чувствовалась недюжинная сила, спокойствие уверенного в себе человека. С ним и вошли к боярину. Черкасский быстро ходил по палате, каждый шаг отбивая серебряными подковками сапог. Громко наставлял их:

— Делай, как укажет игумен, как мера и красота тебе подскажут, — и пальцем ткнул в сторону Якима, который, осознав всю важность минуты, не знал, то ли благословлять ему боярина по правилам церкви, то ли кидаться с благодарностью в ноги, как подсказывал здравый смысл.

А Яков Михайлович, словно не замечая растерянности игумена, продолжал:

— Подрядный договор составьте по всем правилам приказа Каменных дел, чтоб был с пометой площадного подъячего и с послуховыми руками-подписями. Указанные же для повторения образцы московских именитых зданий осмотри и назови на бумагу для памяти. Див-

ным должен стать Островоозерский монастырь — во славу рода Черкасских. Надежным убежищем нашим от житейских бурь. Потому стены возводи с башнями, и пищали на них расставь. Пусть отливают их павловские мастера-оружейники. Приедешь в Ворсму, на план-чертеж положи остров и все будущие строения, чтоб и нам ведомы были помыслы ваши. Вести то каменное дело указую самым добрым мастерством, а буде где в 10 лет учинится какая поруха, починивать тебе, каменщик, своими деньгами и работниками. Так-то! Знай заранее — спрос с тебя будет особый!

Яким и радовался услышанному, и не на шутку начинал тревожиться: «Как все обернулось? Просил малое, а получает столь много, что и не ведомо — радоваться ли? Наказ-то подмастерью дается, а спрос с меня будет!» — По спине игумена пролилась предательская струйка холодного пота, словно уже раскладывали заготовленные впрок для него батоги.

Целую неделю ходили Яким и Павел Потехин по Москве, рассматривая образцы для повторений. Часто рассказывал игумен о своем прежнем бытие-жизне, о крае, который отныне повязывал общим делом их судьбы. Зодчий и сам был родом из нижегородского села Кадниц, что высилось на самой круче берега великой реки России — Волги.

Павел Сидорович поначалу все слушал, а потом, пообвыкнув, тоже рассказал о себе.

Родился он в Кадницах в 1621 году, в семье бобыля Потешки Леонтьева, известного в округе кузнеца. Село принадлежало боярину Федору Ивановичу Шереметеву, а пожаловано было его роду еще Иваном Васильевичем Грозным во время славных походов на Казань.

Кадницы расположились на берегу Кудьмы-реки тремя усадьбами. Самую вершину горы занимала рубленая церковь, своим стройным шатром, казалось, подпиравшая небо. Маковка церкви виделась издали, и когда мальцы убегали по грибы-ягоды в лес, то всегда потом выходили на нее.

Село было многолюдным — не счесть дворов, а внизу, под горой, каждую пятницу зимой и летом шумел торг. Приставали порой под берег и купеческие волжские суда. Тогда для покупок-обмена сбегался весь окрестный люд — из Кузнечихи и села Меленок, из Медведкова, что лежало на ключах у Хвощева врага. Для детворы в это время наступал раздольный праздник — уж обязательно кто-нибудь да угостит пряником медовым аль хлебом — не всегда бывал он в доме, хоть отец и работал неустанно с утра до вечера. Но никогда не горевал — не печалился Потешка Леонтьев: стучит ли огромным молотом по наковальне, греет ли добела железо в горне — все чего-то напевает, только зубы блестят на почерневшем от копоти и вьевшейся в кожу изгарины лице, всем улыбается приветливо. Потому и

прозвали его Потешкой, что не было в селе человека веселее и изобретательнее на забавы-потехи в зимние рождественские или летние купальские гулянья. Не обходились без него ни свадьбы, ни крестины!

Вот стали Шереметевы готовиться к строительству в Москве и в Казани своих кирпичных дворцов-усадоб. Кадницы всегда славились своими горшечниками и мастерами-резчиками по белому камню, которого было достаточно в окрестностях села, потому-то и набрал каменщиков боярин здесь. В строительную артель был взят и Потешка. Как обойтись без опытного кузнеца в каменном деле? А когда в сороковые годы боярин Иван Борисович Черкасский в Павлове-на-Оке задумал строительство кирпичной Спасской церкви, родственник Шереметев уступил ему на время мастеров. К тому времени и Павлуша стал помощником отцу, так вместе с ним и попал в Павлов острог.

Вначале кузнечных работ было много: ковали кирки и лопатки для каменщиков, цепи для шандалов * и связи в кладку, но сильнее всего манило Павла каменное дело. Под руками растет диво и жить ему в веках! Стал он приглядываться к работе мастеров-стенщиков, а потом и сам встал на строительные леса. Дело пошло, и со временем каменщики признали Павла сначала за своего, а потом и первенство его

* Шандал — светильник для множества свеч.

в делах. Тут несчастье случилось: поскользнулся подмастерье на обледенелой теснице лесов, упал наземь и разбился насмерть. По боярскому приговору работы пришлось продолжить Павлу. Прямо на строительстве доучивался он тайнам мастерства. Потому и столь долго, вплоть до 1666 года, завершали первый в Павлове остроге каменный храм.

За помощью-советом не раз приходилось ездить в Москву в приказ Каменных дел — благо его подмастерья не отказывали в совете. Но в убранстве храма все же хотелось выразить Павлу и свою память о красоте родной земли поволжской, необозримого ее приволья. Ковром из всевозможных рисунков, набранных из кирпичиков, покрыли стены и стройное пятиглавие, кокошниками увенчали четверик. Стал он виден с дальних подступов к острогу, а с Оки-реки тем паче. Потому-то и весть о нем разнеслась по России-матушке. В Москву стали вызывать артель, строила она родовые усадьбы бояр-родственников Одоевских, Черкасских и Шереметевых. Возглавлял эти работы уже по праву Павел Потехин. Так из кузнеца-помощника он превратился в подмастерье-каменщика. Теперь артель в Кадницы возвращалась лишь глубокой осенью, по завершении сезона работ, к самым зимним холодам, хоть и скучали без отцов-мужей чады-домочадцы.

Павел Потехин после своего рассказа стал ближе и понятнее игумену, с которым отныне им

Павлово. Церковь Спасо-Преображения (1643—1657 гг.) на Соборной горе.
Фото М. П. Дмитриева.

жить и творить суждено было вместе. Непонимание всегда во вред делу, помеха ему великая. Простые же слова рассказа обернулись залогом удач на будущее перед столь важным и ответственным строительством.

Августа 29 в год 1688 на Красной площади, близ Покрова на Рву, где с весны каждогодно собирався торг рабочей силы и заключались договора с подрядчиками-зодчими на строительство любых зданий: от многожильных хором-палат и амбаров до высотных храмов, — Павел Сидорович Потехин, игумен Яким и от лица Черкасских приказной ворсменской вотчинной конторы Афонасий Жохов заключили договор:

«Делать в Нижегородском уезде в селе Ворсме на острову каменное дело: соборной церкви быть на подклетах и ров и выбутка в ширину по 2 аршина, а в обресе стены — в полтора аршина, а окошка и меж окошек столбики и двери и рундуки как у Воскресенской решетки в Кадашове церковь, в красный пример пятиглавой.

Святые ворота стенами по 4 сажени, а с столбами и со входом в церковь и на колокольницу и к часам — 5 сажень, как у Покрова на Рву. На церкви ж колокольница с часами по мере, как на церкви было в Красном, и шатер и слухи как у Покрова на Рву. Около колокольницы ходы со спусками, двери и окошка, как в пристой. Да в ряд с воротами в одних стенах с приходу сделать две кельи с сенями и со своды

особыми. На уголках круглые башенки с шатриками небольшими.

Да позадь монастыря сделать задние ворота с главою по пристойности. И сделать то каменное дело в два лета или три, смотря по товару. Рядился я, Павел, от того от всего каменного дела 430 рублей, да запасу — муки аржаной 124 пуда, а лес подвязной и кружальной, и заступы, и что какова запасу ни понадобится — все боярское, а каменщики и работники все мои, Павловы. К тому каменному делу притти мне в нынешнем же во 1688-м году и делать самым добрым мастерством. А выше означенные образцы подлинно смотрел — Пашка Потехин.

Подписали: подъячий площади Тимошка Рыбкин вместо подрядчика Павла Сидорова сына Потехина по ево велению руку приложил, да послуховы руки...»

Так закончилось московское житье игумена и зодчего. Днями они выехали в нижегородские пределы вместе с обозом, привозившим на боярский обиход в Москву из павловских вотчин хлеб и мясо, масло и мед, изделия кузнецов и кожевников.

После пожара на Ворсменском острове прошел год, а повсюду еще виднелись следы бедствия: землю покрывали местами проросшие травой угли и черные головни. Лишь на дальнем конце мыса поднялась наспех срубленная поземная избушка, в которой продолжали жить два

инока, не пожелавших покинуть в годину несчастья родные места. Они встретили Якима слезами и стенанием — уж и не чаяли, что когда-либо свидятся.

С первых же дней возвращения игумен развернул работы. Жизнь на острове забурлила. Ворсменцы рубили в окрестностях вековые деревья, свозили бревна на берег озера, сталкивали их на воду и канатцами подтягивали через протоку. Радостно застучали топоры, и к концу октября на пепелище выросли три просторные на подклетах * избы. Одну из них занял игумен с монахами, другую — Павел Потехин с прибывшими для помощи из Кадниц сыновьями — Сергеем и Давыдкой. Третья предназначалась для артели будущих строителей и временно пустовала.

Не тратя зря времени, зодчий с сыновьями бродил по окрестностям в поисках залежей глины и необходимого для выкладки фундаментов и подклетий белого камня-известняка, хотя это обязан был заготовить и поставить к началу работ ворсменский приказчик. Но приходилось спешить: кирпич, камень и известь нужны были уже к грядущей весне.

* Изба на подклете — жилье, поставленное на хозяйственного назначения нижний этаж-подклет, где обычно располагались кладовые, хлев для скота, сени, погреба.

* Вертка известная — сложенная из белокаменных блоков круглая «печь» для обжига из белого камня — извести.

Поиски прервал неожиданно поваливший мокрыми хлопьями снег. Он в неделю покрыл землю толстым слоем, тяжелыми шапками пригнул верхушки не сбросивших листву деревьев. Березы и тонкоствольные осинки по ночам с гулким треском подламывались, оставляя здесь и там жалкие уродливые остовы.

— Прости, игумен, что помочь тебе не смогли! Не нашли мы камня, — сетовал Павел Потехин, вернувшись на остров, — хоть и говорят по деревням о добыче где-то под Ворсмой извести во времена, как строили Нижегородский каменный кремль. Поспрашивай сам, авось кто вспомнит! Ищите только ближе к озеру, аль по берегам лесных рек, чтоб способнее было по воде доставлять тяжелый камень к месту работ.

С тем и съехали каменщики в Кадницы. Но зимнее время не пропало даром. Прибывший в январе 1690 года в Москву игумен Яким доложил боярину, что в вотчинных его владениях нашли-таки старые ямищи с выработками белого камня.

Однако годится ли он к делу? Знающего о том человека в монастыре не оказалось. Да еще близ Борисоглебского погоста отыскалась заброшенная известная вертка *.

Когда в апреле 1690 года Павел Сидорович Потехин вернулся из Москвы, где подробно доложил боярину о замыслах и на рисунках-чертежах разъяснил, что и как будет строиться, остров было не узнать. Повсюду на гор-

бине высились горы бревен и тесниц, камня-дикаря и тесаных белых квадров. Запустения и тишины как не бывало, но пришлось ждать еще почти месяц, чтобы спала на озере паводковая вода, подсохла земля.

Только тогда сотни согнанных изо всех нижегородских вотчин боярина Черкасского крестьян и бобылей * по указу подмастерья стали копать глубокие рвы под фундаменты каменных зданий, бутить * их для надежности сначала дикарем, а затем и выкладывать ряды белого камня. Зодчий указал каменщикам вести кладку стен сразу в трех местах: поднимать ввысь мощный четверик проезжих ворот, над которыми со временем должен был встать стройный шатер колокольни, и две угловые круглые башни, чтоб следующим годом замкнуть келейными корпусами всю обращенную в сторону Ворсмы стену, превратить ее в подобие крепости.

Шестьдесят каменщиков с восхода солнца и до его заката изо дня в день работали на острове в течение двух лет. Много трудностей, и прежде всего нехватку кирпича, белого камня, извести и железа, пришлось преодолеть за это время зодчему. Но к исходу октября 1691 года святые ворота с храмом под колокольней, корпуса двухэтажных келий с теплой трапезной и угловые башенки со стройными кирпичными шатриками были готовы.

Для игумена, келаря и пяти монахов спешно отделали три

горницы с изразцовыми печами на первом этаже, другие же покои решили завершить отделкой в следующем году, хотя все стены снаружи и обелили, а кровли окрасили зеленой охрой. Извне же каменные строения казались совершенно готовыми.

На освящение храма, а заодно и для обзора своего родового моления в окружении многочисленной челяди прибыл сам Михаил Яковлевич Черкасский. Встречали его со стороны Павлова за околицей Ворсмы крестьяне всей округи. Такого еще не было, чтоб боярин лично навещался в эти далекие от столицы края.

Боярин вылез из кареты в золотой парчовой шубе и высокой горлатной шапке, тяжело отдуваясь после долгого сидения и поездки по тряской дороге — в рывках и ухабах, песчаных осыпях и топких гатях-настилах через болотины. Хотя Муромско-Нижегородская дорога и была одной из древнейших в стране, но за осень ее так раскатывали, что она становилась почти непроезжей.

* Бобыль XVII века — городской или сельский житель, не владеющий земельным наделом, а занимающийся исключительно ремеслом или торговлей.

* Выбутить — выложить белым камнем основание-фундамент каменного здания.

* Клир храма: священник, дьякон, звонарь и просвирница. В зависимости от «знатности» прихода и количества приделов в храме их число могло быть большим.

* Стихира — церковный, певчий стих похвального содержания.

Нижегородский Островоозерский монастырь близ Ворсмы. XVII в. Акварель Л. Даля

Игумен со всем клиром * благословил боярина и его свиту, окропил святой водой, а жавшиеся в сторонке монахи попытались нестройно затянуть величальную стихиру *, но смолкли, заметив, как брезгливо поморщился боярин, не глядя на них, двинул через подавшуюся в стороны толпу за приказчиком к паромной переправе.

Для боярина была приготовлена большая низкобортная лодка с цветным балдахином-навесом на корме. Рядом с игуменом оказался и Павел Потехин. Черкасский узнал его еще в толпе, а в лодке поманил пальцем:

— Справился ль, мастер, с наказом? Награждать тебя следует аль батожьем наказывать?

— В вашей воле я, милосердный князь-батюшка. Только трудились мы неустанно в поте лица. Два года назад здесь лишь пепелище лежало, а ныне — каменный город стоит во славу вашу!

Вода под дружными ударами весел вскипала за бортом, и лодка легко неслась по глади озера к острову. За песчаной отмелью поднимался холм, перегороженный от края до края линией отбеленных стен, упиравшихся в круглые башенки с амбразурами-прорезями боевых окон, с отблескивавшими поливной городчатой черепицей шатрами. По центру высились ворота с распахнутыми настежь створами и с живописным деисусным чи-

ном *. Над украшенным реющими по ветру цветными лентами и ширинками гульбищем поднимался четверик и восьмигранник с яркоцветным циферблатом часов. Колокола непрестанно лили малиновый звон *, стлавшийся по воде, и оттого сумрачный, хотя и без дождя, осенний день казался праздничным.

— С виду-то хорош! А как изнутри устроилось? Все ли достойно и по цене нашей немалой? — пробурчал будто про себя боярин, но так, что слышали это все. Ворсменский приказчик Афонасий Жохов съежился. Известно — на воре шапка горит. Именно он закупал строительные материалы и инструменты, рассчитывался от боярского имени с каменщиками и работными. Расплачивался хлебом, а записывал расчет деньгами.

«Мздоимство, явное мздоимство. Не свой же хлеб раздавал, а боярский, присваивая деньги. А когда и сколько? — поди подсчитай!» — Павел Потехин с осуждением взглянул на юркого, востроносенького мужика.

Боярина вывели из лодьи за руки на бревенной, покрытый крашенинным рядом * настил, поднимавшийся от самого берега до ворот. Черкасский ступал степенно. Трижды осенил лоб знаменьем, а сам все оглядывал придирчиво каменные стены.

Увидев рвы под фундаменты будущего собора, покачал головой:

— Что ж не успели начать собор как изначально мечталось?

— Задержка с кирпичом произошла да с белым камнем. Далеко возить приходится. Путь нет. Рук рабочих недостает. Мастера-каменщики вымотались. Всего за два года столь великое строение кровлей накрыли. Угодить-потрафить боярину-батюшке старались, — сдержанно, но с явной обидой ответил подмастерье.

— Так ли? Ой, каменщик, не гневи меня!

Павел Потехин совсем растерялся. Два лета работали без отдыха, все поспешая и поспешая. Думалось, доброе слово услышат, а тут — нежданно — негаданный гнев. За что? Аль злему навету внял боярин? Кто ж посмел лихое сказать?

Тут свое наветное слово и вставил приказчик:

— Сколько надобно рабочих — столько и даем! Ни в чем отказа мастеру нет! Да, видать, еще много лет мечтает он здесь на приволье и на обильных харчах жить. Нет радения в нем о боярской прибыли, а людей от-

* Деисусный чин — изображение Христа с предстоящими: богородицею и Иоанном Предтечей. Нередко к ним по сторонам попарно приписывались и другие святые.

* Малиновый звон — праздничный перезвон, в котором выверенные удары среднего колокола как бы перебивались малыми «завонными», создавая неповторимый ритмико-мелодический строй.

* Крашенина — окрашенное в один цвет и лощеное, домашнего производства льняное полотно.

* Без мотчания — без задержки.

рываем от пашни и ремесел. Сколько убытков несет от того хозяйская казна?

Боярин нахмурился еще более, однако произнес примирительно:

— Ладно, ладно! Почто лишнее говорить? Разные заботы ваши, только служите одному делу — славе рода моего! Ведите внутрь палат, далее поглядим.

Процессия во главе с боярином втянулась под своды святых ворот, а из проезда — через сенцы — в бесстолпную трапезную палату. Была она обширной, только не отделанной. Внутри отдавало сырой глиной и известью.

— Что ж не просушили стены в летнюю жаркую пору? Не радеешь, подмастерье, о хозяйском интересе. Верно подметил приказчик. Аль старость и немочь одолевают?

— Светлый князь-боярин Михаил Яковлевич! Всеми работниками торопились завершить второе житие палат под кровлю, чтоб до осенних дождей накрыть их. Разве можно в зиму под снега и течи кирпичные своды и стены раскрытыми оставлять? Так спешили, что ночами при факелах работали. Горек и напрасен твой упрек!

— Возражать смеешь, холоп? — гневно вскричал боярин. — Последний раз предупреждаю — не посмотрю на седины твои и прежние заслуги — засажу в поруб на цепь! Полной чашей изопьешь лиха от гнева нашего!

Через час-два в рубленых

игуменских покоях все накрыто было для обильного угощения боярина Черкасского и его свиты, а зодчего и каменщиков не позвали даже в сенцы. Утром следующего дня Черкасский уехал, не пожелав увидеть подмастерья. А через неделю посыльный привез в Ворсму боярский указ:

«Приказчику нашему Афонасию Жохову.

В нынешнем 1691-м году ноября 16 дня указали мы в Островоозерском святыя Троицы монастыре в строениях каменного дела быть в подмастерьях каменному каменщику Фетьке Перфильеву да с ним в товарищах Куземке Игнатьеву, а прежнему подмастерью Пашке Потехину подмастерьем быть за старостью не указал. А Фетьке Перфильеву быть в Москве в приказной нашей избе с чертежи и со сметной росписью немедля, чтоб каменному тому делу мотчания* и порухи не учинить».

Каменщики собрались в горнице у Павла Сидоровича Потехина к вечеру. На столе лежала нехитрая снедь: хлеб ломтями, вяленая рыба, лук с чесноком, тут же стоял огромный скобкарь-ковш пива с глиняными толстостенными кружками. Нежданной печальной вестью окончился этот строительный сезон, последний для известного русского зодчего, чьи палаты и храмы украшали многие города и веси России, а имя называлось в столичном приказе Каменных дел гордо. И молодым мастерам

указывалось знать возведенные им здания как лучшие образцы.

Павел Потехин держался бодро, хоть и горьким для него оказался указ вотчинника. Но более всего переживали за подмастерья старые друзья — каменщики, на глазах которых прошла вся его жизнь. С ним каждого связывали долгие годы напряженного труда. Не знал куда глаза девать вновь назначенный подмастерьем Федор Перфильев.

— Нет в том моей вины, мастер. Век тебе благодарен буду за опыт-науку, за доброту. Скажи — и откажусь возглавлять работы, хоть накличу тем гнева за ослушание. Выполню это — только скажи! — потупил он в искренней горести голову.

В ответ на жаркие слова Павел Потехин улыбнулся, дружески протянул Федору кружку.

— Новое извечно сменяет старое. Зачем печаль? К чему обида? Славно прожил я свой век, след добрый на земле оставил. Тебе ж продолжать начатое, а делать еще лучше, чтоб слава о русских мастерах из века в век

гремела на Руси и в иноземных странах. Сила в руках еще есть, глаза видят зорко. Так что сгожусь и в родном селе. Советом же моим не пренебрежете — рассчитывайте, коль трудно придется. Сколько весен отшумело над нашими головами и обелило их! Сколько бед-невзгод и радостей пережили вместе, потому и слово приветное за вас всех говорю, за дружбу и истинное мастерство! — так сказал, подняв свою кружку, старый подмастерье.

Утром следующего дня Павел Потехин выехал через Нижний Новгород в Кадницы, оставив последнюю памятку своим трудам на далеком острове Ворсменского озера. Телега натужно поднялась на холм, и с его высоты открылся отстроенный ансамбль. Издали линия келий, стен и башен казалась настоящей крепостью. Потом горбина холма спрятала низ каменных строений, затем шатры башен. Но еще долго была видна главка храма-колокольни, как бы посылавшая прощальный привет своему творцу.

ИЗОГРАФ ИЗ ПАВЛОВА ОСТРОГА

Добрый след на земле оставил изограф Оружейной палаты Московского кремля Никита Иванов сын Ерофеев Павловец. В муках и сомнениях рождалось его прозрение, чутким сердцем постигалось высокое мастерство, осторожно, шаг за шагом, преодолевал он многовековые условности средневековой живописи. Это был один из пионеров светского в своей основе начала в национальном искусстве предпетровской эпохи.

Память о художнике-чародеи через века пронес русский народ, сохранив для потомков в Государственной Третьяковской галерее в Москве и Русском музее в Ленинграде лучшие его произведения: «Троицу», «Богородицу — вертоград заключенный», «Георгия Победоносца» и другие.

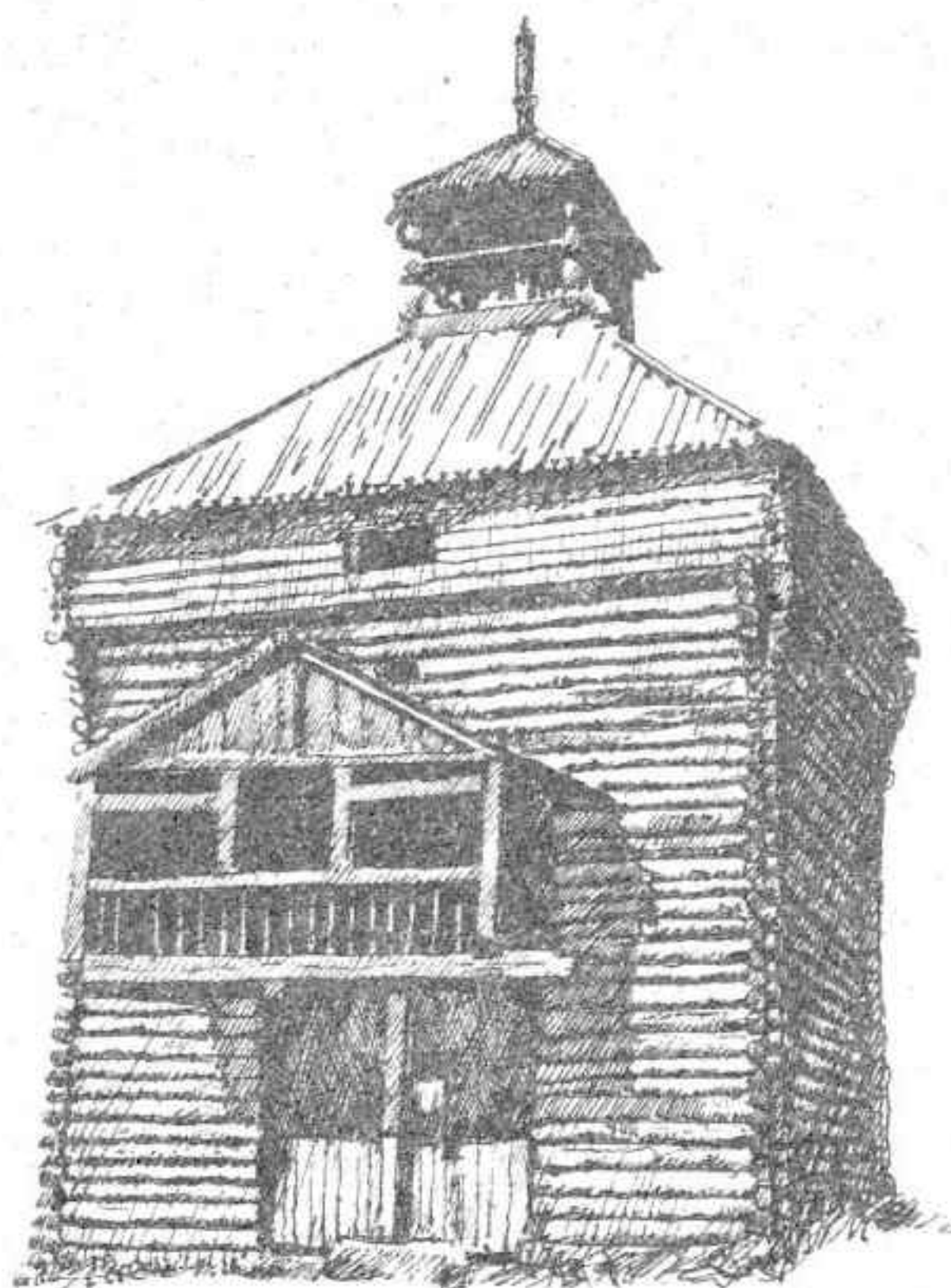

о скрежете распахнулись ворота Павлова острога, и стрелец выпустил с подворья князей Черкасских возок с двумя закутанными в медвежьей шкуры седоками. Возок трянуло, полозья соскочили с высокого бревенного настила острожного моста и, ускоряя

бег, заскользили вниз по оврагу, промытому речкой Таркой, обогнули рубленые стены крепости. Словно очнувшись ото сна, один из путников, Никита Павловец, повернул бледное лицо с воспаленными веками к Спасу, вззирающему с киота воротной башни на проезжих своими огромными недвижными глазами, и дрожащей рукой трижды сотворил знамение.

Тело наполнила боль. Казалось, шевельни рукой — остановится тяжело бьющееся сердце. Тогда для Никиты навсегда наступит ночь, подобная той, что провел он в затворе по приказу стрелецкого десятника, присланного из Москвы по именному царскому приказу: «...взять в Оружейную палату в иконописцы для его Государевых приказных и верховых иконописных прибылых дел крестьянина села Павлова иконописца Микиту Иванова сына Ерофеева для того, что прежними людьми дел великого Государя делать стало немочно».

Все отговоры одинокой старостью матери и хворью самого Никиты не подействовали на стрельца. Он даже приказал взять Никиту в затвор* боярского осадного двора, чтоб, случаем, тот не сошел в нети*, а сегодня увозил в далекую Москву, не разрешив на прощанье навестить старуху-мать. Десятник выполнял строгий наказ: «за крепкими поруки» привезти по зимнему пути иконника в Оружейную палату. Там его ждали спешные дела.

Башня рубленой крепости. XVII в.

Ямщик натянул поводья, когда возок ударился о ледяные торосы берегового припая и выскочил на скованную морозом Оку. В предутреннюю дымку отступили разбросанные по берегу кузницы и баньки. Лишь перезвон перечасья малого колокольца острожной церкви потревожил тишину, словно посылая Никите прощальный привет. Высокие черные стены и островерхие башни острога, удаляясь, еще долго виднелись на взгорье, пока их совсем не спрятала мгла.

Возок ходко катил по льду Оки к Мурому. Мерный хруст снега да гулкие удары лошадиных подков по чистому льду навевали дрему, и, сменяя одна другую, картины прошлого проносились в памяти Никиты...

Вот он мальцом с дедом Ерофеем переправляет в лодье за

Оку в Тумботинские поляны на покосы крестьян и, пока ждут возвращения косцов, до позднего вечера рвут по колким кустам малину и смороду. Потрескивание костра и пряный аромат закипающей в котле ущицы располагали деда к воспоминаниям. И, уступая настойчивым уговорам внука, он заводил рассказ о давнем: о походах государя-царя Ивана Грозного под Казань — дед участвовал в них еще молодым воином, вспоминал о битвах на западных рубежах с ливонцами, о ранах, полученных там, и о поселении в 1564 году на излечение в новопостроенном для охраны переправы через Оку Павлове остроге. Защитники Русской земли в бывальщинах деда рисовались Никите богатырями. Плечи девяностолетнего, но еще крепкого деда Ерофея от таких рассказов, казалось, расправлялись, а глаза по-молодому блестели на его морщинистом лице.

* Затвор — рубленая из толстых бревен клеть для тюремных сидельцев.

* Сойти в нети — бежать.

* Иконописная прорись — лист с графическим изображением сюжетов будущих икон.

* Предстоящие — стоящие возле центральной фигуры.

* Кбрзно — яркоцветный плащ-накидка с застежкой-фибулой на одном плече.

* Резные подзоры постенных лавок. — В древнерусском жилом помещении по стенам стояли широкие лавки, которые использовались не только для приема гостей, но и для сна. Нижняя часть лавок и ножки обрабатывались резным узором и порезками.

Часто вспоминался и образ отца. Иван Ерофеев сын был известным в округе иконописцем. Сколько себя ни помнил Никита, он всегда видел согбенную спину отца над большими и малыми досками, которым под рукой мастера суждено было становиться святынями. Слева от иконописца лежали бумажные листы прорисей* с изображениями святых, а справа — кисти в поставце и множество горшочков с разведенными красками. Для Никиты это был особый мир со своим запахом, сосредоточенной тишиной и волшебными превращениями. Колеблющееся пламя свечи выхватывало немигающие глаза святых, вознесенные к ним руки предстоящих*, тончайший рисунок убранства оружия и оторочки корзно* небесных воинов.

Наблюдать за руками отца Никита мог часами. Иногда ему казалось, что лики оживают. Они наполняли горницу своими головами, слышавшимися то в завывании ветра по застрехам чердака, то в ударах снежной крупы по бычьему пузырю волоковых окон. В отличие от других изба иконописца имела при входе в жилую горницу большую печь с лежанкой и топилась «по белому». Вдоль стен тянулись широкие полавки с резными фигурными подзорами*. Толстые, пробитые мхом бревна сходились в красном углу, где над лампадой рдел ряд икон без киотов. Здесь же, у специально прорубленных в обеих стенах красных окон, работал иконописец. Долгие вечера выстаивал он перед лампадой на

коленях, шепча молитвы и отбивая нескончаемые поклоны перед началом росписи каждой новой цки *. Потому, должно, и слава о чудодее разносилась далеко по русской земле, достигла она и стольного града Москвы.

С трех лет Никита помогал отцу растирать в медной ступке краски и разводить их на яичном желтке в глиняных цветных горшочках. Отец позволял ему иногда брать и серебряную палочку, заставляя многократно повторять на бумаге плавные линии прорисей. Только через много лет занемогший как-то от простуды иконописец, чтоб выполнить в срок заказ, разрешил Никите покрыть охрой фон уже написанной иконы Бориса и Глеба, а заодно и прописать лещадки * гор под копытами их лошадей. Девятилетний Никита выполнил все столь усердно, что наблюдавший с полавка за его работой отец прослезился, узрев в этом чудо рождения нового мастера.

С тех пор Никита часто дописывал за отцом фоны икон, нередко прорисовывал кружевной узор одежд, хотя знаменовал образы и писал лики святых по-прежнему старший мастер.

Никите было восемнадцать лет, когда при переписи Павлова острога в 1642 году приказчик князей Черкасских назвал его впервые иконописцем в числе других посадских мастеровых. В том же году по указу патриарха Иосифа в Москву собирали для великого государева дела из разных городов России иконописцев — предстояло заново рас-

Иконописные прорисы. XVII в.

писать обветшавший от давних лет Успенский собор Московского кремля, главный собор страны. Среди вызванных в стольный град иконописцев был и Микитка Иванов из Павлова острога. Хворавшего же отца патриаршие посыльщики оставили дома. Жизнь в нем угасала, и старый иконописец заботился боле о делах духовных, чем о земных.

Два года под надзором государевых каменных дел подмастерьев Антипа Константинова и Лариона Ушакова ставились внутри собора строительные леса, сбивалась старая штукатурка, и тут же иконник Баженка Савин прямо по кирпичу писал образа, чтоб опробовать прочность левкаса * и яркую сочность закупленных на московском торгу заморских красок. Помогал ему в этом и Никита с пятью нижегородскими иконописцами.

После короткой утренней службы и общей братчины вятичи, ярославцы, костромичи, балохонцы и нижегородцы, всего 92 мастера, отправлялись гурьбой в собор и до позднего вечера готовили в поливных корчагах краски, набивали стены коваными гвоздями, чтоб на них крепко

* Цка — доска.

* Лещадка — плита, тонкий квадратный кирпич для выстилки полов.

* Левкас настенный — известковый раствор с мелко рубленной трестой, предназначенный для покрытия стен перед их росписью.

* Левкас для станковой иконописи — грунт для доски, состоящий из мела и жидкого рыбьего клея.

держалась штукатурка, рубили для левкаса льняную тресту, пережигали на таганах известь, толкли и тщательно просеивали ее в ситах-грохотах.

Никита впервые наблюдал воочию все приготовления к столь грандиозному живописному делу мастеров России, подмечал приемы и секреты прославленных стенщиков* из Ярославля и Костромы, а вечерами подсаживался к ним на нары в пристроенной к стене Троицкого подворья жилой хоромине. С появлением на небе звезд ворота кремля запирались и стрелецкий наряд настрого запрещал мастерам уходить в посад, чтоб оградить их от соблазна бражничества, игры в зернь и кости, считавшихся среди иконописцев особо тяжким грехом.

Старосты постоянно поучали, как подобает быть живописцу «смирену, кротку, благоговейну, не празднословцу, не смехотворцу, не сварливу, не завистливу, не пьянице, наипаче же хранить чистоту душевну и телесну со всяким опасением». Мастера слушали их воркотню с видимым смирением, а рассуждали все более о мирском: о высоких разорительных податях, об опухших от голода детишках и женах, простаивающих по торгам на правеже за долги, о невыплаченном за неделю жалованье и не вспаханном дома поле. Взяли их к Москве ранней весной, а где одним женам поднять пашню без мужских рук?! И, тяжело вздыхая, опускали глаза, устыдившись своей нищеты.

Много тайн стенной росписи постиг Никита от щедрых на добрый совет костромичей: что лазурь-краску перед письмом следует смешивать с пшеничным клеем; что под киноварь-цвет требуется смачивать левкас обильно ключевой водой; что при прорисовке лика в сажу нужно добавлять охру, а пробелы ставить по только что вставшей краске.

Вернулся Никита в Павлово возмужавшим, в новом кафтане, сапогах и с рублем денег. Но радость встречи омрачила весть: отец не дождался сына. Мать, рассказывая о том, долго плакала на плече Никиты, а он стоял, опустив руки, и не находил слов утешения.

Вновь в Москву он вернулся уже много лет спустя, когда боярин князь Яков Куденетович Черкасский завершал в подмосковном селе Останкине новую каменную церковь. Из вотчин сюда съезжались мастера всех строительных профессий: каменщики из приволжского села Кадницы во главе с подмастерьем Павлом Потехиным, плотники и столяры из Ворсмы, иконописцы из Павлова острога. Работные же ярыжки сгонялись сотнями на две-три недели из окрестных деревень. Жили работные в полужемлянках с подслеповатыми

* Иконописцы-стенщики — мастера, специализирующиеся на фресковой росписи стен.

* Знаменовать — наносить на отлепленную цку контуры рисунка будущей иконы.

Монастырские переписчики и иконописцы за работой. С рис. В. М. Васнецова. 1911 г.

волоковыми оконцами. Для иконописания же и столярных дел была срублена просторная хоромина в шесть слюдяных красных окон в ряд.

Под началом у Никиты было несколько иконописцев, столяр-резчик да два мальчика, взятых на обучение. Как-то в горницу ввалился княжий дворецкий, протянул Никите сверток.

— Бери, мастер. Шлет тебе с наказом пресветлый отец наш и благодетель Яков Куденетович образ любимый, дар именитого человека Дмитрия Строганова. Пуще ока храни его, да почаще взглядывай, чтоб столь же тонкостно и мастерством добрым писаны были лики святых в боярской церкви. Угодишь — быть тебе в чести и с даром богатым, а коль оплошаешь — битую быть.

Бережно развернув чистую

холстину, Никита застыл изумленный перед Владимирской божьей матерью неизвестного мастера. Поражал и бьющий в глаза непривычный оливково-травянистый цвет фона с паутинным золотым плетением наводки, и непостижимая сила страданий богоматери, отраженных в глубине ее широко открытых глаз, тревожащих душу величием неземной скорби.

Для иконостаса Останкинской церкви образы знаменовал* по патриаршему дозволению на челобитье князя Якова Куденетовича царский изограф Симон Ушаков, и Никита часто ездил в Оружейную палату с отлепленной цкой будущей иконы. Это были самые радостные минуты жизни Никиты в Москве. Сторожный служба вводил его в общую палату Иконописного те-

рема, расположенного близ Троицких ворот в трехжитийном каменном здании.

Даже в солнечный день здесь горели толстые восковые свечи, поставленные сбоку и сзади от каждого мастера. От свечей и тлеющей жаровни в палате всегда было душно. Иконописцы сидели сгорбившись на стульцах за столами, обставленными небольшими многоцветными глиняными горшочками. Только шаркающие шаги ярыжек, снимающих свечные огарины, да редкие слова мастеров нарушали тишину. На Никиту никто не обращал внимания, и он, не шевелясь, с низкой скамьи у входа наблюдал за точными скупыми движениями рук Симона Ушакова. Острой серебряной палочкой он наносил на отбеленную сторону доски рисунок будущей иконы, изредка бросал взгляд на развешанные по стенам прориси. Проходили часы, и Никита с глубоким поклоном принимал цку, переживая сильное волнение от сопричастности к таинству появления новой святыни.

Вернувшись в Останкино, Никита прописывал лики мягкими касаниями кисти, стремясь передать пережитое им чувство любви к людям и к небу, даровавшему ему эту радость. Остальное — одежды и фон — писали доличники * и травники *. А он зорко следил, чтоб сохранялись согласованность и чистота красок, и не раз переписывал испорченные помощниками места.

Так проходили месяцы повседневного труда. В тот год Ни-

кита похудел, кафтанец с замытыми пятнами красок свободно раскачивался на его плечах, на осунувшемся лице заострился нос и стали заметнее большие, поражающие затаенной печалью глаза.

Осенью Никита простудился, слег и пролежал в хвори всю зиму. Снег уже стоял с бугров и почернел на обочинах дорог, когда он вновь вошел в отдававшую холодом и пронзительной сыростью каменную церковь, где плотники устанавливали в резные тябла * иконостаса образа. А наутро следующего дня изограф по боярскому приказу выехал с крестьянским обозом, привозившим по последнему санному пути хлеб из нижегородских вотчин Черкасских, назад, в родной Павлов острог...

И вот теперь судьба вновь вела Никиту в Москву. К исходу второго дня пути, миновав Андронников монастырь и переправившись через Язу, попали в сутолоку московских улиц через рубленые въездные ворота Скородома — так называли в народе

* Травники — мастера по росписи на иконах тончайших узоров одежд.

* Доличники — живописцы, исполнявшие на иконах лишь фоны.

* Тябла — конструктивный элемент иконостаса в виде расписанного орнаментом или резного горизонтального бруса для постановки на него целого ряда икон.

* Уличные рогатки — для борьбы с разбоем в древнерусских городах улицы на ночь перегораживались окованными рогатками, возле которых ставились стрелецкие дозоры.

Москва. Никольский Крестец. XVII в. С картины А. М. Васнецова

деревянные окольные укрепления столицы. Жили здесь тяглые посадские, ремесленники и торговцы, ютясь в небольших избыцах-пристенешках, сбитых в кучи по сторонам широких улиц.

Час был поздним, и к воротам Белого города добраться засветло они не успели — уличные сторожа уже перегораживали рогатками * проезжую их часть. Пришлось заночевать на постоялом дворе. Целовальник с рыжекрасной бородой зыркнул маленькими острыми глазками на путников и притупил алчный взгляд, увидев под тулупом одного из них малиновую ферязь стрелецкого десятника: не жало-

вал, но боялся государевых слуг хозяин.

Проснулись от стука оконного засова. Ржание лошадей и суетливое переругивание слуг ворвалось в горницу со двора. Москва уже жила своей обычной жизнью. Прямо через улицу плотники рубили хоромы. С пушечного двора за Неглинной раздавались гулкие удары молотов. Над высоким шатром литейной хоромины поднимался черный столб огня и дыма. Уличные торговцы, нараспев расхваливая свой товар, предлагали прохожим только что выпеченные калачи и пироги. Дурманивший запах дразнил еще пуще и без того

донимавший голод, но стрелец-десятник торопился сдать начальству вместе с иконописцем и свои заботы о нем, и потому шли не останавливаясь.

В воротах отводной стрельницы Троицких ворот Кремля десятник показал сторожевому наряду царскую грамоту и, подтолкнув вперед Никиту, свернул направо, во двор Кормового и Хлебного приказов. Велев Никите ждать у входа в шатровую часовню, сам прошел в каменное здание Оружейной палаты. Часы церкви Екатерины трижды отзвонили перечеся, прежде чем продрогшего иконописца позвали наверх.

За столом, накрытым красным сукном, сидел боярин Богдан Матвеевич Хитрово. Поодаль стоял Симон Ушаков в алом кафтане и франтоватый иностранец. Никита рухнул было перед боярином на колени, но стрелецкий десятник по жесту Хитрово тут же подхватил его и, поставив на ноги, прошептал: «Не велено». Ошеломленный Никита почти не слышал слов боярина. Очнулся только тогда, когда Симон Ушаков зачитал указ:

«В нынешнем, во 1668-м году, Генваря в 10 день, по имянно-му Великому Государю и Великому Князю Алексею Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца указу взят в Оружейную палату Нижегородского уезду из вотчины после смерти боярина Якова Куденетовича Черкасского села Павлова Перевозу иконописец Никита

Иванов. И по указу Великого Государя написать Никите вновь иконного своего художества изображение на одной цке образ Всемиловитоваго Спаса, пречистую богородицу и Иоанна Предтечу. И буде он, Никита, по свидетельству московских изографов будет иконному художеству мастер доброй, взять в жалованные государевы иконописцы и дать по тому годовое денежное и хлебное жалованье как будет пригоже».

До каморы, где отныне должен был жить вместе с другими призванными в тот год в Оружейную палату иконописцами Никита, его провожал высокий в черной ряске служка.

Три месяца изо дня в день, с утра до вечера, просиживал Никита за широкой доской, знаменуя по выданной прориси образы деисусного чина и прописывая их тонкой кистью. Каждый вечер навещал его Симон Ушаков, молча разглядывал сделанное за день. Лишь раз заговорил Симон, когда осматривал только что заверченный образ Спаса.

— Искусен ты в живописном иконописании. Но открой свое сердце познанию истины, и мудрость будет водить твою руку. Образы — это жизнь памяти, памяти о тех, кто когда-то жил, свидетельство прошлых времен, проповедь добродетели. Весь ли род человеческий на одно лицо создан? Все ли святые были смуглы и худы? Смотри, у тебя сколь схожи меж собой лики предстоя-

щих. Не вежи лишь хвалят то, что от давности потемнело или пришло в ветхость, написанное же светловидно злоречиво хвалят. Но кто из здравомыслящих не посмеется таковому уродству, чтобы темноту и мрак почитать больше света? Всякая вещь в зеркале получает свое отражение, которое с движущимся человеком движется, со смеющимся смеется, с плачущим — плачет. Не в том ли секрет истинного живописания? Так говорил учитель наш, государев изограф Иосиф Владимиров. Мы чтим память о его любомудрии. Поразмысль о сказанном, а завтра поутру жди в верхних сенях — пресветлый князь-боярин Богдан Матвеевич указал свести тебя в казнохранилище, увидишь там парсуны * царские и дары заморских гостей. Видно, по нраву пришлось твое мастерство боярину!

Боясь опоздать, Никита еще затемно пришел в верхние сени и, примостившись в ожидании Симона Ушакова на ларе, незаметно для себя задремал. Очнувшись от прикосновения руки, а

* Парсуна — портрет исторического лица в древнерусской живописи, выполненный в иконописных традициях.

* Красная вислая печать — оттиснутая в красном воске печать, которой скреплялись государственные акты. Подвешивалась к документам на золотных витых шнурах.

* Репейчатое железо — листовое просежное железо с художественно обработанными клепками в местах соединения. Применялось для обивки подголовников и сундуков.

вскочив на ноги, увидел пред собой Ушакова да еще молодого парня.

— Быть вам в дружбе и жить вместе в жалованных государевых иконописцах, — заговорил Ушаков, — то крестьянский сын, ученик мой, Георгейка Терентьев, весьма искусен святых икон изображение писать. Следуйте за мной и запоминайте виденное. Не многим доводилось таковое зреть!

Они спустились по узкой внутристенной лестнице в небольшое помещение, где поджидал их стрелецкий сотник и дьяк. С поклоном приветствовав царского изографа, дьяк приказал сотнику открыть железную дверь. Сломав красную вислую печать *, он с усилием налег на дверь и со свечой в руке исчез в проеме.

Они еще дважды останавливались перед запертыми дверями, пока не попали в просторную палату. Расписные своды ее опирались на мощный квадратный столб. Три стрельчатых окна с раскрашенными решетками были наглухо закрыты снаружи железными ставнями и заперты изнутри винтовыми замками. Как только загорелись расставленные всюду свечи, палата сказочно преобразилась. На подставах вокруг столба засверкала золотая и серебряная посуда — в дни особых торжеств она украшала царский стол. У стен стали видны высокие обитые репейчатым железом * сундуки и лари с дарами иноземных посольств, оружием и мягкой рухлядью.

Но не обилие драгоценностей привлекло Никиту. Огромное полотно с изображением разграбления крестоносцами Иерусалима приковало к себе его внимание. Прямо на зрителей с синеющих вдали гор, сверкая оружием и раззолоченными доспехами, двигались на нем воины. Под копытами коней умирали женщины и дети, в пламени пожарищ рушились стены храмов и дворцов. Никите показалось, что палата наполнилась звоном металла и стоном — так он был потрясен силой изображения людских страданий.

Ушаков чуть слышно пояснил: — Святейший патриарх не годовал на сию картину, называл ее тлением душевным, но государь-царь указал сокрыть картину от посторонних глаз и хранить в этой палате. А писал ее цесарские земли мастер Данило Вухтерс.

Рядом с «Пленением града Иерусалима» висели во множестве чертежи городов и рисунки русских железоделательных заводов, подписанные Станиславом Лопуцким, несколько царских парсун и иконы самого Ушакова.

Завороженный увиденным покидал Никита палату. То, о чем он ранее лишь смутно догадывался, теперь он увидел воочию. Жизнь людей в наготе и страсти была столь же прекрасна, сколь и ужасна. Но как это далеко от привычного иконописания!

Молча вернулись в сени Оружейной палаты, но Симон, не

Парсуна с изображением патриарха Никона. XVII в. Изограф Д. Вухтерс

оглядываясь, шел все дальше, и иконописцы следовали за ним к входу на третий этаж, в личные дворцовые покои главного царского изографа. В небольшой светлой и чистой горнице со сводчатым потолком увидел Никита настенные лавки, стул и изразцовую печь. У закрытой ковром стены высились полки с книгами, листами бумаги и принадлежностями изографа. Ушаков жестом пригласил вошедших к столу, показал на незаконченную икону богородицы.

И здесь увидел Никита те же мягкие переходы золотистого цвета в коричневый глухой тон теней, создающих округлость человеческого тела, что так поразили его на полотне Вухтерса. Была привычна и вместе с тем непостижима тонкость коврового рисунка одежд.

— Вот оно, истинное мастерство!

Но более всего Никиту пленяла мерцающая светлость красок, сотканная, казалось, из самих лучей солнца и сияния небесной глубины. Даже скупой падающий из окна свет заставлял их, переливаясь, искриться, тревожа и умиротворяя душу.

Никита порывисто опустился на колени и припал к краю кафтана Ушакова. От неожиданности тот было отпрянул, но затем с пониманием дружески поднял Никиту на ноги и, слегка склонив голову, чтоб скрыть влажный блеск глаз, отошел к столу. Выбрав из множества бумаг нужную, торжественно прочитал:

— «По свидетельству московских иконописцев Симона Ушакова с сотоварыщи Никита Иванов иконному художеству мастер доброй и учинено ему годового государева жалованья против прочих жалованных иконописцев: денег 18 рублей, ржи 20 четей *, овса тож, а корму на день 2 алтына»*.

Ушаков глянул на замершего Никиту и продолжал:

— Да от твоего имени писал я челобитную в Духовный приказ, чтоб денег тебе дали на обзаведение своим двором в Москве, и ответ уже получен: «1668 году, апреля 22. По Государеву Цареву и Великого Князя всеа Руси Алексея Михайловича указу Нижегородского уезду села Павлова острогу Миките Иванову дать на дворовую покупку

70 рублей для того, что взят Микита к Москве неволею на вечное житье, а двора у него своего нет и завещца нечем».

Возьми, Никита, и отнеси сию склею в Земской приказ, деньги получи. С завтрашнего дня заботься о домовом устройстве, место тебе дадено в Китай-городе, в Зарядье, а вечером жду у себя у Троицы в Никитниках. Пир устроим. Все государевы иконописцы будут. Проводит тебя Георгейка. Да, смотри, не запаздывай!

Никогда не было у Никиты таких денег, как тогда, когда он ступил с крыльца Земского приказа на Красную площадь, направляясь в ветошный ряд сменить поношенный кафтанец на новый, более подобающий его званию «государева иконописца». Вешнее солнце пригревало. Снег стоял, но мостовая еще утопала в грязи, и Никита раза два проваливался по колено в жижу, соскальзывая с подгнивших тесниц.

Кафтан, обшитый камкой, с серебряными витыми схватцами на груди и высокие желтые сафьяновые сапоги Никита подобрал сразу, но долго не мог купить недорогую войлочную шапку. Здесь же, на Вшивом рынке, брандмейстер-немец подровнял ему бороду и, напялив для ровности на голову глиняный горшок, срезал слипшиеся на затылке волосы.

Георгий Терентьев оказался словоохотливым. Через полчаса Никита знал, что Симон Ушаков взял его в службы из дворовых холопов, когда подписывал лет

* Четь овса — 6 пудов.

* Алтын — 6 ден. — 3 коп.

пять назад в подмосковной вотчине дворянина Гаврилы Островского церковь. А позднее, по челобитью оружейнику Богдану Матвеевичу Хитрову, он навечно выкупил Георгейку из крестьян за сто рублей и сделал своим учеником. Недавно Георгейку записали в государственные иконописцы, но живет он по-прежнему у Ушакова, будет и впредь служить доброму и мудрому учителю, хотя теперь он и вольный человек.

Поведал он и о том, что живет учитель в своих каменных палатах возле церкви Троицы, что на старом Никитникове дворе. Сам государь-царь часто вызывает Ушакова к себе наверх в покои знаменовать новые полковые стяги или расписывать игрушки царевен. Но чаще он знаменует узором бархат и тафту под шитье золотом и жемчужным низаньем царевнам, за что Алексей Михайлович одарил Симона личным благоволением и каменными палатами иконового приспешня, сосланного после суда над опальным патриархом Никоном* куда-то на север.

Был уже вечер, когда спутники подошли к воротам, на стенах которых было изображено лучистое солнце, а наверху, под голубцом, рдела красным фоном икона Симеона Столпника, покровителя хозяина дома. Через незапертую калитку иконописцы ступили под лай цепных собак во двор, где их встретили два здоровенных конюха. Но, узнав в одном из вошедших своего, они молча скрылись в подклетье.

Взбежав по ступеням выносного крыльца в сени, Георгий и Никита попали в палату, где за обильно уставленным столом уже сидело человек шесть. Получив приглашение занять место за общей трапезой, Никита через малое время почувствовал себя среди близких и дорогих ему людей. Только под утро погасла на столе, догорев, последняя свеча.

Солнце стояло высоко, когда сотоварищи по пиру, отоспавшись на постенных лавках, разошлись. Ушаков же повел Никиту в боковую, надстроенную часть хором — показать нечто особое. Против окна на подставе стояла, достигая почти потолка, цка с изображением древа, поднимающегося над красно-кирпичными стенами Московского кремля. В ветвях его, в кругах, помещались портреты московских великих князей. Никита сразу узнал внизу царя Алексея Михайловича со свитком в руке и царицу-мать с двумя сыновьями.

— Царский наказ,— загово-

* Опальный патриарх Никон.— На патриарший престол Никон вступил летом 1652 года и сразу же развернул борьбу за исправление церковных обрядов. Это вызвало широкое сопротивление низшего духовенства и народа, увидевшего в нововведениях покушение на извечные традиции, форму духовного гнета. Сначала действия Никона полностью поддерживались царем Алексеем Михайловичем и его двором, но серьезные просчеты патриарха и его гордыня привели к конфликту между ними, а затем и суду над Никоном в декабре 1666 года. Он был осужден и сослан простым монахом в Кирилло-Белозерский монастырь.

рил Ушаков,— величие и истинное единство земли русской хочу восславить. Великий князь Иван Калита начинал собирать воедино Русь вокруг Москвы — потому и насаждает он древо государственности. Святое дело продолжали многие — то их парсуны в листву увитые. Сколько ночей провел над летописями и хронографами, тщаь найти образы славные! Более полугодом писал, а завтра должен нести ее на царский суд. Что скажешь?

Трудно было Никите, переполненному чувствами, перечеркивающими все, что считал он ранее истинным, говорить. Эта новизна манила и смущала его.

— Благодарен премного тебе, мастер, что открыл мне, недостойному, глаза на искусство живописания! — наконец заговорил он.— Но не послушно разуму сердце. Глаз радуется сказанная тонкость, любуйся хоть день-два. Помыслы глубинные вижу, а червь сомнений все ж гложет душу — не рушим ли веру православную поисками путей новых? Силу чувств древнего иконописания не забываем ли? Ныне в церквях, глядя на образы новые, все более цветом любят-ся звонкостным, рисунком узорочным. Ранее ж лишь взглянут — оком всевидящим пронзенные наземь рушились. Страхом божьим пригвожденные, головы поднять боялись. Ныне ж гордыня обуяла всех. Нет ли вины в том нашей, что земную красоту предпочли блаженству мира вечного?

— Ждал, ждал сих слов от

тебя, Никита. Тернист путь к правде, и не всем, пребывающим в темноте и невежестве, дано постичь свет истины сияющей. Сам говорил — было то! А возврата нет! Душу обновить страхом возможно ль? Страх... наказание... В юдоли земной, тяжелой бездна неизмеримая бед и страданий ниспослана человеку. Забит, истерзан люд. Свет лишь в надежде на избавление. Не мы ли ее в душах сеем?

А страх что? Страхом лишь страх больший, ярость отчаяния множится. Добро же добром порождается. Тварь земная и та зубами рвет кнут занесенный, а на ласку верной службой отвечает.

Ушаков задумался. Знал он опалу, беды, страдания. Два года смиряли его в Макарьеве монастыре по навету злобному, месяцами света не видел в глубоком порубе. Думал — придется в темнице сгинуть, да государь-царь затребовал-вызволит. Хотели душу его страхом стравить чернецы, слугой своим послушным сделать. Ан, нет! Лишь более в человека уверовал он тогда! Так можно ль не предпочесть свет разума тьме кромешной? Тихо продолжил он:

— Звать к ушедшему, когда новый день на пороге?! Нет и нет! — возразил он Никите.— Люб ты мне, павловец, за пытливость твою и за беззлобный нрав, за мастерство доброе и за то, что не защищаешь бездумно древнее благочестие. Сомнения? Что ж, новый путь всегда неведом!

Простые разумные слова падали в душу Никиты каплями дождя в сухостой. Прорастала уверенность в правоте Симона Ушакова, выстраданной в муках и трудах.

По кривым улочкам Никита вышел к торговым местам Зарядья, тянувшимся вплоть до кремлевского рва. Он направлялся на Лубяной торг присмотреть сруб для будущих хором. С Красной площади люди ручейками стекались вниз к Воскресенским воротам Китай-города. Сразу же за ними поднимался горб каменного моста через Неглинную.

Миновав шатровую церковку, государев иконописец зашагал по широкой мощенной плахами улице к Петровским воротам Белого города, за которыми на берегу Неглинной и раскинулся Лубяной торг избыцами, клетями домовых срубов, баньками и амбарами, тесницами, лубом и драньем.

Пока Никита приценивался к срубам, к нему подкатил мужичонка в поношенной сермяге и лаптях, скороговоркой выпрашивая, не нужно ль плотников-мастеров. Через час-два, сторговавшись в цене, Никита уже возвращался в Зарядье, а за ним следовали шесть плотников и пять телег с лесными припасами.

С той поры, как Никита Павловец завел в Москве свой двор, минуло два года. Много перемен произошло в его судьбе: он женился на дочери кузнеца-соседа Матрене, в доме завелся доста-

ток, так что Никита уж и кафтанец сменил на малиновый охабень с высоким стоячим воротником *, украшенным серебрянотканной нитью, появился у него и ученик Полуе́тко Матвеев. В иконописном тереме изографа выделили особую камору с тремя слюдяными оконцами — здесь с раннего утра до позднего вечера сидел он за иконописью. А бывала спешная работа — то и по целым неделям не покидал своего кремлевского жилья. Его мастерство ценили высоко, и уже неоднократно вызывали в верхние палаты для личных царских дел.

...Май 1670 года выдался теплым. Воздух наполнял аромат цветения, запахи прелого настоя поднятой сохой пашни — крестьяне заканчивали сев овса. Телега месила грязь и, поскрипывая, раскачивалась на ухабинах, так что Никите то и дело приходилось придерживать сползавшие коробья с припасом. Утренний путь в царскую Измайловскую усадьбу радовал изографа — после долгой зимы и бесконечных спешных дел в Оружейной палате он с удовольствием вдыхал запах земли и свежесть стародавнего бора, в который втянулась наезженная дорога. Развесистые шапки елей сомкнулись над головой, и яркий солнечный свет померк, только изредка узкими полосами пронизывая туманную утреннюю дымку. Возничий достал из-под рогожи топор, а два сопровождавших изографа стрельца соскочили с телеги, взяв в руки бердыши — случалось, встречали по лесам

богатых путников и кистенями.

Только после полудня въехали на новый каменный измайловский мост — с точеными баляси́нами * перил и высокой рубленой воротной башней. Телега простучала коваными ободьями колес по мостовому настилу и свернула направо, в Кормовой двор, мимо прикрытых рогожами груд кирпича и глубоких ям с рычащим голодным зверьем для царских охотничьих утех.

Никиту поджидал служба. Помогая сложить коробья с холстами и красками, он поторапливал изографа в холопью баню — пред царские очи являться должно было прибранным, в чистой рубахе и в мягких без подков сапогах.

К вечеру тот же служба ввел Никиту за дубовые створчатые ворота на площадь перед дворцом. Рубленые клетки повалуш и хоромы с бочечными и шатровыми кровлями, соединенные крытыми переходами и гульбищами, причудливо возвышались вокруг красного крыльца с толстыми резными столбами всхода. От

* Оха́бень — верхняя распашная длиннополая одежда с откидным воротником, с прорехой под мышками и длинными, сужеными к запястью рукавами.

* Баля́сы (балясины) — фигурные столбики, из которых набирались ограждения крылец и галерей-гульбищ.

* Прапо́р — флюгер в виде просеченной из металлического листа фигуры (например, трубящего в полете ангела).

* Па́волока — наклеенная на своды палат (или на доску) ткань для последующей ее росписи.

обильного многоцветия резьбы, блеска позолоты прапоров *, гребней и подзоров рябило в глазах. А служба, не задерживаясь, уже шагнул в широкий проход подклета. Они долго шли по закоулкам царского деревянного дворца, пока не оказались перед калиткой сада.

Солнце серебрило молодую листву яблонь. Длинные тени деревьев лежали на грядах посадок с тумбами вазонов по сторонам. Возле резной беседки два столбника охраняли царский покой. Один из них жестом приказал остановиться: Алексей Михайлович, закутанный в шубу, дремал, подставив лицо вечернему солнцу. Из-за кустов вишни, огибая пруд, к беседке подходила, словно неземное видение, моложавая комнатная мамка с царевичем на руках. Болезненного вида малолеток вялыми ручонками перебирал жемчужные подвески ее очелья.

Склонив голову, мамка приостановилась перед Алексеем Михайловичем. Будто услышав это, царь поднял веки, долгим усталым взглядом окинул царевича и пошевелил рукой, чтоб мамка шла. По знаку столбника Никита приблизился, опустился на колени.

— Полно-ка, полно тебе, мастер. Не во дворце мы. Встань! Вызвал тебя нарочно. В палате царевича нашего потолочную паволоку * подписать надобно, чтоб звезды небесные да херуимы покой его хранили — в хвори почасту лежит не вставая наследник наш. Нет больше брать-

ев его: Алексея да Дмитрия. Уж год как и матушка их, разлюбезная Марья Ильинична, преставилась. В скорби я. Велико наше горе — порадей, утешь отцовское сердце.

Никита слушал, а в глазах все стояла в мерцающих лучах заходящего солнца женщина со склоненной к ребенку головой, неземным видением явившаяся только что перед ним.

«Не в страшном суде среди ужасов, уготованных геенной огненной, изображать ее надобно, а стоящей в яркоцветии природы! Тогда возвышенное чувство и истинная красота, не омраченные страхом неизбежного наказания, смягчат ожесточенный разум, тронут окаменевшее сердце, слезы радости омоют душу. К добру — добром звать! Прав Ушаков!» — невольно думал он, как бы продолжая давний неоконченный разговор с первым изографом Оружейной палаты.

Так, слушая царя, Никита душой был уже в иконописном тереме. Здесь же лишь созерцал то, что завтра ляжет на паволоку иконной цки: тихую человеческую печаль, краски тонкостного убранства царских одежд, мягкий свет вечерней зари, розовеющий над воротами молодого сада.

Три недели пролетели как один день. Никита работал споро, увлеченно и, справив дела, стал проситься, ссылаясь на спешные работы, в Москву. Почти два месяца расписывал Никита в своей камере иконописного терема небольшую иконку, пря-

ча ее от посторонних глаз в пристенном шкафу. Только к исходу лета на верхнем поле образа золотой вязью вывел: «*Образ пресвятыя Богородицы Вертоград заключенный*», а внизу бисерно приписал белилами: «*Лета 7178 писал сей образ иконописец Никита Иванов сын Ерофеев Павловец*».

Ушаков был удивлен и обрадован принесенной ему иконой, но не знал, как поступить с ней: писана не по уставным правилам, освятить ее мог лишь патриарх, а он все неохотнее встречался с главным государевым изографом, упрекая за новшества в иконописи мастеров Оружейной палаты. Выход подсказал сам Никита:

— В дар великому государю Алексею Михайловичу поднести думаю. А он сумеет сломить неговорчивого старца.

— Будь по твоему! Да гляди, не угодить бы в опалу к патриарху. Смел ты стал, мастер. Богоматерь-то с покойной царицей Марьей Ильиничной схожа! Тот радость государю будет! — ответил главный изограф.

С каждым днем крепла дружба Никиты Павловца с Симоном Ушаковым и Георгием Терентьевым. Когда окна застилала темень и глаза, утомленные напряженной работой, начинали слезиться от усталости, они откладывали кисти и подолгу засиживались за беседами о живописном мастерстве. Говорил больше Ушаков, а Никита с Георгием слушали, лишь изредка вставляя свое осторожное слово.

Показывая рисунки человеческих фигур, что создавал он уже несколько лет как «Азбуку художеств» для учеников палаты, изограф тихо говорил:

— Как трудолюбивые пчелы, облетая душистые цветы, собирают в лугах медовую сладость, так и живописец учится изображать не только видимое, но и постигает невидимое.

— Как же познать то, что не дано лицезреть? — прервал его Георгий.

— Фантазия рождает премудрость и достойный удивления дар художника. Рука же должна овладеть тайнами иконописания, точно воспроизводить формы мира, потому и создаю Азбуку, чтоб могла она быть полезной всем любящим искусство.

— Прости, мастер, за слова неразумные. Но можно ль с грешных людей списывать образа святых? — допытывался Георгий. — Не говорил ли ты сам, что иконописание есть выражение причастности к тайнам мироздания?

— Вопросом отвечу тебе. Не должен ли каждый иконописец прежде познать образ мира земного, чтоб послушна была его рука?! Можно ль назвать мастером не знающего ремесла, и не подобен ли тот невеже среди мудрецов?!

По подобию божьему создан аз, многогрешный. Так есть ли

* Прасолы и осначи — мелкие торговцы вразнос, одновременно занимавшиеся скупкой по селам всевозможного крестьянского «зделя».

грех на людских личинах постигать образа святых? Помни слова Иосифа Владимировича: «Мудрые иконописцы всякому изображению на иконе или портретах людей, каждому члену и черте придают свойственный им вид, поэтому изображение и должно писаться с тенями, светло и румяно».

Высокое художество отдано на поношение и позор невежам не потому ли, что везде по деревням и селам прасолы и осначи * таскают корзинами иконы так оскорбительно писанные, что иные образы своим обликом подобны диким зверям. Какая бы честь была земному владыке, если бы кто-нибудь неискусно или невежественно написал его портрет с непохожим лицом?

Разговор прервало появление боярина Хитрово с дьяком и ключарем. Богдан Матвеевич махнул рукой на низкий поклон иконописцев и прошел к столу. Аршинная икона «Воскрешение Лазаря», написанная для Покровской церкви подмосковной усадьбы Хитрово, лежала на нем почти готовая. Разглядывая многофигурное письмо, боярин как бы нехотя проговорил:

— Вернулся государь из Сергиева монастыря, молился у святой Троицы за возобновление тишины в государстве от волжских бунтовщиков. Был с ним патриарх Иоасаф. Сказывают, недовольствовал он царю о делах иконописной палаты, якобы забыли древнее письмо, узорочьем занялись и тeneвитостью. А сам все «Троицу» Андрея Рублева на-

хваливал да намекал, что нет де больше таких мастеров на Руси. Не возражал государь святейшему патриарху, а вернувшись, на строго наказал мне дать писать лучшим иконописцам образ «Троицы», чтоб к престольному празднику поднести ее в дар монастырю. О тебе, Симон, говорил и Никиту Павловца поминал. Мало времени, но строг наказ. Ждать по сему иль опалы грозной, иль щедрых даров, коль угодите!

Молча провожали иконописцы боярина. Трудна была задача — состязаться в славе с Андреем Рублевым, но не могли не выполнить наказа государевы иконописцы.

Осенняя Москва 1670 года бурлила вестями с Понизовых земель. У всех на устах имя Стеньки Разина, поднявшего против бояр на Дону вольницу и голытьбу. В торговые ряды ходили теперь не столько приискать товаров, сколько послушать от заезжих купцов разные вести. Пустовали лавки астраханских и персидских гостей — шепотом поговаривали, что взяли приступом разинцы Астрахань и Царицын, без боя сдались им Самара и Саратов, что к Нижнему Новгороду идут отряды атамана Максима Осипова. Не спокойно и в северных краях — четвертый год пушками встречают царских послов взбунтовавшиеся иноки Соловецкого монастыря.

Приехавший из Павлова острога приказчик передал Никите

поклон от матери и, засидевшись до звезд, рассказал о беспокойном житье в нижегородских землях. Шепотом поведал о павловском стрельце Савве Морозове: де свел он из Павлова и Ворсмы пятьсот казаков и три тысячи крестьян, и что разбивают они теперь имения служилых дворян, а их добро раздают по селам крестьянам.

Но скоро Москва содрогнулась от жутких известий о расправах дворянского ополчения с бунтовщиками в Арзамасе и под Лысковом. В апреле 1671 года прошел слух, что они разбиты, сам Стенька Разин схвачен и скоро будет доставлен в Москву на казнь.

В Оружейной палате ожидали царского прихода. Алексей Михайлович пожелал лично осмотреть работы изографов и выбрать дар Троице-Сергиеву монастырю. В верхней палате оставались Симон Ушаков, Никита Павловец да Георгий Терентьев, который по знаку учителя уже не раз переставлял на новое место иконы — полуторааршинную «Троицу» Ушакова да небольшую круглую иконку Никиты.

Выполняя царский наказ, Ушаков дважды ездил в Троицкий монастырь смотреть рублевскую «Троицу» и, сохранив рисунок древней иконы, лишь тенивито написал телесные формы. Обильная наводка золотом и звонкая светлость красок сразу выделяли руку главного царского изографа.

Иконка Никиты проигрывала в размерах, зато поражала округлостью композиции, тем, что на ней было изображено не три, как у Ушакова, а пять фигур, среди них и хозяева, подающие кушанья к трапезе божественных отроков. Мягкость и плавность линий, тончайшая прорисовка фигур с позолотой излучали душевное тепло, обнаруживали изысканное мастерство иконописца. Ушаков, увидев законченную Никитой работу, долго любовался ее красотой.

Сейчас иконы стояли рядом, а оба изографа с волнением ждали царского суда. Царь вошел в сопровождении думного дьяка Дементия Башмачникова вслед за Хитрово. Велев встать повалившимся в ноги ему иконописцам, Алексей Михайлович сел в подставленное кресло и с любопытством принялся разглядывать иконы. Прошло несколько томительных минут, прежде чем он произнес, обращаясь к дьяку:

— К Троице повезем иконку Никиты Павловца, а другую взять в нашу церковь Спаса, что на Бору. Искусно писаны, щедро одарю иконописцев, — тихо проговорил Алексей Михайлович и тотчас поднялся, опираясь на посох, вышел из палаты...

6 июня 1671 года выдалось пасмурным, но Красная площадь и прилегающие к ней улочки были запружены народом. Третий день бурлили вестями посадки, все говорили о Стеньке Разине: кто с сочувствием, а кто со зло-

бой. Шныряли в толпе земские ярыги. Стрельцы, то там, то тут стоявшие группками, вслушиваясь в разговоры, подступали поближе к особо словоохотливым, отчего у тех враз деревенели языки. Памятуя недавний «медный бунт» московской голытьбы, царь указал всем стрельцким во всеоружье быть сегодня на торгах и площадях Москвы и вовремя охлаждать пыл посадских.

Никита пробился сквозь людское море к Красной площади, огражденной тройной цепью вооруженных пищальями и бердышами стрельцов. Протиснуться дальше не удалось, и он долго стоял в толпе, пока вдали не ударили литавры. Площадь стихла, вслушиваясь в нарастающий рокот барабанов. После первоначального оцепенения толпа всей массой двинулась на первый ряд ограждения.

Из-за голов Никита видел только спины лошадей, медленно везших обитую тесницами телегу с человеком в белой рубахе смертника. Он стоял прикованный цепями к стойкам. Лицо его было спокойно. Толпа выдохнула — «Разин!» и колыхнулась вперед, к телеге, так что стрельцы под новым напором отступили еще на несколько шагов.

Снова Никита увидел Разина уже на помосте. Издали трудно было различить выражение его лица, плохо были слышны слова царского указа, что нараспев долго читал дьяк. Только когда палачи повалили Разина на помост и придавили сверху широ-

кой доской, Никита понял — четвертование. Кто-то, причитая, упал на колени...

Через несколько дней в Москве начались пожары. За Мясницкими воротами Китай-города ночью загорелись в трех местах боярские дворы. Огонь перекинулся на соляные амбары. С треском лопались бочки с солью и поташом, фонтанами брызг осыпая тлеющие мостовые. Разбросав соседние деревянные строения, огонь загасили только к утру. На следующую ночь пожар вспыхнул на Хохловке, а еще через день — в Кадашах.

К концу июня пожары осветили Белый город. За одну ночь выгорела вся Покровка. Огонь слизал все жилье до самых Яузских ворот, где выгорели дворы Стремянного приказа. С загоревшегося шатра Ильинской башни огонь переметнулся в Китай-город. Пламя охватило Зарядье с его торговыми рядами. Кучи тлеющих головней и пепла остались после него. Несколько дней не было дождя, и от легкого дуновения ветра вверх поднимались черные тучи. Каждую ночь выходили стрелецкие дозоры и караульщики из посадских ловить зажигальщиков, но пожары продолжались.

Словно насытившись людским горем, они прекратились с начала июля. По городу пополз слух, что так отплатили боярской Москве за казнь атамана его сотоварищи.

Сгорел в эту лихую пору и двор Никиты. Поздно узнал о своей беде изограф — неделями

безотлучно стояли на кремлевской стене с лоханями воды и метлами все мастера Оружейной палаты, защищая от огня Кремль. И когда пришел Никита к своему дворовому месту, то узнал его лишь по обгорелой березе, что высилась некогда перед воротами хором. В поисках жены долго бродил он по всей Москве, забывая о еде и сне.

Годами налаженная жизнь непоправимо рухнула: Никита остался один на один со своим горем. А людское сочувствие, что стоило оно? Одним днем осеребрило волосы мастера несчастье. Чуткое и ранимое сердце изографа не устояло перед нахлынувшей бедой. Никита упал в ноги Хитрово с челобитьем отпустить его на излечение от физического и душевного недуга в Макарьев-Желтоводский монастырь на Волгу. Боярин долго не соглашался и уступил только ходатайству патриарха, пекущегося о разоренной бунтовщиками обители, и обещанию Никиты не постригаться в инок, оставаясь по-прежнему иконописцем Оружейной палаты.

Прошло четыре года. Торг у Макарья летом 1675 года был особенно многолюдным.

Низкий левый берег от устья Керженца до самого монастыря был сплошь уставлен шаламами, шатрами, лавками. И надо всей этой сутолокой надменно поднимал ввысь главы-шеломы и островерхие шатры крепостных башен Макарьев-Желтоводский монастырь, утверждая свою земную власть и силу.

Совсем недавно монастырь был деревянным, а теперь высился на холме неприступной каменной крепостью со множеством грозных башен, недружелюбно ощетинившихся стволами пушек и затинных пищалей.

Переброшенный через Святой ручей рубленый мост на бревенных режах-клетках подводил прямо к окованным фигурным просечным железом воротам тянувшейся вдоль берега кирпичной стены, служившей монастырю защитой от разрушительных волн и льдов при высоких весенних паводках. Тогда волжские воды покрывали все окрестности, и монастырь, казалось, плыл по волнам легендарным Китежградом, сказы о котором былинными распевами звучали в устах калик на торгу.

За воротами внешней стены богомольцы поднимались по бревенным настилам на высокий холм к святым воротам собственно монастырской стены, увенчанной Михайло-Архангельской церковью. Проход под ней Никита Павловец расписал лишь прошлым летом. Длинный арочный свод прохода поражал звонким цветом голубизны с рудо-желтыми звездами. По стенам же тянулись изображения чудотворца Макария в житиях. Всех завораживала сцена, изображавшая Макария, склоненного над порубленными и иссеченными телами иноков-сотоварищей. Старец застыл придавленный горем. Скорбь осуровила его лик. Огромные сухие глаза горели огнем гнева. Здесь не было смирения-

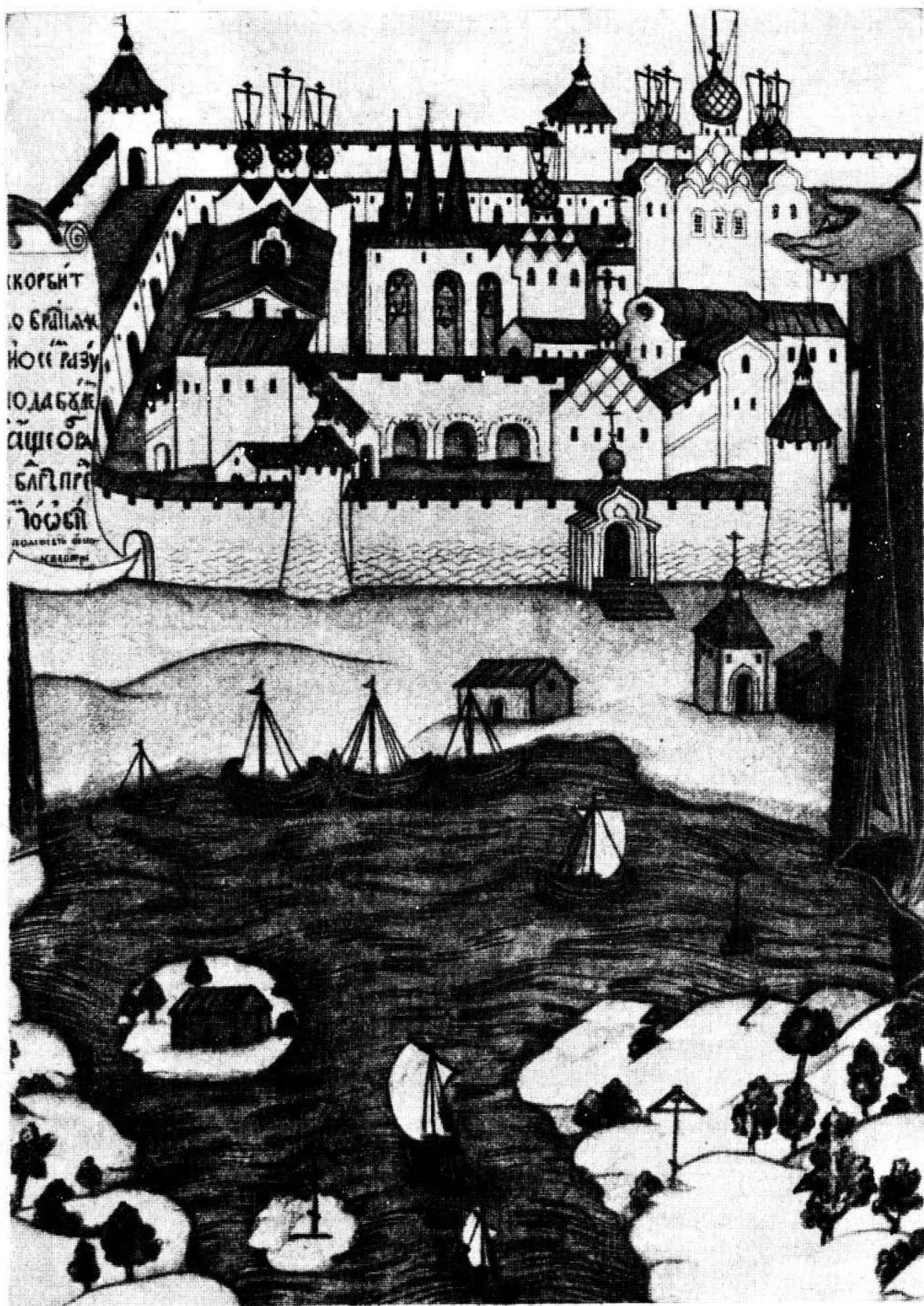
кротости и в помине. Со стены кричало само многоликое человеческое горе.

— Сколько ж страданий должен был вынести сам изограф, — рассуждали люди, — коль смог столь страстно передать боль другого? — и разбирали по складам киноварную вязь подписи: *«В лето 1439-го году наидоша на обитель агаряне, злочестивый Мухаммед от Казани, и разориша обитель, братию посекоша, а самого преподобнаго плениша».*

Миновав проход, люди попадали на главную внутримонастырскую площадь. Огромный Троицкий собор с ровными дугами закомар и пятиглавием своими размерами подавлял, всех заставляя ощущать себя пылью земной рядом с ним, мгновением перед вечностью. Двухэтажная палата с Успенской церковью и колокольной была столь же огромна, но, включая несколько отдельных, художественно отделанных объемов, смотрелась живописно и соразмерно человеку. Ввысь поднималась колокольная, завершавшаяся широким ярусом звона со множеством колоколов и яркоцветным кругом циферблата.

Всюду сновали какие-то люди. Среди них мелькали и черные рясы спешащих по хозяйственным нуждам иноков. Ярмарочное время привносило в жизнь монастыря на целый месяц вселенскую суету и нескончаемые хлопоты.

Удалившись от шума многоязыкой ярмарочной толчеи и самого торгового, у реки, ласково

Тип русского монастыря (Соловецкий). С иконы XVII в.

гладившей прибрежные камни, сидели двое. Один — пожилой, с иссохшим телом, в черной длиннополой рясе и запятнанной красками скуфейке, — не мигая глядел на переливающуюся синевой воду. Второй — в рудо-желтом кафтане и подбитой мехом шапке — с почтением что-то говорил старцу. В сидящих было трудно узнать Никиту Павловца и Георгия Терентьева — так изменили их годы.

Никита стал вроде ниже ростом и втягивал голову в плечи, когда, содрогаясь от кашля, прикрывал ладонями рот. Тихие с хрипотцой слова иногда слетали с его губ, и тогда собеседник нагибался, чтоб расслышать их.

Георгий раздался в плечах. Густая вьющаяся борода, ладный кафтан и сафьяновые сапоги делали его статным молодцем. Занимался Георгий теперь подрядами на поставку красок в Оружейную палату, к Макарью прибыл закупить у восточных купцов-перекупщиков синецветную лазурь, пурпурную киноварь и виницейский бакан* — дорогие в московских торговых рядах.

Две недели шумел торг у Макарья. Много бесед вели старые друзья вечерами в келье Никиты, где остановился московский гость. Не только душевное тепло встречи с сотоварищем по искусству пережил изограф, но и несказанно радостную весть, что жена его жива, что подобрали ее

в тот страшный день добрые люди и выходили, вернув, почитай, с того света. Благодарности изографа Георгия за весть не было предела: глаза туманила пелена слез, как мог крепко сжал он в объятиях друга. Жизнь одарила радостью, о которой Никита не мог уже и мечтать.

В тот же день изограф отправился к архимандриту Тихону с просьбой отпустить его в Москву, к семье.

— Как же так, мастер? Не ты ль дал обет подписать новостроенный собор? Ужель дому господню неприбрану быть?

— Смилуйся, отец наш! Не твой я мастер, а государев. И жил здесь не по обету, а по воле своей. Делу ж поруки не будет. Не писан в соборе остался лишь страшный суд, но и его ознамену сам, распишут же ваши монастырские иконописцы, кои мастерства доброго, и секреты стенного письма ими знаемы. Что толку во мне? Болезнь источила силы. Жизни моей короток срок. Отпусти! Не гневи бога, отче! — неожиданно громко и твердо произнес Никита.

Как ни пытался архимандрит в затянувшейся беседе уговорить изографа остаться, тот был тверд в решении.

В Москву прибыли поздней осенью. Радость встречи с женой и мастерами Оружейной палаты, казалось, вернула прежние силы Никите. Симон Ушаков выхлопотал ему из казны на дворовое строение сто рублей, и изограф жил в заботах о закупке строевого леса и найме плотников. К

* Виницейский бакан — охра итальянского происхождения.

первым снегам хоромы на подклетах были готовы, и Никита вновь стал днями пропадать в Оружейной палате. Жена Матрена поджидала вечерами своего ладу. Близость родного сердца растопила глубокую тоску-печаль, и они, казалось, не могли наговориться о прожитых друг без друга годах испытаний.

С первым весенним теплом начался ремонт поврежденного паводком каменного моста через Неглинную. Никите было приказано незамедлительно приступить к росписи бабни-всхода на мост со стороны Красной площади. Под его руководством было еще три иконописца: Артемий Иванов, Меркуша Яковлев и Герасим Ильин, но главный огромный образ Знамения под аркой писал сам Никита.

Не успел он закончить эту работу, как поступил спешный заказ для Новодевичьего монастыря — царевна Софья зачастила на богомолье и готовила обители достойный дар.

Несколько месяцев не разгибая спины сидел Никита в иконописном тереме за более чем в рост человека цкой. Давняя, еще с росписи каменного моста, про-

студа и постоянное напоминание о необходимости к сроку завершить огромную икону «Предста царица» уносили последние силы изографа. От боли во всем теле порой темнело в глазах, но, отлежавшись час-другой, Никита вновь приступал к золотой наводке. Однако завершать роспись ему уже помогали мастера Оружейной палаты.

11 ноября 1676 года государев дьяк в сопровождении Симона Ушакова и двух служек спустился в горницу к Никите смотреть новую икону. Восседавая на резном золотом престоле в архиерейской митре, Спас держал на коленях книгу судеб. Предстоящие пред ним богоматерь и Иоанн Предтеча, казалось, были вытканы золотыми нитями, а не написаны красками, излучали свет и праздничную торжественность. Но даже в столь важный час не смог подняться с полавка Никита.

Хворым пролежал он всю зиму. Не помогали ни отвары, ни мед, ни травы. 24 марта 1677 года пришедшие навестить его Георгий Терентьев и Симон Ушаков застали в доме Павловца безысходный плач.

КТИТОР-СТРОИТЕЛЬ АФОНАСИЙ ОЛИСОВ

В районе Ильинской горы Започаянья города Горького стоят редкие по своей историко-художественной значимости палаты XVII века нижегородца Афонасия Фирсова сына Олисова, а также возведенная в 1672 году им же каменная церковь Успения. Здесь всегда многолюдно. Горьковчан и гостей нашего города влечет сюда редкая возможность увидеть в реальных образах давно минувшего прошлого Нижний Новгород времени краткого, но бурного расцвета во второй половине XVII столетия. В древних зданиях Нижегородского посада поражает не только возраст и причудливость форм, но и высокий уровень мастерства каменщиков, кузнецов, плотников, керамистов-изразечников. Здесь явственно ощущаешь, что возводились они для человека и он был мерилем всего: пропорций, функций и целесообразности. В архитектуре зданий отразилось истинно народное понимание красоты: живописность композиции, взаимосвязь с окружающей средой, любовное отношение к проработке деталей.

Рядом же стоящая Успенская церковь с верхом в виде крещатой бочки в четыре лица остается единственной подобной постройкой в древнерусском каменном зодчестве вообще! О ней упоминается во многих посвященных истории отечественной архитектуры изданиях. Таким образом, памятники XVII века Ильинской горы занимают видное место в отечественной истории и культуре. При этом в своеобразии решений названных зданий явственно прослеживается «рука» ктитора-строителя.

Но кто таков нижегородец Афонасий Олисов?

В аполненный порывом ветра косою парус струга зазвенел, и острогрудый его корпус, зарываясь носом во встречные волны, словно чувствуя близкое пристанище у родного Нижнего Новгорода, заскользил быстрой чайкой. Выбежав на стрежень

под Печерский монастырь, струг обогнул песчаную косу острова, образовавшегося во время памятного обвала 1597 года, когда подземные воды подточили нагорный правый берег Волги и он сполз со страшным шумом вниз вместе со стоявшим по косограм лесом и монастырскими строениями. Поднявшаяся при этом высокая волна подхватила шедшие под Печерской слободой корабли и бросила их в образовавшуюся песчаную зыбь в пятидесяти сажнях от берега, поломав словно хворостинки мачты и гнутые дубовые борта.

Сильное встречное течение стрежня приостановило бег судна, и по приказу кормщика * гребцы дружно ударили веслами по воде. Казалось, сам берег поплыл от судна в Понизовье, уступая дружным усилиям ветра и людей. Двенадцать пар весел нутужно закрипели, и, вторя их мерному ритму, над Волгой полилась песня:

А не сильна туча-то затучилась,
А не сильны громы ударили:
Куда едет собака — Крымский царь?
— А ко сильному царству

Московскому.

Говорит же татарский царь
ко пособничкам:

— Ныне мы идем к Москве
белокаменной,

А назад воротясь — Рязань возьмем.

А как были они у Оки-реки,
И тут стали шатры расстановлять.
Говорит же татарский царь
князьям своим:

— Думу думайте с цела ума:
Кому от Крыма сидеть в Москве,
А кому быть в стольном Владимире,
А кому володеть Нижним Новгородом?

Песня далеко разносилась

над рекой, опережая лодью, стремилась к приближающемуся городу. У руля, рядом с кормчим, на резной скамье сидел сорокапятилетний хозяин струга, нижегородец Афонасий Олисов.

Курчавая шапка волос его осеребрилась на висках сединой. Взгляд темных глаз на широком загорелом лице пристальный, цепкий. Длиннополый вишневый кафтан с серебряными схватцами на груди ладно сидит на сильном, мускулистом теле. Тревожные думы о будущем одолевают, однако, ныне хозяина. «Во здравии ли встретит семья родителя своего?»

Минуло четыре года, как он покинул свой дом, жену и сына-подростка. Как жили-бедовали они это время? В 1672 году отправился он в разоренное восставшей вольницей волжское Понизовье управляющим государственных астраханско-яицких рыбных и соляных промыслов. Знал — ох как знал, что будет трудно восстанавливать промыслы. Боялся — ох как боялся

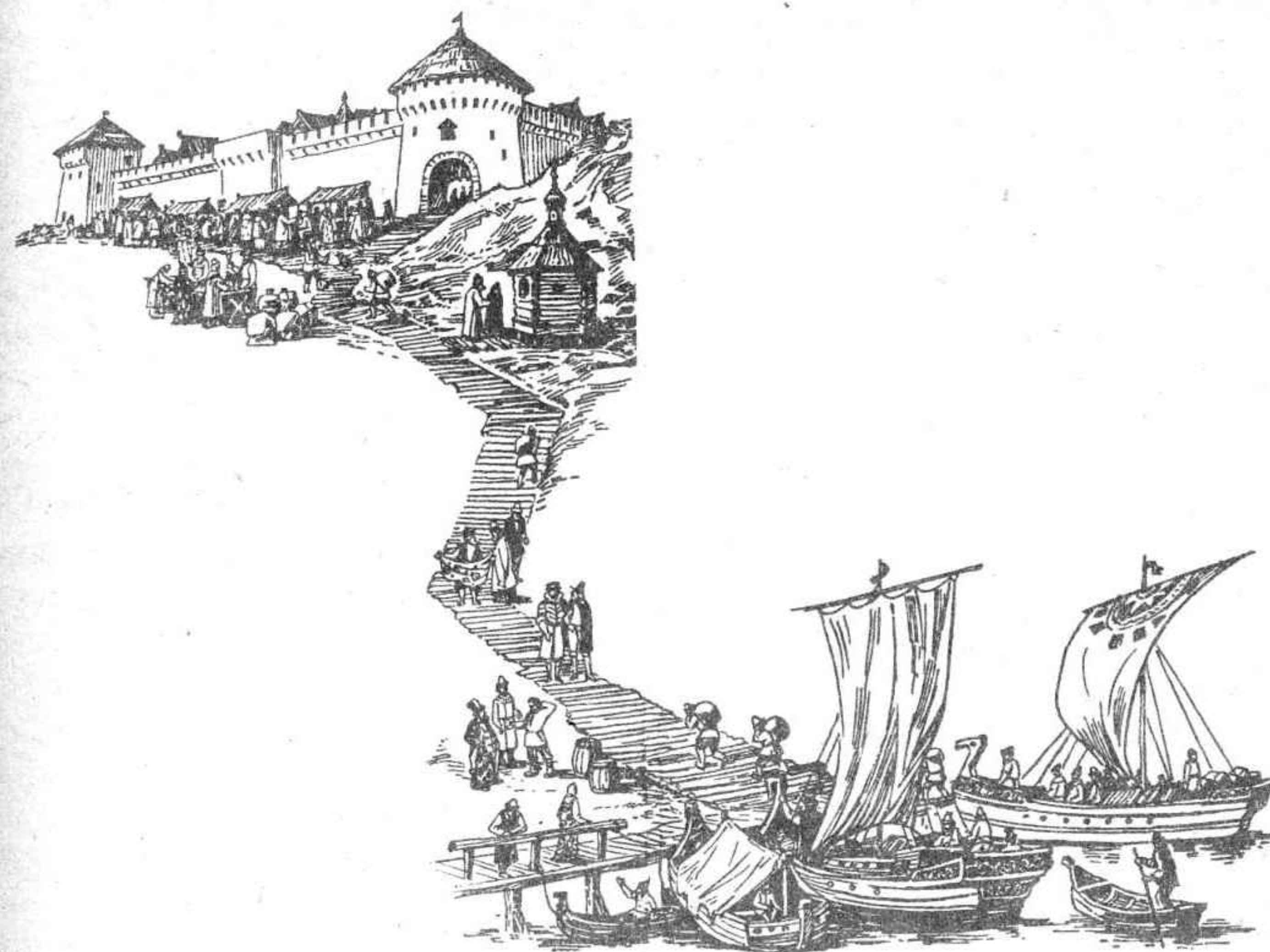
* **Кормчий** — управляющий судном (в значении «капитан»).

* **Неводчики** — рыбные ловцы сетями-неводами.

* **Бограчьи** — рыбные ловцы, в обязанность которых входило добывание больших белуг и осетров в сетях прямо в воде.

* **Белёна** — речное судно с прямой кормой и высокими наращенными бортами. Предназначалось для перевозки строевого леса.

* **Паузок** — многовесельная лодка, предназначавшаяся для перевозки в случае отсутствия сходен грузов с судна на берег (и наоборот).

Волжские пристани

сложить голову в дальних краях, где всегда было сильно сопротивление работных властям. В случае чего неводчики и бограчьи * уходили на тех же рыболовецких судах за море в Персию или на Дон к вольным казакам. Знал и боялся, но взялся за опасное дело в надежде выжить и обогатиться, навсегда выйти из тяглого сословия, из-под алчных и ненасытных взоров воевод и дьяков. Стоило это риска и усилий?! Что и говорить! Вряд ли найдется сегодня нижегородец богаче его!

Ухмыльнулся Олисов своим мыслям. Сколько золотых ефимков и серебра в изделиях укрыто им от посторонних глаз в потай-

ном, только ему известном схороне под полом судовой горенки! Сколько золототканых парчовых тканей, кружев, соли и рыбы везут вслед приказчики на его собственных трех лодьях! Сколько ценных животных оставил он про запас в Астрахани! Об этом знает только он, и никому другому проведать не дано.

— Так-то надежнее! — проговорил Олисов нежданно вслух и, удивившись сам себе, осторожно огляделся. Но кормщику было не до хозяйских дум. Приказав убрать паруса и поднять лопастями вверх большую часть весел, он осторожно вел лодью между опутанных канатами насадов, белен и паузков *, то и де-

ло задевая бортами просмоленные корпуса уже вставших на прикол судов.

Вдоль берега под каменным Нижегородским кремлем вплоть до устья Оки покачивало мачтами до трехсот различных по размерам кораблей. Это был целый город на воде — со множеством снующих по сходням людей, резкими покряками приказчиков и перебрасываемыми с рук на руки тюками и плетеными коробьями. Огромный преславный город Низовской земли России было трудно охватить одним взглядом. Жилые избы и высотные хоромы, амбары и тыновые ограды занимали весь берег, лепились по изрезанному глубокими оврагами косогорам и взбирались на вершины гор от Печерского вплоть до Благовещенского монастыря. Древнейшие нижегородские обители были отстроены каменными, со множеством храмов и реющими над ними коваными золочеными крестами глав — свидетелями не только знатности, но и несметных богатств монастырей.

Кто ж поверит гнусавым жалобам архимандритов о всеконечной бедности и нуждах их? Истинное было налицо.

Крепко схватил вершину самой высокой горы над Почайной пряслами своих стен Нижегородский каменный кремль. Мощные башни его, ошестинившись жерлами пушек, высились надежной защитой в годы лихолетья для горожан и грозным предупреждением для врагов-недругов. С Волги прекрасно просматрива-

лись в кремле шатер Михайло-Архангельского и пятиглавие Спасо-Преображенского соборов, храмы и палаты Воскресенского, Крестовоздвиженского и Симеона-Столпника монастырей, подворий царя и патриарха, каменный дворец нижегородского митрополита Филарета.

По берегам сбегавшей с горы Почайны-реки роились лавки, полки, шалаши, амбаришки и клетки Нижегородского торгового, над которым господствовали многочисленные главы каменных Никольского, Троицкого, Козьмодемьянского, а также деревянных приходских храмов. Возле них застройка расступалась, образуя небольшие площади, к которым сбегались улочки, переулочки и тупички. Вселенский шум людских голосов торгового заглушал лишь резкий металлический перестук молотов кузниц, коптивших горнами голубизну небес на Ильинской горе возле каменной же одноименной приходской церкви.

Взор Олисова устремился туда, пытаясь высмотреть возле своей приходской Успенской церкви домочадцев. Только разве различишь в муравейнике далекой людской толпы родные лица? Сердце же Олисова и помыслы летели туда быстрой птицей.

С лоды сбросили на берег сходни, но до прихода таможенных целовальников* никто не смел покинуть корабль. Гордо поднялись двое таможенников на палубу, однако, увидев известного им Афонасия Олисова, заюлили, ожидая щедрых подачек,

засеменили за ним в кормовую хозяйскую горенку. Таможенная астраханская отпускная выписка* уже лежала на столе, а возле стояла приготовленная серебрянская сулея с греческим терпким вином и высокие стопы. В выписи указывалось лишь о товарах, которые Олисов вез в родной Нижний Новгород не на продажу, а про свой домовый обиход. Для верности в нижнем углу склеи прилагалась черная восковая небольшая печать и подпись таможенного головы Астрахани, поэтому целовальники даже не стали разворачивать лежащие здесь же опечатанные узлы и коробья, а с жадностью принялись за емкую сулею. Через полчаса они вышли на палубу уже пошатываясь, взмахом руки разрешая людям спускаться на берег.

А еще через несколько минут впереди Афонасия Олисова работные понесли из его судовой горенки тюки. Но будь таможенники повнимательнее, они бы заметили, что тюков на один стало больше. Вслед за работными,

* Целовальник — человек, целовавший в храме при свидетелях крест на верность государевой службе.

* Отпускная таможенная выписка — документ, выдававшийся купцу или промышленнику при выезде из города с товаром для последующей его продажи.

* Крещатая бочка в четыре лица — верх здания в виде двух взаимопересекающихся килевидных бочек.

* Барабан — круглое или граненое основание под храмовой главой: световой — если имел оконные проемы, глухой — если таковых не было.

не отставая ни на шаг, шел сам Олисов. Из-за пояса его кафтана выглядывали рукояти двух пистолетов, а позади с ручной пищалью следовал его неизменный спутник, слуга и писец-счетчик одновременно Иван Владимиров.

Так, процессией, останавливаясь лишь для краткого отдыха, они и поднялись по ямскому взвозу через весь Нижегородский торг, мимо чадающих кузниц и Ильинской каменной церкви на гору, прямо к олисовскому двору.

Пока слуга стучал в ворота, Афонасий Фирсович степенно перекрестился на Успенскую церковь, сотворил земной поклон и только затем уж окинул ее придирчивым хозяйским оком. Стояла церковь будто только что отстроенная. На недавно отбеленных известью стенах просторной трапезной под лучами майского солнца глубокими нишами западали окна с окрашенными охрой коваными решетками. Вверх поднималась с запада стройная шатровая колокольня, а с востока — узорочное пятиглавие на крещатой бочке*. Вставленные в барабаны* полихромные балахнинские изразцы, серебристый осинового цвета лемех глав и тонкопросеченные железные золоченые кресты сияли яркоцветием.

«Другой подобной нет!» — тщеславно возгордился Олисов. Все капиталы вложил он в это строительство, нищей, почитай, оставил семью, лично настоял повторить в кирпиче образ старой деревянной, уже подгнившей, стоявшей здесь ранее церкви. «Только б богородица-заступ-

ница помогла в трудный час на чужбине, позволила б вернуть с лихвой истраченное!» — были и такие грешные мысли.

И действительно, красотой храма тщеславился весь приход*. В литургиях называлось имя ктитора — его, Афонасия Фирсова, сына Олисова, хотя пока он и прозывался всего-навсего тяглецом-посадским*. Но кто сможет соперничать с ним из собратьев богатством и известностью? Сам царь-государь Алексей Михайлович провожал его в дальнюю Астрахань напутствием быть осторожным и блюсти интересы государственной казны, намекая о достойной службе на граде за исполнение наказа.

Только нет его уж в живых. Сбудутся ли обещания?

В середине марта в Астрахань прибыл из Москвы гонец с известием, что в ночь с 29 на 30 января 1676 года, на 47-м году жизни умер царь Алексей Михайлович. Еще ранее, во время торжеств на Красной площади в столице, по случаю встречи нового 1674 года, он провозгласил своим преемником 13-летнего царевича Федора. Объявил все-народно и на том заставил целовать крест Боярскую думу и дворовых дворян, а послов-иностранцев от государева имени представлял боярин-оружейничий Богдан Матвеевич Хитрово:

— Видели вы царевича, пресветлые очи, будущего государя нашего, и какого он возраста: так и пишите об этом в свои государства нарочно!

Привез тогда гонец из прика-

Царица в одежде парадного выхода

Боярыня

Зажиточная горожанка

Посадская

за Большой казны и указ лично для Олисова. Дементий Башмачников предписывал поспешить в Москву с отчетными за истекший год книгами. Из требовательного тона послания явствовало, что послушаться его и направить с отчетом в столицу кого-нибудь из помощников нельзя. Пришлось перепоручить все дела в Астрахани и на Яике целовальникам, а самому по первой после зимы чистой воде плыть в стольный град.

Так и оказался он неожиданно в родном Нижнем Новгороде.

«А что станется в Москве? Что станется с ним лично?» — вновь омрачило радость встречи с близкими тяжкое раздумье.

Сначала стукнул ставень смотрового волокового* оконца сторожки, а затем настежь распахнулись створы ворот. Посреди них стоял улыбающийся дедина — сын Афонасия Олисова, тоже Афонасий. Белесые, как у отца, вьющиеся волосы ниспадали до самых плеч, оттеняли черноту глубоко посаженных на округлом лице жгучих глаз. Неопоясанная по-домашнему, об-

* Приход — часть посада с приписанным к определенному храму населением (прихожанами).

* Тяглец-посадский — житель города, ежегодно платящий в казну денежное и натуральное тягло.

* Волоковое оконце — вырубленный лишь в полбревна в двух соседних венцах оконный проем, закрываемый изнутри доской-заставнем.

шитая по краям золотной ширинкой* кумачовая рубаха с разрезами-проймами под мышками свисала свободно, подчеркивая силу и стать шестнадцатилетнего молодца.

С крыльца торопливо, поправляя головной темный плат, сбежала жена Олисова, раздумывая от неожиданной радости и смущенная обращенными к ней взорами незнакомых людей. Лишь окинув оценивающим взглядом сына, Олисов перешагнул настил проезда ворот и обнял рухнувшую было на колени перед своим господином жену.

— Будет, будет, Авдотьюшка свет Ивановна. Жив я и здоров! Чаю и вас в благополучии видеть?

Но жена не могла произнести от волнения ни слова. Лишь всхлипывала радостно, теснее прижимаясь к мужниной груди.

— Несите кладь в дом, да осторожней! Афонасий, проследи! — прикрикнул растроганно Олисов и, сдернув с пояса свободной рукой расшитую кису* с позванивающим серебром, бросил ее в руки Ивану Владимирову.

— Одари носильщиков. Завтра поутру жду, а ныне повидайся с родными-близкими. Путь впереди скор и долог.

После баньки да домашнего сытного застолья Афонасий Фирсович вышел во двор оглядеть домовые строения. Утыканная острым железом от лихих неожиданных людей тыновая ограда усадьбы стояла крепко, нерушимо. Но столбы-верей ворот

покосились от тяжести окованных полотнищ, а тесницы их кубоватой кровли местами выгнили и едва держались на покатых поллицах*. Старый, доставшийся еще от отца двухэтажный рубленый дом почернел, со стороны оврага обуглился — приметен оказался след пожара 1665 года, когда едва-едва удалось сбить пламя мокрыми метлами с уже загоревшейся моховой пробойки. Слюдяные оконца малы и едва пропускают в горницы скупой свет. Подсыревшие нижние венцы сруба отдают плесенью и грибком, столбовая же повалуша над сенями, с которой так любил еще мальцом Олисов смотреть на жизнь Волги, опасно поскрипывает под малейшим ветерком. Ее высокая бочечная кровля во многих местах потеряла лемех и протекает. Отовсюду проглядывают явные следы упадка и запустения.

«А сын-то, видать, нерадив, нерасторопен, — горестно отметил про себя Олисов. — Поисти-

* Золотная ширинка — пришитая к одежде узорочная ткань, окаймляющая подол, рукава и ворот.

* Киса — древнерусские одежды не имели карманов. Предметы же личного туалета и деньги люди XVII в. носили в расшитых задерживавшихся шнурками кисетах, которые хранили за поясом или подвешивали к нему.

* Поллица — нижняя, более пологая часть крутой кровли.

* Братина — шаровитый с округлыми боками сосуд, передававшийся во время пиров-застольев по кругу. Это обозначало единение, благорасположение и полное доверие друг к другу.

не — дом без хозяина сирота!.. Ну да ладно! Новый поставлю! И не рубленый, а каменный, просторный, безопасный от огненного зажигания. Сколько раз единым часом разоряли пожары даже состоятельных нижегородцев. Одна надежда тогда на зарытую про черный день потайную корчагу с серебром. Только выход ли это из бед? Лучше кошельком потрясти заранее, да жить надежно в каменных стенах, чем страх постоянный иметь, терять животы и богатства разом. Да и дело для сына достойное будет. Пусть займется в мое отсутствие, рачительность свою покажет».

Слух о приезде в Нижний управляющего государевыми низовыми промыслами разнесся по посаду быстро. Солнце еще только клонилось к закату, а ко двору Олисова уже один за другим потянулись старые друзья-приятели и посадские богатеи, у кого были к нему неотложно-важные дела.

Первыми пришли земские старосты Иван Вареногов и Андреян Михалев, затем — ямщик-богатеи Оска Иванов и торговец солью Гаврила Дранишников. Все, входя в дом, истово крестились на мерцающую в красном углу лампаду, отбивали земные поклоны хозяину с хозяйкой и степенно усаживались вокруг стола на полавки. Но речей о делах не заводили, ожидая, что начнет их сам Олисов.

Афонасий Фирсович был польщен вниманием именитых нижегородцев, а потому в знак

расположения и дружбы налил большую шаровитую серебряную братину* вина и, отхлебнув большой глоток, передал ее по кругу.

Рассказы о житье-бытье за столом чередовались с шутками и смехом, лишь захмелев, перевели разговор на дела, и лица у всех сразу заметно поскущнели. Гости притихли.

— Сколь долго пробудешь, свет ты наш Афонасий Фирсович, в родном доме? Говорят, сам царь-государь ждет тебя в стольном граде?

— Днями управлюсь по хозяйству, отдохну в стенах отцовского дома чуток, да и в путь. Много забот у меня в Москве. Только что о них говорить — то государево дело! — отрезал Олисов.

— И царя-батюшку, поди, лицезреть доведется? — осторожно спросил Иван Вареногов.

— Не можешь ли грамотку-челобитие от нас лично ему подать? Горем живем — слезами умываемся! Сам знаешь о несчастном житии нашем.

Олисов потупил взор не отвечая. Хмель будоражил воображение, учтивые речи льстили самолюбию, но разум предупреждал об осмотровительной сдержанности.

— Жить немоготу! Хоть в петлю лезь! — жалился земский староста. — Весь посад разорен, нищие-сироты с каждым днем множатся. Растут долги-оброки посада год от года. Воевода да государев дьяк по триста должников в день выводят на

торговую казнь* на площадь Нижнего посада — потчуют нещадно батожаем, на смерть забивают. Только можно ль так добыть злато-серебро? 2 100 рублей каждогодно платим посадом ямщикам на подмогу. На 7 500 рублей покупаем для стрелецкого жалованья хлеб. По сто и более нижегородцев каждым летом ловят на государев обиход оборочную рыбу. Где ж все это собрать-выплатить?! Как стерпеть казнь-унижение?! Задолжали казне 33 000 четвертей ржи, овса тож. Денег же — и не считано. Долги растут с каждым годом.

— Спаси, Фирсович, нас Христа ради! Всем посадом молим о милости. Будь ходатаем пред государем, пусть смиростивится — скостит долги, убавит годовые подати, иначе все уйдем с сумой из города. Все равно погибать!

За столом зашумели, чередуя слезы с жалобами, доказывая истинную невозможность жить далее так, задирали рубахи, показывали полузатянувшиеся рубцы и раны.

«Коль богатеи так вопят-стонут, как же бедуют простые нижегородцы?» — не мог не поразиться Олисов. А вслух посетовал:

— Да как же я ходатаем вашим стану, коль не ведаю исхода и своих дел? Соизволит ли слушать царь-государь Федор Алексеевич раба своего? Пошто, скажет, суешь нос в чужие, ведаемые приказными, дела? Чую, не видеть мне тогда ни Нижнего, ни родных-близких, гнить где-ни-

будь в земляном порубе безвестно!

— Фирсович! Смилуйся! Пострадай за нижегородский люд! — заголосили гости. — Авось минует тебя зло-несчастье. Никогда не забудем доброты твоей, яко Минина Кузьму — спасителя Отечества — почитать в веках будем!

Сравнение с Мининым взволновало Олисова. Знал, как много высоких слов говорено было нижегородским митрополитом Филаретом при переносе праха великого нижегородца из посадской окраинной Похвалинской церкви к кремлевскому Спасо-Преображенскому собору в год его отъезда в Астрахань. Лишь великие нижегородско-суздальские князья да высшие духовные иерархи* удостаивались чести лежать в кафедральном соборе*.

«Ведь тоже был простым посадским Минин-то!» Олисов еще никогда не ощущал столь явственно свою значимость и ответственность за весь достопрестольный Нижний Новгород.

Быть почитаемым как Минин! Быть прославляемым в веках — тут было о чем поразмыс-

* Торговая казнь — публичное наказание батогами-палками должников казны на городской торговой площади в течение нескольких дней до полной выплаты ими задолженностей.

* Духовные иерархи — высшее духовенство: митрополиты, епископы, архимандриты крупных монастырей.

* Кафедральный собор — главный храм крупного феодального города, где службу вел митрополит или епископ.

лить, было во имя чего и жертвовать.

«А может, обойдется в Москве-то? Говорят, милосердны в собственных горестях люди, а Федор Алексеевич молод. Может, зачтется честность и забота просителя о государственных выгодах? Не о себе же пекусь, — промелькнуло в мыслях Олисова. И чем дольше он думу думал под шум и крики разволновавшихся гостей, тем больше выгод видел в том и для себя лично. — Только с умом дело делать следует! Говорить все больше о выгодах для казны. Авось и свои дела при этом устроятся?»

Много было говорено в тот вечер. Только никаких обещаний от Олисова никто не услышал.

— Подумать надобно, — уклончиво повторял он. — Завтра натрезво приходите. Всем миром челобитье государю писать будем и как далее быть сообща подумаем.

На этом и расстались. Но просители даже не подозревали, какие тайные минуты сладостного торжества пережил Олисов.

Веселым перезвоном колоколов началось утро следующего дня. Сначала гулко ударил часовой многопудовый колокол у Спаса в кремле. Ему отозвались звоны Михаила-Архангела и Воскресения, подхваченные сразу же звонарями храмов на посаде: Благовещенья, Мироносиц и Иоанна Предтечи на торгу. Только после этого по обычаю присоединились другие приходские храмы. Густой гул поплыл над городом, поднимая людей к по-

вседневному трудам и заботам.

Всем семейством Олисовы отстояли в Успенской церкви утреннюю службу, и только после этого Афонасий Фирсович принялся за дела.

— Задумал я, сын, строить каменные палаты. Старый-то дом обветшал, смотри — развалится в одночасие. Подобаает ли жить нам так скудно? Пусть видят люди — возвысился род Олисовых, нет равных нам на посаде! Буду в отъезде, не мешкая принимайся за дело. Живут близ Николы Верхнепосадского каменщики Мишка да Андреяно Григорьевы. Сказывают, добрые мастера, учились у достопрестольного государева каменных дел подмастерья Антипа Константинова при возведении храмов Печерского монастыря, с гостиной сотни Семеном Задориным строили кафедральный Спасо-Преображенский собор, башни-стрельницы кремля поновляли. Стоят нерушимо! Глаз радуют красотой. Прошлым летом завершили кремлевский дворец митрополита Филарета. Где ж лучше каменщиков сыщешь в городе? Авось сговоримся с ними о палатном строительстве? Что молчишь? Аль не по нраву отцовский замысел?

— Рад служить родителю слабыми силами своими. Только худородным умишком мысля: не опоздали ли мы ныне с делом? Мастера, поди, давно по подрядам трудятся. Да и купить по сходной цене кирпич на торгу не удастся. Ой как много его понадобится!

— А ты в Балахну езжай! Прямо в сараях-заводах по сходным ценам покупай и вези на немных лодьях в Нижний. В рядах же бери лишь белый камень, известь да железо. Неделей-двумя с покупками управься, чтоб нынешним же летом палаты и окончить! Таков отцовский наказ,— уже строго закончил Олисов.— Смотри, к приезду моему из Москвы чтоб стены были под кровлю подведены! Денег не жалей, но и не бросай понапрасну. Мастеров-строителей одари, да и еще пообещай при окончательном расчете надбавить за доброту и спешность в работах. Пусть берут помощников сколько надобно. Желающих при нынешнем голоде да воеводских батагах много, благодетелем тебя почитут. Вот, глядишь, и управишься с делом-то.

Разговор отца с сыном прервал стук в дверь. В горницу чинно, один за другим вошли с десяток земских выборных. Поспешили застать хозяина дома, потому и явились с утра.

— Мир дому! Благополучия благодетелю нашему Афонасию Фирсовичу! Лета многие чадам и домочадцам! — заговорили нестройно, крестя лбы на красный угол и подталкивая друг друга вперед.

— Мир вам, гости дорогие! — не скрывая внутреннего неудовольствия, но по обычаю подстраиваясь в тон приветствия, ответил Олисов.— Прошу проходить к столу, отобедать чем бог послал!

— Христос спаси от бед дом

сей! Пусть множится доброта, щедрость и казна почтенного семейства!

Теперь были сказаны все подобающие случаю слова, и гости, распахивая кафтаны, степенно стали занимать широкие постенные лавки*. Горница наполнилась шумным дыханием людей, так что Олисов распахнул настежь все слюдяные оконницы и даже дверь в сенцы.

— Иди, сын, делай, что указано. Наша беседа долгой будет,— коротко распорядился при этом Афонасий Фирсович и присел на полавки среди выборных, подчеркивая тем равенство в общей беседе.

Пришедший вместе с земскими выборными низкорослый юркий площадной подъячий Иван Лоушкин пристроился к краю стола, достав из кожаной сумы медную с откидывающейся фигурной крышкой чернильницу, несколько заточенных гусиных перьев, склянницу* с мелким песком и небольшую стопу бумаги.

* Постенная лавка — в русских жилых горницах XVII в. вдоль стен тянулись широкие лавки. Они нередко делались с резными на шарнирах спинками, откидывавшимися при постилке постелей и служившими уже ограждениями.

* Склянница — небольшой стеклянный сосуд, прикрывавшийся металлической крышкой с малыми дырочками. Предназначался для хранения мелкопросеянного песка, которым сушились чернила.

* Гость — член высшей в России XVII в. купеческой корпорации, имевший целый ряд привилегий и право торговли за рубежом.

— Прими, Афонасий Фирсович, благодарность нашу за то, что снизошел до бед наших, что согласился выслушать слова горестей и стать ходатаем пред великим государем-царем за применитый Нижний Новгород,— издали начал Иван Вареногов.— Прощения просим всем миром, что отрываем от дел домовых. Только времени нет для долгих сборов. Прости Христа ради!

Последние слова послужили как бы сигналом. Выборные поднялись, разом низко, до самого пола поклонились сидящему Олисову. Как и прошлым вечером, Олисов пережил чувство торжества и, теперь уже не скрывая этого, самодовольно ухмыльнулся. Просители сочли за лучшее ничего не заметить.

Сам господин Нижний Новгород кланялся ему, простому посадскому, в лице своих земских выборных! Кланялся низко и слезно. Ему, кого всего пять-шесть лет назад называли просто Офонька тяглец. Как все быстро изменилось! Птица счастья, видать, коснулась его своим крылом, когда встретила его шестнадцатилетняя дочь московского гостя* Ивана Козлова Авдотья. Прадед Козлова, Федор, когда-то был нижегородцем и прозывался за редкую клинышком бороду и скрипучий голос Козлом. Да что с того? Потом стал гостем! Высокое звание унаследовал и его сын, именовавшийся уже Козловым, а от него благодать милостей от судьбы полилась и на зятя-красавца!

— Как давно то было! —

чуть не вслух сказал было Олисов, да вовремя спохватился, что в горнице не один, не приспела пора воспоминаний.

Церемониал учтивых речей затягивался, но Олисов не торопил земских с делом, выслушивая витиеватые, подобающие случаю слова. Лишь к полудню, после долгих споров, Иван Лоушкин зачитал много раз правленное челобитье:

«Милостивый Государь, царь и великий князь Федор Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержец. Бьют челом и являют от всего преименитого Нижнего Новгорода земские старосты Иван Вареногов и Афонасий Олисов с сотоварыщи. Смилуйся, Государь, над бедами и всеконечным разорением нашим: по вся годы московским и володимерским и нижегородским ямщикам на подмогу из земской избы платим через мочь свою 2 100 рублей на год, да на нас же положен оброк — оханная рыба, и та рыба ставится в Москву мирскими людьми во многие деньги, да на нас же, нижегородцев, положен сверх Писцовых книг новоокладной стрелецкий хлеб, а платим по всякой год за тот хлеб деньгами по 7 500 рублей. И против того немочного платежу одоужали мы и недоплатили 33 272 четверти ржи, а овса тож, денег же 19 512 рублей. И в тех долгах мы, земские старосты и всем городом посадские люди, з женами и з детьми стоим по 300 человек и более на всякой день на правеже, бьют нас нещадно

батожьем и оттого мы вконец разорились, а иные многие люди и померли.

Смилуйся, Государь, над сиротами вашими. Вели платить в твою государеву казну в правду и в мочь свою, чтоб не погибнуть злою смертью, чтоб не запустел от того славный Нижний Новгород.

Смилуйся, Государь, помилуй!

Писано в Нижнем Новгороде, лета 7184-го, мая в 30-й день».

Прозвучало последнее слово челобитья, и все замерли, облегченно вздохнув, словно после долгого, изнурительного труда. Суровые слова отражали страшную правду.

«Что-то будет? Минуют ли их тяжкие времена?» — размышлял каждый про себя, отбивая прощальные поклоны за гостеприимство и хлеб-соль хозяину дома, от которого отныне зависело всеобщее будущее. Но сколько судеб людских уже покалечено?! Сколько нижегородцев после нещадных правей гаснут в болезнях?! Сколько бежало с семьями за Волгу и в Понизовье из родного города?..

А вечером того же дня в горницу Афонасия Фирсовича сошлись по зову каменщики братья Григорьевы, кузнец Тимошка Родионов и плотник-подвязчик * Лаврентий Иванов. Был снова зван и площадной подъячий Иван Лоушкин, известный своим хитроумием в составлении разных бумаг и красивым росчер-

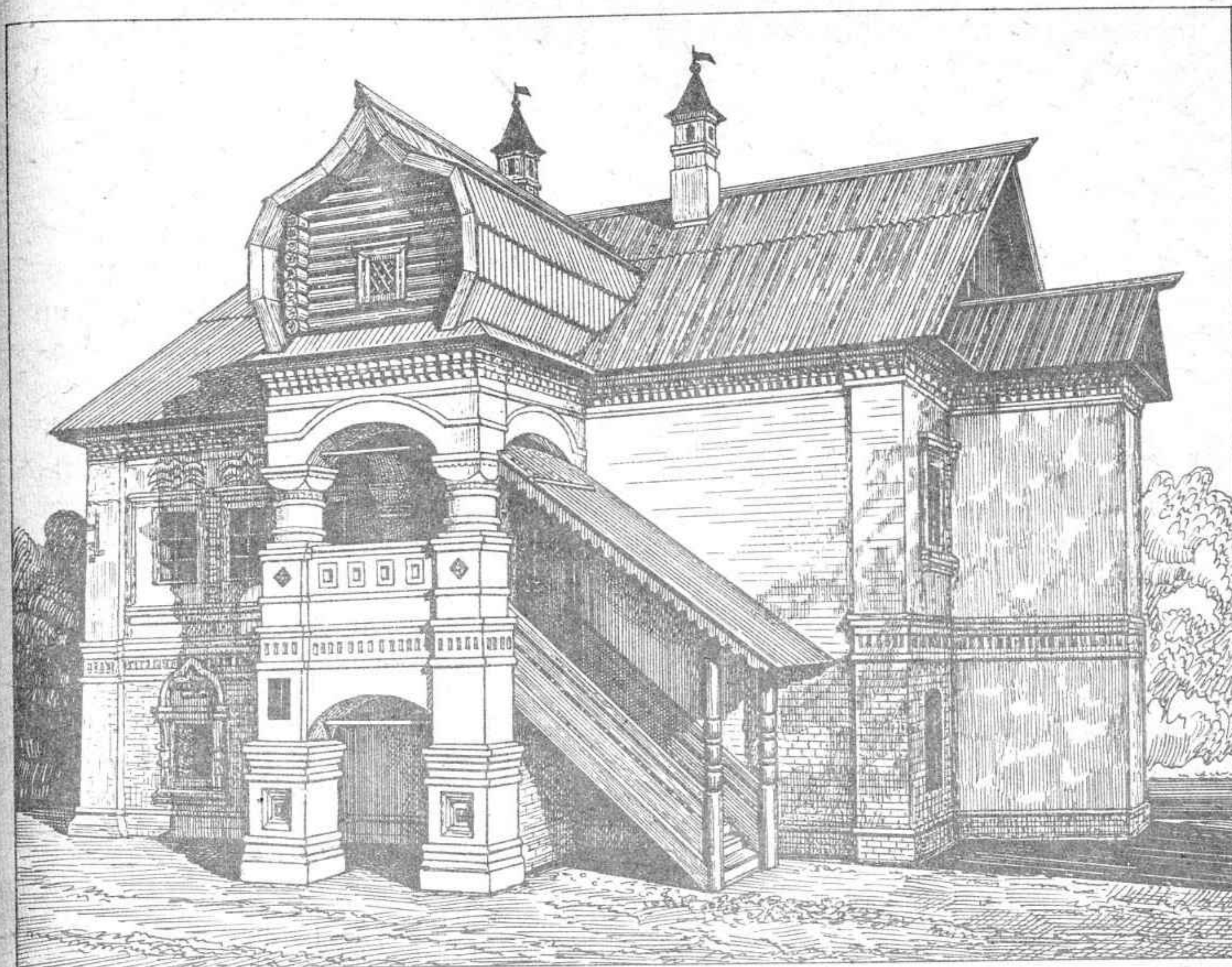
ком пера. За жбаном пива и приготовленной в глиняной миске отварной осетриной засиделись допоздна. Все говорили о будущих каменных палатах.

— Быть палатам о трех жильях. Первый этаж под кладовые да приказчию выделяю, во втором же, кирпичном, горницы устроить следует, да так, чтоб одна в отделе была. Жить будем в рубленом третьем этаже, как испокон веков велось. Устроить надобно светлицу * под кровелькой и повалушу под сенями, чтоб было где в жаркую пору лета прохладу сыскать, в дождь-снег подышать перед сном свежим воздухом.

Крыльцо чтоб в сторону Успенской церкви отлегало, да подобающим образом и обделать. Окна чтоб в горницах просторными были — не монастырские кельи возводить будете! Делать подобно как мера и красота укажут! Как разум да опыт повелят! — наставлял Афонасий Фирсович. — Сможете ль такое совершить, мастера? Одним летом закончить? Угодите — одарю сверх меры, и подрядный договор составим как должно. Пусть нерушим он будет, только и обещание мое попомните.

* Плотник-подвязчик — мастер по возведению строительных лесов, а затем следивший за их исправным состоянием. По завершении работ подвязчик был ответственным за разбор лесов.

* Светлица — жилая горница верхнего этажа или чердака-терема. Обычно служила девичьей и предназначалась для женской половины семьи.

Нижегородские палаты А. Ф. Олисова. XVII в.

Завтра сына посылаю в Балахну за кирпичом. Не пожелает ли кто из мастеров попутчиком ему быть? Купите с Афонасием кирпича сколько надобно и лучшего качества. Сами для себя изготовите, обид, что материал негод, глядишь, не будет.

И Лаврентий с Тимофеем завтра же пусть закупают на торгу строевой лес да железо. Подбирайте себе в дружины артельщиков сколько надобно, да таких, чтоб не пьянью кабацкой были, а славились мастерством. Отбоя в помощниках не будет. Вот и отбирайте наилучших!

Минуло всего несколько дней. А из Балахны уже получено было известие от Афонасия, что у промышленника Ивана Шлякова закуплено 60 000 железняка да 40 000 красного кирпича большой монастырской руки, что уже грузят его на наемные лоды, готовя отправить в Нижний Новгород. На Ильинской же горе, после того как домашний скарб вместе с домочадцами перевезли на возах в другой дом Олисовых, к Сергию на Петушке, старые постройки разобрали на дрова. Работных-ярыжных было достаточно. Сле-

дую указаниям Афонасия Фирсовича, Андрей и Михаил Григорьевы отмерили на земле саженью семь раз длину, шесть раз ширину будущих палат, наметили внутренние стены-перегородки, на которые со временем должны были лечь кирпичные своды. Теперь повелели они копать глубокие рвы под основание. Через несколько дней первые белокаменные квадраты были уже уложены в фундамент и обильно пролиты густо замешанной на чистом речном песке известью.

Дело началось спору, и Афонасий Фирсович заспешил в путь. Для поездки в Москву он нанял ямщика Оску Иванова, славившегося своими сильными откормленными лошадьми и личным знакомством с торговцами, почитай, всех сел и городов на пути к столице. Оска прибыльно сочетал извоз-гоньбу* с торговлей, догружая каждый раз свои телеги восточными тканями и юфтяным товаром*, пользовавшимся повышенным спросом на местах. Поэтому нижегородского ямщика всюду встречали свои торговые люди. Они же устраивали его на ночлег, обильно, покупчески, потчевали ужином. Хоть и слыл Оска Иванов в нижегородской ямской слободе богатеem, но полных его дел-торговник не знал не ведал, потому участвовал он в общих службах наравне с сотоварищами, только со своей части вытного оклада*, быстро заполняя очередную тайную кубышку серебром.

Ехали, как показалось Олисову, долго и излишне медленно,

хотя останавливались лишь на ночлег да на луговинах близ тихоструйных лесных рек, чтоб сочной высокой травой подкормить лошадей. К исходу третьего дня, когда пыльная дорога взобралась на очередной холм, вдали блеснула серебристой лентой Яуза-река, а за ней всю ширь горизонта заняли околорадия Москвы с выделяющимися белизной купами каменных строений окраинных монастырей. Отсюда хорошо были видны рубленые островерхие башни и стены Скородома, за которыми путника ждало отдохновение и новые тревоги.

Солнце нырнуло в нависшую

* Извоз-гоньба — государственная служба ямщика, заключающаяся в перевозке грузов, служилых людей и посольских миссий.

* Юфтяной товар — выделанные кожи (козлины).

* Часть вытного оклада ямщика на службу — определенный договором с Ямским приказом объем службы (на число лошадей и верстаж) ямщика.

* Сорок сороков Москвы. — Множество приходских, монастырских и домовых храмов породило в народе мнение, что их в Москве XVII в. было «сорок сороков», то есть 1600. Ктитория-заказчики и строители придавали каждой церкви неповторимое, только ей присущее решение, поэтому образ русской столицы строился на множестве доминант, был живописен и ярок.

* Приказ Большой казны — главный орган, контролировавший в XVII в. государственные финансы России. Он ведал наиболее состоятельным, «гольдейским» купечеством: гостями, гостиной и суконной сотней, золотого и серебряного дела мастерами, а также Денежным двором.

над городом и морем ржаных полей, что колосились по обеим сторонам дороги, быструю тучу, и все вдруг померкло, стало серым и скучным. И тут же сквозь облако, окрасив его края, пробилась и упала на землю полоска солнечного луча, заигравшего яркими красками на золоченых главах далеких столичных «сорока сороков»*.

«Вот так и в жизни людей: то серость повседневных забот, то редкие мгновения радости — словно луч удачи, что дарит человеку надежду. Что-то ждет в Москве?» — думал с тревогой Афонасий.

16 июня 1676 года Москва пробудилась от праздничного перезвона всех колоколов Кремля, Китай-города, Белого города и Скородома. На царство венчался пятнадцатилетний Федор Алексеевич. Пора траура по родителю его, Алексею Михайловичу, прошла, и несколько недель стлавшийся над стольным градом прерывистый скорбный звон сменился радостным, малиновым. Соревнуясь в удалом мастерстве, знаменитые московские звонари старались переиграть, заглушить соседа мощным гулом главных храмовых колоколов, вплетавшихся в общий перезвон малых и звонных колокольных.

В надежде на редкое зрелище и на обильное угощение москвичи хлынули в Кремль, но ворота оказались закрытыми, а каменные крепостные мосты заняты стрельцами дозорами, пропус-

кавшими вовнутрь лишь запоздалые стольничьи и боярские возки да кареты. На Красной площади у Покрова на Рву в толпе оказался и Олисов. Уж третий день он был в Москве, сколько раз пытался пробиться в приказ Большой казны*, но его, как и всех простолюдинов, в Кремль не пускали. Правда, Олисов все же сумел сунуть пробежавшему мимо знакомому подьячему приказа вместе с тяжелой полтиной грамотку к государеву казначею Ивану Богдановичу Комынину, перед которым по именному указу Алексея Михайловича он ежегодно письменно отчитывался в делах управления яицко-астраханскими промыслами.

Но только спустя несколько часов из Кутафьей башни выехал возок казначея. Заметив поджидающего истомившегося Олисова, Иван Богданович остановился, подманил пальцем нижегородца.

— Сказывали мне про тебя. Только никаких дел ныне справлять не указано. Всем в золотом платье велено быть в Кремле. Поживи в стольном граде, поразвейся. Чего торопишься? Кончатся торжества — приходи. Да и тогда не спеши. Новый государь-царь новых людей, поди, в приказы ставить станет, а те — новые порядки с собой принесут. Так что жди, не торопись.

— Время идет. Дел в Астрахани невпроворот. Сколько порух в промыслах станется. Не сменя ль за это спросится? — сколь мог сдержанней возразил Олисов. — Батюшка Иван Бог-

данович, прими хоть Отчетные книги на просмотр, а я поспешу в Понизовье. Обмана в книгах нет, прибыль же казне немалую учинил. Все по статьям расписал. Дары новому государю-царю привез да и тебя, батюшка, не забыл.

— Дары? — оживился дьяк. — Неужель и меня попомнил? Ну, показывай.

— Не обессудь, Иван Богданович! На подворье оставил, — схитрил Олисов, стремясь еще более заинтересовать в своем деле казначея.

— Завтра поутру доставлю, только устрой мое подношение государю-царю Федору Алексеевичу! Век доброту твою не забуду!

— Видимое ль дело, чтоб простой посадский, хотя б и с дарами, к самому царю под руку подходил? Не по чину! Не проси! Дары же пусть митрополит ваш вручит.

— Как, и Филарет здесь?

— Здесь, здесь! Весь высший духовный чин ныне в Москве собрался благословлять нового государя. Как же без митрополита Низовской земли обойтись?

Так и остался Олисов ни с чем. Долго бродил он по торгу Китай-города, толкался на заполненных шумной праздничной толпой московских улицах, размышлял о превратностях судьбы.

«Стремился, ехал за тысячи верст. Думал дары вручить, свое и земское дело выправить. Да как выправишь, коль и к Кремлю не подойти? Разве что Филарет

поможет? — мелькнуло в мыслях. — Только как сыскать его — песчинку в стоге сена?»

Прошла еще неделя. Колокольным веселым звоном и пушечной пальбой Москва шумно отпраздновала восшествие на престол Федора Алексеевича. Видевшие юного царя говорили, что светлолик он и благочестен, да уж больно богомолен.

Подобает ли столько почестей воздавать попам? Возгордятся вновь, как бывший Никон-патриарх, о власти возмечтают.

Ох, горе-горькое!

На подворье кузнеца Семена Карпова, в недавних годах взятого с Нижегородского посада в записные мастера Московской Оружейной палаты, Олисов вернулся поздно. Слуга Иван Владимиров с возраставшей тревогой поджидал его у ворот.

Олисов ужинал в глубокой задумчивости, не замечая, что ест.

— Почему невесел, гость дорогой, Афонасий Фирсович? Аль беда приключилась, горе какое? — осторожно поинтересовался кузнец.

— Горя нет, да и радоваться нечему. Как быть дальше, не ведаю. Мысли, как пчелы из борти, в разные стороны летят.

— Что ж так? Поведай — может, советом пособлю?

— Дело простое. Приказ Большой казны пуст — все государевы приказные в Кремле на торжествах. Сколько ждать придется? А служба не терпит. Мыс-

В палатах состоятельного горожанина. XVII в.

лил повидаться с самим Федором Алексеевичем, да разве подступишься к нему? Надумал через нижегородского митрополита Филарета в кремлевский терем попасть, да где же его сыщешь в стольном граде?

Заулыбался кузнец.

— Этому горю не хитро помочь! Как раз завтра еду ковать лошадей Филарета. Обода колес кареты перетянуть. Знать, не забыли меня в Нижнем Нове городе. Обещали возок подогнать по-

утру за инструментом. Вот и поедем со мной! Авось свидишься с митрополитом.

Так и случилось. К полудню следующего дня ко двору Семена Карпова подкатил возок. И Олисов, сидя рядом с кузнецом, помчал в Замоскворечье, на Ордынку, к подворью нижегородского митрополита Филарета.

Пока кузнец работал в дальнем углу просторного митрополичьего подворья у конюшен, Олисов поднялся по всходу

парадного крыльца в сени покоев. Широкоплечий чернец преградил дорогу, вопрошающе взглянув на нежданного гостя.

— Нижегородец я, Олисов, государев промышленник! Рад будет видеть меня святой отец-митрополит,— заговорил Афонасий Фирсович.

— Гости у владыки! Не веле-но беспокоить,— ответил монах. Однако видя, что Олисов упорствует в своем решении, смолк на полуслове.

— А ты доложи. Авось и не прогневается твой господин?

Чернец, прицениваясь, взглянул на шитый золотом дорогой кафтан незнакомца и возражать не стал, скрылся за низкой, обитой просечным железом * массивной дверью горницы.

Через минуту-две он вернулся, молча распахнул перед Олисовым дверь и посмотрел вслед ему уже удивленно.

С тревожно бьющимся сердцем Олисов перешагнул высокий порог и оказался в просторной столовой палате. Несмотря на волнение, цепким взглядом обещал горницу: красные окна распахнуты настежь, однако воздух душный, спертый. Пахнет давно не проветриваемым помещением, ладаном. Три ряда икон занимают красный угол. Промеж них мерцает несколько лампад, а в шандале * горит с десятков свечей. Двойное освещение придает палате непривычный, загадочный вид. В дальнем углу на могучих ножках-лапах высится заставленный яствами стол. Двое монахов, одетых в черное, и мит-

рополит, в цветной обыденной мантии, повернулись навстречу вошедшему.

Перекрестившись по обычаю сначала на иконы, Олисов подошел к столу и низко склонил голову под благословение. Филарет, уже немолодой, с обрюзгшим лицом и длинной седой бородой, не поднимаясь с места, осенил крестом гостя и указал на свободный, обтянутый кожей, с высокой резной спинкой стул.

— Уж не тот ли ты Олисов, что в год моего приезда в Нижний съехал в Астрахань государевым рыбным промышленником? — спросил тихо Филарет.

— Тот, тот, владыка, святой митрополит.

— Слышал о богатствах твоих, о щедротах на устройство церкви. Что заставило тебя искать меня в Москве в столь неурочный час? Аль беда какая приключилась?

— Нет личных бед, но забота моя о преславном Нижнем Новгороде. От земщины посадской послан поднести царю-батюшке дары, да не ведаю, как это сделать. Попасть в Кремль не могу, а пред очи государевы тем паче,— схитрил Олисов, даже не упомянув о своих собственных делах.

— Достоин ли случая дар тот? — поинтересовался митрополит.

— Достоин, достоин! Резной белой кости складень * тонкой греческой работы на золотой цепи. Господь и предстоящие литы из чистого золота, а оклад яхон-

тами да изумрудами осыпан. Цены нет земной диву тому! Да в прибаву крест-мощевик * с волосом богоматери. Украшен рубинами в сканых оплотах, увенчан алмазом редкой чистоты!

— Вижу усердие твое в земском деле, Афонасий. Пособлю увидеться с государем. Только считай, что и моя доля в том даре есть! — неожиданно твердо закончил митрополит, не оставляя повода для перетолкования принятого им решения.

«Ух, хват! Мягко стлал, да жестко спать! Подношение-то мое в своих корыстях использовать хочет,— поразился случившемуся Олисов и тут же прики-

* Просечное железо — обычный для XVII в. элемент декоративного убранства палат в виде накладных, художественно обработанных полос: личин секирных замков, петель дверей, коньковых гребней и подзоров кровель.

* Шандал — подвесной для многих свеч светильник.

* Складень — небольшой, из трех составных, складной «иконостас», предназначавшийся для молитв путников в дальней дороге.

* Крест-мощевик — массивный, пустотелый нагрудный крест с вделанными внутри мощами.

* Митрополичий клобук — отмечая «ангельский чин» владельца, был белым, с прямым округлым верхом и ниспадающими за спину «крыльями», с алмазным крестиком на лобии.

* Финифть — известное издревле на Руси стеклоподобное многоцветное покрытие ювелирных изделий, закрепленное обжигом при высоких температурах. Контуры рисунка при этом выполнялись из тончайших, припаянных к основе, золотых или серебряных нитей.

нул: — Что ж с того? Лишь бы увидеться с государем. А вдруг там и решится все? Глядишь, еще на год-два управляющим в Астрахани останусь? Тогда все истраченное верну сторицей! Не тот теряет, кто отдает, а тот, кто жадностью одолим!»

Минула неделя-другая, прежде чем кремлевский посыльный служка известил Олисова, что Федор Алексеевич лично желает выслушать отчет управляющего своего государева астраханского рыбного промысла и ждет его 20 июля в Теремном дворце.

В Кремль Олисов отправился вместе с Филаретом в его митрополичьем возке. Новый алый с золотыми скаными схватцами на груди и золотой обшивкой кафтан подчеркивал силу плеч и природную статью Олисова. Надетая по особому случаю отороченная белым соболем шапка-боярка с серебристым верхом слегка прикрывала ниспадавшие на плечи вьющиеся волосы, оттеняла смуглую кожу лица. Дорогой, усыпанный драгоценными камнями ларец-теремок с дарами и завернутую в белую льняную холстину Отчетную книгу Олисов держал на коленях, то и дело подхватывая обеими руками на ухабах-рытвинах и выбоинах мостовых. Филарет ехал молча, лишь изредка поправляя при толчках белый клобук * с бриллиантовым крестом на лобии и финифтяную * панагию на груди.

Стрелецкий дозор задержал их сначала в проезде кремлевских Троицких ворот, а затем пришлось долго ждать на боярской площадке Теремного двorca. Только через час их вызвали наверх и повели через просторные сени в царские личные покои третьего этажа.

Склонившись в низком дверном проеме входа, Олисов поднял голову и пораился величию убранства палат. В торце крытого красным сукном стола на возвышающемся кресле-троне сидел юный царь, возле него — бояре, а ближе ко входу за отдельным столиком примостился с бумагами дьяк Дементий Башмачников и государев казначей Иван Комынин.

Высокий, расписанный под голубое небо со звездами свод, изящная орнаментальная роспись золотом по красному фону простенков и льющийся из многоцветных стекольчатых окон праздничный свет, казалось, раздвигали стены палат, впуская в хоромы весь необъятный мир. Склонив смиренно пред Федором Алексеевичем и его высоким советом голову, Филарет вдруг выпрямился и твердой рукой осенил трижды присутствующих, а Олисов пал на колени, да так и застыл.

— Буде, буде! Встань и говори о деле, не разводи пустых церемоний! — повелительно прозвучал ломающийся, почти детский голосок Федора Алексеевича, указавшего перстом на застланную ковром пристенную лавку, чтоб вошедшие сядились.

Филарет опередил Олисова и заговорил первым:

— Великий царь-государь всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержец! Прими дар от славного Нижнего Нова града, от верных рабов твоих, — и подтолкнул вперед Олисова как слугу. Афонасий Фирсович уже оправился от волнений и близости столь важных в Русском государстве лиц, отбросил ловким движением пальца крышку ларца. Палату наполнил мелодичный звон скрытых в нем малых колокольцев, исполнивших веселый песенный перебор. Эффект был неожиданным, и все смолкли, прислушиваясь к перезвону. Ларец оказался диковинным, но еще большее удивление присутствовавших вызвали отблескивавший драгоценными камнями складень и крест-мощевик. Красный бархат внутренней обивки ларца оттенял белизну слоновой кости, тонкочеканное золото и вспыхивающие грани алмазов. Олисов бережно поставил ларец перед Федором Алексеевичем на стол и потупил взор, с восторгом прочитав на лицах бояр произведенный подношением эффект.

— Оцени подношение, Богдан Матвеевич! — заговорил царь и с любопытством посмотрел на главу Московской Оружейной палаты. Старый государев оружейничий и хранитель царской казны Богдан Матвеевич Хитрово немало насмотрелся за свой долгий век на всевозможные диковины. Сколько их, которым и цены земной нет, хра-

нится под его присмотром в каменных потайных кремлевских кладовых?! Но сие произведение не могло не взволновать истинного ценителя красоты. Боярин бережно взял в руки массивный складень, распахнул его створки и бережко повернул к свету, наблюдая тонкую игру бликов и теней на резном окладе с жемчужными вставками-зернами, разглядывая тщательную проработку неведомым мастером золотых фигурок деисуса, в особенности сидящего на троне Спаса. Трон был оплетен тончайшим узором, видимым только при пристальном осмотре.

— Резная слоновая кость древних византийцев, а литье наших, русских мастеров! Вон как поновили — сразу и не угадешь. Кость расселась почти невидимыми трещинками, малые отколы местами имеются. Столь изящной работы видеть не доводилось. И в Оружейной палате подобного не сыщешь! Дивно! — проговорил Хитрово и передал складень Федору Алексеевичу.

— Добро! Угодили нижегородцы своему государю! — с напускной важностью, стараясь говорить баском, проговорил Федор Алексеевич. — А как отчет о промыслах? Изготовлен ли?

— В полной точности и

* Учужные суда — плоскодонные большие лодки для ловли рыбы. Учугами назывались перегородки малых рек ивовыми плетнями с сетями-неводами лишь на свободной стремнине.

* Повольно — по собственному желанию.

истинности составлен. Все по статьям записано и по месяцам. За последний год прибыль казне учинили в сравнении с прошлым 1675 годом более десяти тысяч рублей. Деньги, соль и рыбу, полное указное число, исправно доставил в Москву. Суда же учужные * на Яике после разинского разгрома все вновь отстроены. Это доподлинно ведомо казначею вашему Ивану Богдановичу, у нас же в том на руках расписки остались, — проговорил Олисов и с поклоном передал одетую в толстую кожу Отчетную книгу Ивану Комынину.

В знак истинности сказанного казначей закивал головой, между тем придирчиво пролистывал итоговые записи.

— Вижу, радешь об интересах государства нашего! — торжественно произнес Федор Алексеевич. — Ума тебе не занимать, да и способности делом доказал. Такие люди нам нужны! Думаем и впредь торговать с Персией и Индией. Потому утверждаем тебя в звании гостя! Посылай повольно * приказчиков за море, такие льготы тебе как гостю даруем. Возвращайся в Астрахань — управляй по-прежнему нашими промыслами. Служи верой-правдой, как и нашему батюшке служил. Наградой же не обойдем! Дьяку Дементию написать о том указ и разослать по всем городам державы нашей, дабы не заводили на местах пустых тяжб с нашим гостем. Судить его будем мы сами в Москве и срок годовой установим. Что-то сказать хочешь,

гость Афонасий Олисов? — закончил Федор Алексеевич свою речь и озорно огляделся — истинно ли по-государственному рассудил в свои 16 лет?

— Смилуйся! Помилуй, великий государь-царь, раба своего! — упал на колени Олисов. — Не вели казнить — вели выслушать! — Милости твои безграничны, щедротами осыпан раб твой. Но не о себе молю, за славный древний Нижний Новгород прошу! — Афонасий протянул свернутую в трубку грамотку.

— Говори, купец! Чего смолк? — поддержал его царь.

— Тяжкие дни переживаем. Разорен древний город оброками непомерными и поборами, пуще всего — платежом стрелецкого хлеба! Вели, государь, задолженности с посада скостить, оброки поубавить, чтоб истомы тяжкие не испить, оправиться и впредь ваши государевы службы и платежи исправно платить. Бегут людишки с посада! Остальные ж на правехах в долгах изо дня в день стоят. Гибнет город — спаси, помилуй!

Смелая речь Олисова тронула всех. Федор Алексеевич обвел собравшихся взглядом, будто проверяя собственные впечатления.

— Так ли дела обстоят в Нижнем, митрополит? — обратился он к Филарету, удобно усевшемуся на полавки и уложившему свой длинный посох на колени.

Филарет явно не ожидал такого оборота дел и неслыханной смелости от Олисова. Но ему бы-

ло известно истинно бедственное положение Нижегородского посада.

— Вестимо так, государь! Всем то ведомо, только чем помочь худородству да бедности? — уклончиво ответил Филарет и опустил голову.

— Как рассудим, советники мои ближние: ты, боярин Никита Иванович, ты, дьяк Дементий? — вновь, срываясь на дискант, заговорил Федор Алексеевич. — Аль допустим разорение отчизны Минина — спасителя России? — вопрос был поставлен так, что ответ на него мог быть только один. Видя сочувствие молодого царя, советники тоже заговорили о возможной помощи Нижнему Новгороду.

— Пусть задолженность скостят да и впредь оброк поубавят, чтоб нижегородцам в мочь свою платить! — проговорил царь, бегло просматривая челобитье нижегородцев.

— Так, государь, так! — обрадованно шептал Олисов, не ожидавший от присутствующих такой заинтересованности в нижегородских делах.

— Завтра же, дьяк Дементий, напиши о том указ и вручи его нашему гостю. Пусть сам обрадует нижегородцев. Право такое получил смелыми речами, заботами о государстве нашем! — возвышенно закончил Федор Алексеевич...

Возвращался Олисов в Нижний Новгород в карете митрополита. Никак не хотел Филарет отпускать новоявленного гостя одного. Все толковал о том, что

указ следует зачитать не в земской избе, а с паперти кремлевского Спасо-Преображенского собора.

— Вдруг не поверит указу воевода?

— Как же не поверит, коль большая красная вислая печать к указу приложена, да и писан он с государевых слов, что и заверено подписью дьяка Дементия Башмачникова?!

«И тут свою корысть преследует митрополит. Перед паствой защитником бедных явиться желает», — с ухмылкой думал о Филарете в дорожной дреме Олисов, крепче прижимая кованный ларец с указами о пожаловании ему звания гостя и назначении вновь управителем государевых астраханско-яицких промыслов, а также о льготах в платежах и задолженностях Нижегородскому посаду.

Перед глазами стояли строки царского именного указа: «Недоплатный стрелецкий хлеб и доимочные деньги править с Нижегородского посада не велено, да и впредь облегчены со 1676-го году: вместо 7 500 рублей платить по окладу за стрелецкий хлеб по 536 рублей на год...»

Цены нет клочку бумаги! Сотен караванов судов с рыбой и солью стоит! Сколько жизней сохранит, судеб неполоманных людских сколько! Вот как устроилось! Все сбылось, о чем думалось. «Мечтать-то мечтал, да не верил!» — словно из другого мира послышался внутренний насмешливый голос.

— Свершилось же... — возразил сам себе Олисов и вновь погрузился в неторопкую дорожную дрему.

В Нижний Новгород прибыли 15 августа. По уговору с митрополитом указ было решено зачитать на кремлевской площади у кафедрального собора и съезжей избы утром следующего дня, а вечером по приезде показали его воеводе Борису Васильевичу Горчакову и дьяку Федору Казаринову.

Дьяк искренне обрадовался. В отчете о сборах с нижегородского посада на сей раз не будет недоимок, и в Новгородском столичном приказе не придется слышать упреков в его дьячем нерадении. Воевода же лишь понимающе хмыкнул, допытываясь:

— Как ты, Олисов, объехал, богатеет-то нижегородских? Из грязи — да в князи. Из простого посадского сословия сразу в гости! Невиданное досель дело. Знать, сумел умаслить дьяков да подьячих Дворцового приказа, одарил государя-царя да бояр-советников... а меня-то забыл? Не я ль хлопотал вседневно о семье твоей без хозяина, в службы не неволил сына, выплаты оброков не торопил? Так-то! Помни щедроты мои. До отъезда в Понизовье заглянул бы с бошонком вина фряжского, с икоркой да с балычком. Не оскудеет твой дом, а я помяну по-христиански добрым словом новоявленного гостя-нижегородца! — съехидничал воевода.

«Ух, вымогатель! Ну и хват! —

возмутился в душе Олисов. — В открытую грабит, сам и указывает нести сколько! Никого не боится, даже присутствия государева дьяка. Вот бы донес о том в Москву? Да где ж там! Сам, видать, такой же — ишь посмеивается в бороду, чернильное племя!»

Ответил же понимающе:

— Загляну, загляну на приглашение. Как не помнить забот о нас, сиротах, государя-воеводы!

На соборной площади Олисов чувствовал себя именинником. Благосклонно принимал низкие поклоны благодарных нижегородцев, поздравления купцов гостиной сотни *, ранее не замечавших его, а теперь велеречиво именовавших полным именем-отчеством.

Перед собором толпился, почитай, весь посадский люд. Народ запрудил все свободное пространство и прилегающие переулки. Ребята-подростки заняли крыши амбаров и лавок кремлевского торгова, заборы Печерского подворья и митрополичьей усадьбы. Каждому хотелось лично услышать слова указа, хотя слух об отмене накопившихся за годы недоимок уже гулял среди людей. Все с почтением и слезами радости величали Олисова спасителем от тяжких бед. Из уст в уста передавались рассказы о смелых речах его перед самым государем-царем и Боярской думой. При этом сказывалось все более несусветное, но неизменно героем оставался Афонасий Фирсович.

...Немного вроде времени отсутствовал хозяин в этот раз в дому, а событий немало свершилось. Сын Афонасий весь отдался делу, увлекся строительством и, помня наказ отца, не жалел денег, чтоб сколь можно быстрее возвести каменные палаты на Ильинской горе.

Проведя по тетради расходов пересчет и не обнаружив неразумных трат, отец скупко похвалил рачительность сына. На месте же строительства не смог удержаться от повторной похвалы Афонасию. Была уже закончена кладка каменной части палат и крыльца. Плотники завершили рубку третьего, бревенчатого, этажа и ставили стропила будущей бочечной кровли, через которую пропускали печные трубы. Слабыми струйками из них шел уже и дымок: печи потихоньку топили валявшейся повсюду щепой, чтоб сразу выявить — нет ли недостатков-пороков в кладке, хороша ли тяга и ровен ли нагрев, перед тем как обложить печи изразцами. Какие уж тогда могут быть исправления?

Рубленая часть палат слегка нависала над каменными стенами. Она предназначалась для повседневного житья семьи. По традиции считалось, что в промерзших зимой толстостенных кирпичных горницах жить нездорово от холода и вредных известковых испарений.

По строительным лесам Олисов с сыном поднялись на верхнюю площадку крыльца, где кирпичники выкладывали фигурны-

ми малыми кирпичиками портал * входа.

«Словно в храмходишь!» — с гордостью подумал Олисов и живо спросил сына:

— Сам догадался сделать, аль каменщики надоумили?

— Во всем доверился Михаилу да Андреяну Григорьевым, — не слукавил в ответе Афонасий. — Опыт у них отменный и старанием бог не обидел. Братьев-каменщиков заслуга, что палаты, почитай, готовы, я ж все более по хозяйству: купить — достать — привезти. Забот и без того хватало. Да и можно ль мастерам в их деле указывать?

Ответ понравился отцу правдивостью и взрослой рассудительностью.

«А сын-то созрел и для больших дел!» — Олисов по-новому оглядел Афонасия, по-хозяйски перешагивающего через нагромождения кирпича, тесниц и известковых творил. В просторных сенях к еще не обмазанной известью стене была приставлена неокрашенная железная дверь

* Гостиная сотня — привилегированная корпорация купцов России XVII в., членам которой разрешалось торговать в любых районах страны.

* Портал — декоративно оформленный дверной проем. В каменных палатах и храмах в XVII в. нередко выполнялся из специально отформованных, фигурных кирпичиков «штучного набора».

* Подстав — кованый, с заглубленной в кирпичную кладку частью, металлический штырь для навески полотнищ дверей.

с искусно выполненными железными цветами-репьями. Кузнец Тимофей Родионов доводил вделанные в кладку подставы *, чтоб без лишних хлопот, как завершат кирпичники обкладку портала, навесить ее разом и навсегда.

— Изрядно сработано, кузнец! Только почему ж не окрашено железо? Ржаветь уж начало в сыром-то помещении.

— Беды в том нет — очистим. А красить не спешу — может, вызолотить репья изволишь? Куда как достойней будет! — проговорил кузнец и усмехнулся.

— А как дорого станет это? — поинтересовался Олисов и задумался. — «Не плохо бы иметь то, чего ни у кого нет, да, поди, дорого встанет?»

— Не более пятидесяти рублей.

Олисов, не думая более, махнул рукой.

— Крась как пригоже. Вернись из Астрахани, тогда и о позолоте подумаем.

— Выход-то наверх пристроить к стене, чтоб сени не загромождал да и подводил прямо к горенке над крыльцом, я придумал, — похвастал, не удержавшись, Афонасий, но, поглядев на отца, понял, что сболтнул лишнее.

Вечером того же дня Афонасий Фирсович вызвал к себе кормщика и Ивана Владимировича.

— Готовьтесь в путь-дорогу. Днями отправимся, чтоб до ледостава прибыть в Астрахань. Кто знает, не будет ли ранней

нынешняя осень-зима? Думы о делах беспокоят.

— Мы готовы! Лодья в исправности — осмолена для надежности, весла новые впрок запасены и парус заменен. Не будет задержки на мелях-перекатах — в срок к месту прибудем, — ответил кормчий.

— А ты найми на лодью ярыжных большим числом! Лишние рты не помешают, в трудную ж минуту — помощь всегда под рукой будет. Пищалей с порохом, Иван, купи поболее! Мало ль разбойников ныне на Волге-матушке развелось? Чтоб было чем их угощать-потчевать в случае чего. Задерживаться доле не могу — государево дело исполнять должен. И помехи случайной быть в пути не должно!

Через несколько дней рано поутру от пристани под Нижегородским кремлем отчалил легкокрылый струг и понесся вниз

по течению, в Понизовье. Парус наполнился ветром, глухо щелкал при его порывах, нос судна зарывался в разбегавшиеся в стороны волны. Вышли на стрежень. По темной воде разом ударили двенадцать пар весел...

Под мерный ритм всплесков хорошо думалось Олисову о будущем. Тому не мешала и знакомая с детских лет песня гребцов:

Как в старом-то было городе,
Во славном и богатом Нижнем!
Как уж жил тут поживал богатый купец,
Говядарь Кузьма Минин сын.
Он собрал-то себе войско
из удалых молодцов,
Из удалых молодцов,
нижегородских купцов...

«Достойный людской памяти подвиг свершил Минин, а ведь тоже был посадским! Может, и про меня когда-нибудь споют!» — тщеславно возмечталось Олисову...

МАСТЕРА НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ XVII ВЕКА

Большинство памятников архитектуры и хранящихся в музеях страны изделий кузнецов, резчиков по дереву и камню, керамистов и ювелиров России XVII в. из-за почти полного отсутствия связанных с их созданием документов остаются безымянными творениями неизвестных художников. Рассказывая же об отдельных мастерах-нижегородцах XVII в., считаем долгом назвать и других, чьим творческим трудом и талантом создавались вызывающие и сегодня удивление и восторг творения, в том числе ктиторов, если их вклад в разработку художественного образа памятника был определяющим. Многие имена мастеров из народа и их работы называются впервые.

АФОНАСЬЕВ ПЕТР СЫН СКОМОРОХОВ — изограф-нижегородец. — В 1660 г. был вызван в Москву для росписи под руководством Симона Ушакова и Степана Рязанца «стенным письмом» кремлевского Михайло-Архангельского собора, где работал два года. В 1666 г. он вновь участвовал в росписи кремлевских соборов и царского Теремного дворца. За высокое искусство был зачислен в государевы записные мастера Оружейной палаты. В 1668 г. вместе с другими иконописцами-нижегородцами выполнял в родном городе крупный правительственный заказ на написание икон антиохийскому патриарху Макарию. В Нижнем Новгороде жил в нетяглом дворе купца Ивана Городчанина. Свидетелями трудов изографа XVII в. остаются росписи зданий соборной площади Московского кремля.

БОСОЙ ЕФРЕМ — ведущий мастер строительной артели нижегородского

Печерского монастыря, которому в 1630-х гг. подчинялись каменщики, плотники и кузнецы. Ему же зимой 1634 г. на завершающем этапе возведения собора приказывалось следить «буде где на столбе или под сводами сщель появится и старец бы Ефрем со своими каменщиками поделывал как ево бог вразумит (то есть по своему разумению и опыту), чтоб поруки где не учинить, а глава большая буде не опаяна и он бы опаивал неоплошно». После завершения собора Ефрем Босой занимался ремонтом печей в кельях, клал кирпичные горны монастырской кузницы и очаги квасоварен, получая в год «пожилого» всего 2,5 руб.

ГРИГОРЬЕВЫ ИВАН И ГРИГОРИЙ — домовые каменщики-мастера нижегородского Благовещенского монастыря, активные участники создания этого редкого по красоте и архитектурно-художественным особенностям ансамбля XVII в. В настоящее время

сохранились: собор (1648—1649), Успенская церковь с трапезной и колокольней (1652), Сергиевская церковь, часть больничного корпуса XVII в., искаженные позднейшими ремонтами и поновлениями казенная и казначейская кельи, архимандричьи каменные покои.

ДРАНИШНИКОВ ГАВРИЛА СТЕПАНОВ СЫН — ктитор-строитель. В 1675—1683 гг. в Нижнем Новгороде возле Ивановской башни кремля под его руководством начато возведение сохранившейся поныне каменной Иоанно-Предтечинской церкви. Он лично заключал договоры с артелями плотников и каменщиков, кузнецов и иконописцев, выбирая мастеров по своему разумению, активно вмешиваясь и в их творческий труд. В разгар строительства церкви он умер, поэтому отделкой обширного каменного здания занимался уже его родной брат Лаврентий.

ЗАДОРИН СЕМЕН ФИЛИПЬЕВ СЫН — купец-зодчий, нижегородец, известный в истории России по событиям середины XVII в. деятель. Наряду с торгово-промышленными делами он активно занимался строительными подрядами. В 1647 г. на территории Нижегородского кремля, близ Никольской башни, возводит каменные кельи и собор женского Воскресенского монастыря, тогда же приступает к строительству нового шестистолпного Спасо-Преображенского собора (освящен в 1652 г.), составляет смету на ремонт-поновление «порухей» кремлевских стен. В 1653 г. возводит на Нижнем посаде «близ двора своего» Рождественскую, а в 1656 г. — Никольскую церковь на торгу.

ИВАНОВ ГРИГОРИЙ — резчик по белому камню и дереву, мастер Г. Д.

Строганова. Работал во многих городах России: в 1686 г. украшал резными каменными скульптурами с изображением львов и орлов Красное крыльцо царских кремлевских теремов в Москве, выполнил резной иконостас Введенской церкви Сольвычегодска, вероятно, является и участником создания редкого по красоте и тонкости исполнения иконостаса нижегородского Строгановского храма.

ИВАНОВ МЕЛЕТИЙ — резчик по дереву, нижегородец. Один из наиболее признанных создателей многоярусных сложных иконостасов для крупнейших соборов Поволжья XVII в.: арзамасского Спасо-Преображенского и Макарьев-Желтоводского монастырей. В конце 1680-х гг. вырезал и вызолотил «херувимы и серафимы» иконостаса собора Печерского нижегородского монастыря, выступив не только мастером декоративной резьбы, но и «скульптором».

ИЗОСИМА — соборный старец, один из создателей собора нижегородского Печерского монастыря. На завершающем этапе строительства, осенью 1633 г., ему наказывалось: «...сам, Изосима, дозирай... А в церкви буде кружала которые не выбелены и не подмазаны и не обелены, и вы б не выбирали, пустили б в зиму». Это свидетельство важно, так как уточняет повторяющееся в литературе мнение об освящении собора уже летом 1632 г.

КОНДРАТЬЕВ АРТЮШКА — резчик по дереву и скупщик «красного щепья», крестьянин арзамасской Выездной слободы — представитель широко распространенного в XVII в. в Арзамасе и в близлежащих селах промысла. Ассортимент резной посуды был разнообраз-

разным: ложки, чаши, братины, ковши, поставцы, большие утицы-скобкари, в том числе крашенные (красные, писанные). Только в Темников А. Кондратьев доставил в 1700 г. на торг сразу «10 000 ложек, цена 10 рублей с полтиною тысяча... 100 братин болших и малых, цена 2 рубли с полтиною, 500 достаканов деревянных писаных, цена 3 рубли, 500 ковшов кленовых красных, цена 5 рублей».

КОРНИЛОВ АРХИПКА — кузнец-пурешанин Д. М. Пожарского. Вместе с братьями по ремеслу, Осипком Ивановым и Ивашком Федоровым, участвовал в первой половине XVII в. в строительстве в Пурехе каменной Спасской церкви, для которой ковал не только связи и оконные решетки, но и металлические двери, украшенные тончайше выполненными просечными накладками и рельефными цветами-«жуками». В настоящее время кованые двери из Пуреха в качестве лучшего образца древнерусских кузнечных работ экспонируются в Историческом музее СССР на Красной площади.

ЛЕОНТЬЕВ СЕМЕН — зодчий-крестьянин подмонастырской слободы Макарьев-Желтоводского монастыря. Сначала принимал участие в строительстве его ансамбля в артелях москвичей-подрядчиков Андрея Моисеева и Ивана Константинова, а в 1689—1693 гг. выстроил здесь по собственным сметным росписям и «чертежам» архимандричьи, сохранившиеся до наших дней, каменные покои.

МАКАРОВ ТЕРЕНТИЙ — выдающийся зодчий, крестьянин из-под Василевой слободы (ныне Чкаловска). Создал в 1687—1688 гг. в царской подмошковой усадьбе Измайлово каменную

церковь Иоасафа Царевича — первую барочную постройку России конца XVII в., имевшую оригинальную трехглавую композицию верха в сочетании с открытой галереей-гульбищем и стройной шатровой колокольней.

НАБОКОВ ТИМОФЕЙ — каменных дел подмастерье, арзамасец. Строил по подрядам самые различные по назначению здания во многих городах России. В 1680 г. вместе с сыновьями надстраивал в Москве вторым этажом кирпичные палаты стольника Федора Нахбекова, в 1681 г. был взят на государственные каменные работы в Путивль. В родном же городе возводил сохранившуюся трапезную палату Спасо-Преображенского монастыря.

ПРОКОФЬЕВ ЕРАСТ — иконописец-балахнинец. С 1642 г. вместе с сотоварищами, Иваном Нехорошевым и Антоном Патрикеевым, два года расписывал главный храм страны — Успенский собор Московского кремля. За мастерство и труд получил в награду портища узорочных иностранных тканей. В 1660 г. был вновь вызван в столицу для росписи интерьеров кремлевского Михайло-Архангельского собора, после чего оказался зачислен в государственные записные мастера Оружейной палаты. Можно полагать, что он принимал участие и в создании сохранившегося до наших дней иконостаса балахнинского Христорождественского собора.

РОГОЗИЛЬНИКОВ ИВАН — ложкарь и скупщик резной деревянной посуды, нижегородец. Свою фамилию получил от названия родового промысла. Особо высоко ценилась в XVII в. нижегородская красная (крашенная) посуда в Персии, Индии и в странах Ближнего

Востока, закупавшаяся купцами-иноземцами на Каргальской пристани Каспия. В 1681 г. И. Рогозильников доставил туда из Нижнего Новгорода для продажи «пять тысяч всякова краснова щепья», а в 1683 г. — кроме резной посуды множество других изделий из дерева (корыт, бадей, лопат, весел, дубовых брусьев). Резные изделия XVII в. экспонируются в лучших музеях страны в декоративно-художественных отделах народных промыслов.

РЫБИЦЫН СЫСОЙ ВАСИЛЬЕВ СЫН — корабел-васильгородец. Строил вместе с сыновьями малые речные суда, продававшиеся в середине XVII в. на Макарьевской ярмарке и в Нижнем Новгороде крупными партиями.

СТРОГАНОВ ГРИГОРИЙ ДМИТРИЕВИЧ — солепромышленник, ктитор-строитель. Во многих городах России по его заказу возведены храмы и палаты, поражающие высоким качеством проработки художественного образа зданий, тончайшей резьбой по белому камню и дереву (иконостасов), а также коваными элементами убранств. Исследователями русской архитектуры считается, что Г. Д. Строганов активно вмешивался в объемно-пространственное и художественное решение строившихся по его заказу зданий, выступал в качестве зодчего. В Нижнем Новгороде им построены в XVII в. Гордеевская и Рождественская (освящена после пожара лишь в 1719 г.) церкви, остающиеся яркими памятниками русского барокко рубежа XVII—XVIII вв.

ТВОРОГОВ АНДРЕЙ — оружейник-павловчанин. В конце XVII в. в Павлове-на-Оке сформировалась группа из 13 мастеров-оружейников, специа-

лизировавшихся не только на изготовлении холодного, но и огнестрельного оружия. Менее квалифицированные кузнецы, выполнявшие слесарные вещи (ножи, замки, серпы-косы и сошники), именовались мастерами «черного дела». По ходатайству старосты оружейников А. Творогова в 1688 г. им были выделены в Павлове по берегу Тарки-реки для мастерских особые места, по 100 кв. м каждому мастеру. Изделия оружейников-павловчан XVII в. хранились в коллекциях князей Черкасских, Одоевских и Шереметевых, а сегодня находятся в запасниках музеев Останкина и Кускова.

ФЕДОРОВ ГЕРАСИМ — кузнец, меднолитейщик, нижегородец. Вместе с другими оружейниками Нижнего Новгорода в 1618 г. выполнял крупный государственный заказ на изготовление 500 ружей, в 1619 г. лил здесь пушки. При строительстве нижегородского кремлевского Михайло-Архангельского собора в 1628—1631 гг. он ковал для него сохранившиеся железные двери, оконные решетки и другой архитектурный металл. С 1630-х гг. назывался в городе просто Герасим-колокольник. Нижегородские колокольца, как пурехские и валдайские, были широко известны в России XVII в., крупными партиями они поступали на внутригосударственные торги и ярмарки (по 200—220 штук).

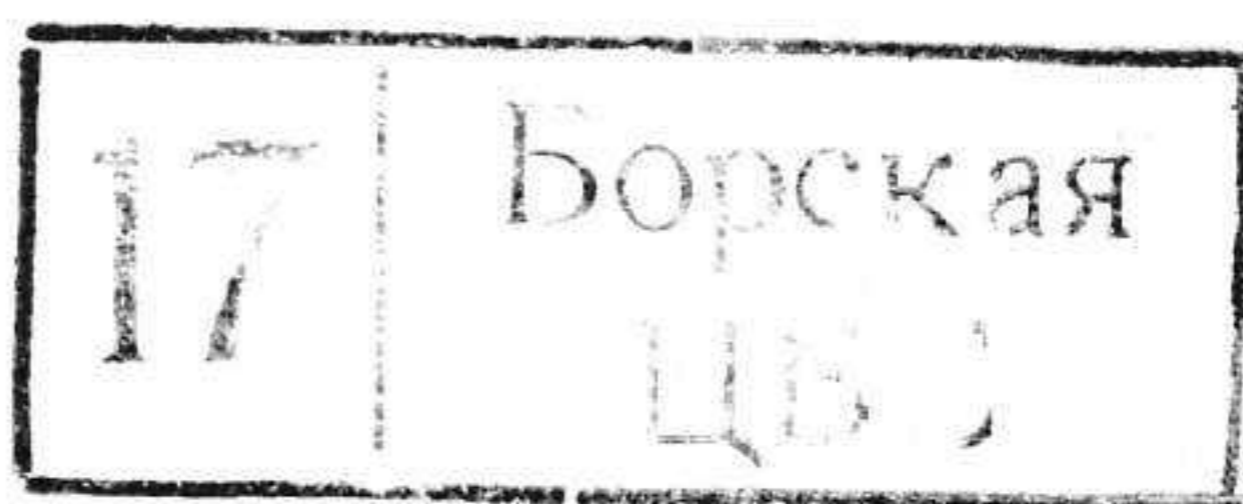
ЧЕРСТКИН ВЕЛЬЯМИН — один из создателей архитектурного ансамбля нижегородского Благовещенского монастыря. Возглавлял созданную из приписанных к обители слобожан строительную артель, а также поставлял к месту работ кирпич из Балахны, железо из Москвы.

ШУШЕРИН ИВАН КОРНИЛЬЕВ СЫН — златокузнец-ювелир и писатель-публицист. В 1685 г. «сковал» богато убранную драгоценными камнями и золотыми чеканными дробницами шапку для архимандрита нижегородского Благовещенского монастыря. Детские и юношеские годы провел в окружении патриарха Никона, был верным его

сторонником и после суда над ним оказался сослан под «строгий начал» в Новгород Великий. Проявил себя одаренным хронистом, создав «Житие патриарха Никона», передающее сложный тернистый путь становления Никона от крестьянского сына до «великого государя», управлявшего при отъездах царя из столицы Боярской думой.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Н. Боголюбов. О книге «Нижегородские мастера»	3
От автора	5
Вершиловские мастера	7
Государевы каменщики	35
Каменных дел подмастерье Антип Константинов	53
Рудознатец лесного Заволжья	99
Зодчий-крестьянин из Кадниц	119
Изограф из Павлова острога	133
Ктитор-строитель Афонасий Олисов	159
Мастера Нижегородского края XVII века. Именной указатель	187

Для детей среднего
и старшего школьного возраста

Николай Филиппович
Филатов

НИЖЕГОРОДСКИЕ МАСТЕРА

Редактор З. С. Колодина
Художник В. М. Осока
Худож. редактор В. В. Кременецкий
Техн. редактор Г. В. Стачева
Корректор Е. Б. Носова

ИБ № 1669. Научно-художественное издание

Сдано в набор 12.10.87. Подписано к печати 04.04.88. МЦ 00354. Формат 60×84^{1/16}. Бумага книжно-жур-
нальная офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 11,35. Усл. кр.-
отт. 22,79. Тираж 60 000 экз. Заказ 4508. Цена 45 коп.

Волго-Вятское книжное издательство, 603019, г. Горький, Кремль, 4-й корпус.

Типография издательства «Горьковская правда»
603006, г. Горький, ГСП-123, ул. Фигнер, 32.